МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
Документы и материалы

Выпуск 10

Белгород 2017

ФЛАВИЙ КРЕСКОНИЙ КОРИПП
АФРИКАН ГРАММАТИК

ПАНЕГИРИК ЮСТИНУ МЛАДШЕМУ

ББК 63.3 (0) 4
М 63

Ответственный редактор-составитель Н.Н. Болгов.

Издается по решению кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ» от 6 декабря 2017 г., протокол № 4, и по решению коллегии Центра Постклассических исследований, в соответствии с тематическим планом НИР Научного направления НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция».

Флавий Крескониий Корипп Африкан Грамматик. Панегирик Юстину Младшему / Отв. ред.-сост. Н.Н. Болгов. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2017. – 116 с. / **Мир поздней античности. Документы и материалы.** Выпуск 10.

Публикуется первый в отечественной науке специальный очерк о поэме латинского поэта VI в. из Африки Крескония Кориппа «Панегирик Юстину Младшему». Эта поэма – последнее эпическое произведение античности, написанное на латинском языке в Константинополе – важный источник по ранневизантийскому придворному церемониалу, коронации, инаугурации, погребальному обряду императоров. Корипп завершает античную эпическую традицию, идущую от Гомера и Вергилия. На русском языке поэма ранее не издавалась. В данном издании дается вступительный материал, латинский текст всей поэмы и полный русский перевод прозой, который носит предварительный характер. Развернутый комментарий будет издан дополнительно.

Книга является непосредственным продолжением 9-го выпуска МПА, также посвященного Кориппу.

Издание предназначено исключительно для учебных и ознакомительных целей и не преследует коммерческого характера.

М 63

СОДЕРЖАНИЕ

«Панегирик Юстину Младшему» Кориппа ……………………. 5
Corippi In Laudem Iustini Augusti Minoris Libri IV …………… 33
Корипп. Панегирик Юстину Младшему ……………………… 77

«ПАНЕГИРИК ЮСТИНУ МЛАДШЕМУ» КОРИППА[1]

Автор. Несколько обрывков информации, которую мы имеем о Флавии Кресконии Кориппе, может быть получена почти исключительно из двух его поэм – «Иоанниды»[2] и «Похвалы Юстину Младшему». Иными словами, это только имя, дающееся полностью лишь в одной рукописи Budensis, ныне утраченной[3], и слово «грамматик», приложенное к рукописи Matritensis[4]. Мы также теперь можем учесть, что в конце VII века епископ по имени Кресконий был ошибочно отождествлен с нашим поэтом[5], поэтому придется прибегнуть к скудным указаниям в самих поэмах, которые, хотя и сохранились целиком, но в различных рукописных традициях точно одного и того же автора[6].

Й. Партш в предисловии к своему изданию и Ф. Скутш, автор статьи о Кориппе в RE, уже встали на твердую почву в отдельных деталях, хотя еще и очень кратких. Корипп был, по всей видимости, учителем из небольшого городка в провинции Африка, когда сочинял свою эпическую поэму в 8 книгах о подвигах полководца Юстиниана – Иоанна Троглиты и мог прочесть ее procures (знатнейшим) в Карфагене (Ioh. Praef. 25, 36). Он написал поэму вскоре после прекращения военных действий в 548 г., как ясно следует из Введения и особенно из Ioh. I.9ff. Но затем последовало молчание в течение почти 20 лет, в течение которых была написана «Похвала Юстину Младшему» в ознаменование воцарения Юстина II, которое имело место 14 ноября 565 г. В это время Корипп уже смог перебраться в Константинополь, где он смог занять какой-то род должности на императорской службе (Pan. Anast. 44ff). Разумно предположить, что «Иоаннида» принесла поэту необходимую поддержку в высших кругах. Также возможно, что он стал одним из трибунов, нотариев или скриниариев, которых Юстин щедро вознаградил на своей ина-

---

[1] Раздел основан на кн.: Flavius Cresconius Corippus. In laudem Iustini Augusti minoris, Libri IV / Ed. Av. Cameron. London, 1976. 224 p.

[2] *Diggle J., Goodyear F.D.R.* Flavii Cresconii Corippi Iohanidos seu de Bellis Libycis Libri VIII. Cambridge, 1970.

[3] Partsch, XLIII, XLVII (Corippi Africani Grammatici libri qui supersunt / Rec. I. Partsch. B., 1879).

[4] О Matritensis см. ниже.

[5] Partsch, XLIII-XLIV; Skutsch. RE. IV.I.1236.

[6] Аргументацию и примеры см.: *Appel E.* Exegetischkritische Beitrage zu Corippus (Diss.). Munchen, 1904. S. 14f. Как и Панегирик, «Иоаннида» сохранилась в одной рукописи XIV в. (Tribultianus).

угурации как консула 1 января 566 г. (Iust. IV. 173ff). Он был в некотором роде прикреплен к службе квестора Анастасия, которому посвящено второе Вступление в Iust. (Pan. Anast., 45f), которое должно быть согласовано с его членством в скринии[7]. Но здесь не все ясно: он ныне сетует не только на старость (Pan. Anast. 48), но и на проблемы (Praef. 41f; Pan. Anast. 49), которые, кажется, связаны с имуществом (Ptaef. 43). Это может быть связано с его упоминаниями о печальном положении Африки в последнее время (Pan. Anast. 36f).

Как и «Иоаннида», поэма о Юстине, как кажется, была написана также после описанных в ней событий. Книга IV, описывающая начало первого консульства Юстина 1 января 566 г., следует за первыми тремя книгами с очень небольшим интервалом (Iust. III.405ff). Конечно, она предшествует второму консульству в 568 г., однако, возможно, ненамного; не должно быть много мнений такого рода относительно данной поэмы, после всего, если она была по крайней мере актуальна. Предисловие написано определенно до 568 года, когда лангобарды завоевали Италию (Praef. 12f). Твердые хронологические опоры также заключаются в аллюзиях на заговор Этерия и Аддея в 566 г. (Iust. I.60f; IV.348f; II.68f). Это вполне точные указания и, вероятно, достаточно доказательств, что первые три книги созданы в 566 г., а книга IV – вскоре после этого, в конце 566 или в начале 567 г. Такая датировка должна также соответствовать между Предисловием Кориппа и Предисловием Агафия к циклу эпиграмм, опубликованных приблизительно в то же самое время, где есть аллюзии на новый дворец в Софианах (Iust. IV. 285f)[8].

Итак, Корипп оставил нам две важные поэмы с промежутком приблизительно в 20 лет между ними, и каждая из них сохранилась в одной рукописи. Больше ничего нам о нем не известно; его труды были использованы уже Венанцием Фортунатом, но помимо того, что мы здесь имеем – нет никаких намеков на его рецепцию.

«Панегирик Юстину Младшему Августу». В единственной рукописи, в которой сохранилась данная поэма, она называется просто «Книга, изданная в похвалу Юстину Августу младшему». Но это, однако,

[7] Partsch, XLV, № 5.

[8] О датировках Кориппа, и специально о дворце в Софианах в связи с ним, см.: Notes of the Sophiae, the Sophianae and the Harbour of Sophia // Byzantion. 37. 1967. P. 15f.

не обычный панегирик, но гибрид, сочетающий панегирик и эпос[9]. Его предметом является воцарение Юстина II (книги I-III), его инаугурация как консула (книга IV – не полностью), и в целом манера поэмы – не статическая, и не динамичная. События имеют тенденцию составляться в серии – части целого (I. 28f – сон Юстина; II.8f – прибытие сенаторов; 226f – лежащий Юстиниан; 314f – скопление народа на Ипподроме и т.д.), такова сильная нить всего нарратива.

Сам Юстин непосредственно описан только относительно частных аспектов событий, например, II,137f, когда его поднимают на щит перед увенчанием его диадемой. Во всех частях панегирика, где он присутствует, есть очень много второстепенных эпизодов по отношению к главному повествованию. Так, он дает нам уникально ценные сведения о фактах имперских церемоний.

Там, где повествование носит сложный характер, то это не потому, что автор вводит риторические украшения (кроме использования экфрасиса: I, 276f; III, 191f), а потому, что Корипп воплощает в них параллельные линии образности, которые призваны объяснить символизм имперской позиции, в которой современное имперское искусство некоторым образом использует репертуар символов так, что выражает определенные фиксированные идеи. Типично в этом контексте II, 137f, где Корипп описывает и объясняет церемониал поднятия на щит, а также I, 134f – о символизме цветов цирковых партий; IV.264f – о храме св. Софии и ее символическом смысле. Более условные эпические «отступления» см. в III,88f (вина и коронационный пир), и особенно IV, 13f (сбор леса для строительства трибун) – реже и более заметны в их функциях простого описания.

Поэма поэтому иной раз уникальна – детальным описанием отдельного византийского императора, олицетворяющего объяснение смысла предметов и церемоний, описанных так, чтобы достичь наиболее сильного эффекта имперского величия, которое, с другой стороны, неизбежно занимает политическую позицию в отношениях, связанных с императором[10]. Хотя этот объект, безусловно, служил прославлению Юстина, сама поэма, в отличие от Вступления, не имеет структуры (характера)

---

[9] *Nissen T.* Historisches Epos und Panegyrikos in der Spatantike // Hermes. 75. 1940. S. 298ff.; *Alvares E.* Los Panegiricos de Flavio Cresconio Corippo. Santiago de Compostela, 1972.

[10] *Бибиков М.В.* Генезис и парадигматика идеи власти в Византии // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). М.: ИВИ РАН, 2004. С. 11-14.

панегирика, тогда как, с другой стороны, эти рамки и приземленные подходы также ограниченны для того, чтобы быть отмеченными как эпос в обычном восприятии.

Имеется два Вступления, оба в гексаметрах, одно из которых адресовано самому Юстину, а другое – квестору Анастасию. Но сам Корипп обращается также к Вигилянции, матери Юстина, к его жене Софии и к Богоматери (I.8f; III.147f). Общий план поэмы выглядит следующим образом[11]:

Вступление (Praefatio) – 48 строк: это множество обращений к императору, описание его власти и силы, и призыв его удачи.

Панегирик Анастасию (51 строка): похвала квестору Анастасию.

Книга I.

1-27: введение, о покровителях Кориппа.

27-28: лакуна, содержащая сообщение о смерти Юстиниана.

28-65: сон Юстина, предвещающий его провозглашение императором.

66-186: Каллиник и другие сенаторы приходят к Юстину во дворец и добиваются его согласия на трон.

187-293: Юстин и София прибывают в Великий Дворец и оплакивают тело Юстиниана (274f – экфрасис расшитых погребальных облачений Юстиниана).

294-313: Молва (fama) летит по городу.

314-367: народ собирается на Ипподроме в ожидании события. Множество символов на Ипподроме.

Книга II.

1-46: Юстин отправляется на службу в церковь Архангелов.

47-83: София отправляется на службу в церковь Богородицы.

84-174: облачение и коронация Юстина (во дворце). Приветствия сената.

175-277: Первая коронационная речь Юстина.

278-430: Юстин лично является народу на Ипподроме. Приветствия народа, затем – Вторая коронационная речь. 301f – завершение множества раз проявленного Юстином благочестия (pietas).

Книга III.

1-61: погребальная процессия Юстиниана в храм св. Апостолов.

62-84: радость народа по поводу воцарения Юстина.

---

[11] Структура поэмы дана по изданию Ав. Кэмерон (1976).

85-150: коронационное празднество[12].

151-407: Аварское посольство и его прием Юстином на седьмой день царствования. 191f – экфрасис трона Юстина. 271f – речь авар и ответ Юстина.

Книга IV.

1-89: приготовления к консульской инаугурации 1 января 566 г. 13f – описание леса, который используется для строительства трибун для зрителей.

90-205: консульская щедрость (дары) сенату и чиновникам (во дворце).

206-263: консульское шествие (processus).

264-325: Юстин следует в св. Софию, чтобы принести благодарности. 290f – символический смысл храма.

326-377: Юстин восседает на круглом кресле в окружении своих высших сановников…[13]

Цель поэмы. Поэма была написана определенно в Константинополе и предназначена для публичного произнесения при дворе перед слушателями, которые должны были понимать все тонкости императорских церемоний и политические нюансы, связанные с воцарением Юстина[14].

Весьма примечательно, что достаточно крупная латинская поэма предназначалась для самой интимной части грекоязычной придворной жизни, хотя это было не уникально (IV.154f). Нет проблемы в том, что поэма могла быть предназначена для более узкой западной аудитории; латинские панегирики представлялись более престижными, а адресаты этого труда рассматривались Кориппом не иначе как сама императорская чета, а также квестор Анастасий. В поименном списке имперских чиновников (I.15f; IV.332f), вместе с миниатюрными панегириками персонам, влиятельным при дворе (I.79f; 212f; III.220f), видно, что Корипп держал эти придворные круги в голове; нет сомнений, что он надеялся получить возмещение за свои беды путем вмешательства важных людей, которые поддержат его уже, возможно, хотя бы одобрительными откликами (I.15f). Но при любой реалистичной оценке связей Кориппа с двором

---

[12] *Baldwin B.* A note on Corippus, In laudem Iustini 3. 93-94 // Hermes. 114. 1986. P. 503.

[13] *Meister R.* Zu Corippus Laud. Just. 4, 354 // ALL. 15. 1908. S. 421-423.

[14] *Antès S.* Rhètorique et poésie dans le poème In laudem Iustini de Flavius Cresconius Corippus // Caesarodunum. 14 bis. 1979. P. 187-196.

становится ясно, что он не мог написать поэму в таких точных деталях, если он лично не был свидетелем многих событий, а по другим не имел бы хороших источников. Поэма должна была стать тем единственным средством, с помощью которой он думал заслужить милость ее участников, и тем, что не слишком далеко отклоняется от правды, какой они ее видели.

На протяжении всей поэмы, особенно ее I книги (I.76; 130f; 135; 192; 202f), Корипп стремится создать впечатление, что коронация Юстина - гладка и неизбежна (Ср.: Vict. Tonn., 567). Императору его власть гарантирована Богом (I.33f; 208f). Он становится после коронации не только истинным образом Христа, воплощением имперского благочестия (pietas) (II.407f); даже перед смертью Юстиниана Юстин специально избран Богом на трон (IV.339f). Нет и намека на оппозицию, всем известно о том, что дворец был под усиленной охраной ставленника Юстина – Тиберия, который сохранил ключевой пост комита экскувиторов (I.202f; 191f). Нет также и намека на то, что Юстин немедленно нашел необходимым устранить своих главных конкурентов (Evagr. HE. V.2; Joh. Biclar., 568; Joh. Ant., fr. 217b; Agath. Hist. IV.22), и аллюзии на аналогии с заговором, последовавшим в 566 г. (I.60f; IV.348f) читаются как комплименты императору, который успешно провел дела, более опасные, чем указанные реальные беды. Такая точка зрения является фактически просенаторской. Юстин взошел на трон как кандидат сената (I.115f; 191), и его восшествие на престол было представлено народу как свершившийся факт.

Корипп верно сообщает не только об этих предварительных маневрах, но также и о необычных делах при инаугурации и коронации Юстина[15] – на него должен был быть возложен торквес, он был поднят на щит и увенчан диадемой; все это происходило внутри дворца, в присутствии многочисленных сенаторов (II.84-174).

Вместо этих церемоний действо было совершено в Кафизме, и Юстин сам предстал сразу аккламациям народа и войска. Он сделал это главным элементом коронации, адресованным сенату, находящемуся еще во дворце (II.175f), и лишь раздачи народу были единственной акцией для него (II.333f). Корипп представляет эти конституционные инновации полностью с сенаторской точки зрения; взгляд с другой стороны сената

---

[15] *Boak A.E.R.* Imperial Coronation Ceremonies of the Fifth and Sixth Centuries // Harvard Studies in Classical Philology. 30. 1919. P. 37-47.

был фактически очень необычной инициативой, далеко не каждая из которых могла быть утверждена.

Корипп в равной мере поддерживает деяния Юстина и в других областях. Одной из его первых мер стала проблема императорского указа, требующего, чтобы Константинопольский Символ веры был прочтен во всех церквах; Корипп в соответствии с этим вставляет пассаж о символическом значении церкви св. Софии, где дает близко к тексту парафраз Символа веры, который должен стать похвалой религиозной политике Юстина (IV.290f). В противном случае более ранняя политика Юстина будет выглядеть более эффектной в области внешних дел – это его отказ выплачивать дань аварам, агрессивная политика по отношению к Персии[16].

Корипп ранее давал широкое освещение тех событий (III, 151f), где Юстин представал в образе могущественного и безмятежного правителя, персонифицированного спокойствия перед лицом беззаконных варваров (III, 308f). Мудрость его политики была здесь настолько естественной и не вызывала вопросов, что поэт обращается к эпизодам идеологических споров. Корипп, однако, не был одинок в своем приятии и одобрении «мегаломанской и безответственной» политики Юстина[17]; в сравнении, например, с более реалистичными оценками Менандра Протиктора (fr. 14-15). Персидская проблема не выглядела такой серьезной еще за несколько лет до этого, но весь тон Кориппова Вступления показывает Юстина как превосходного воина[18]. Тема эта была хорошо знакома всем жителям империи, а персы включены в перечень народов, известных как подчиненные империи (Praef. 30f).

Как и Вступление к «Циклу» Агафия (AP IV, 3), Вступление Кориппа рисует радужную, идеализированную картину мира, едва ли соответствующую драматическим событиям эпохи создания поэмы и так скоро развеянную в прах. Остальные характеристики предшествующего правления Юстина – это его забота о финансах, которая привела его к снижению имевшихся запасов и расхищению казны, как сообщается во враждебных ему источниках (Evagr. HE. V, 2; Greg. Tur. Hist. Franc. IV, 40; Paul. Deac. Hist. Lang. III, 11). Это ясно показано в поэме Кориппа,

---

[16] *Stein E.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, vornehmlich unter den Kaizern Justinus II und Tiberius Constantinus. Stuttgart, 1919. S. 4-5; *Groh K.* Geschichte des ostromischen Kaizers Justin II nebst den Quellen. Leipzig, 1889. S. 61-62.
[17] *Jones A.H.M.* Later Roman Empire. Oxf., 1964. Vol. I. P. 306.
[18] *Mango C.* The Chronicle of Marcellinus and the Panegyric of Justin by the African Corippus // Byzantium. The Empire of New Rome. 1980. P. 13-14.

особенно в речи на первой коронации (II, 249f). Это часть более обширной темы обновления и восстановления после упадка последних лет правления Юстиниана (II, 331f; 263f; Anth. Plan. 62). Корипп как всегда представляет более выгодную интерпретацию деяний Юстина; более того, с момента его восстановления в консульстве (II, 349f), которое было в действительности более связано с приобретением благосклонности народа, чем с восстановлением справедливости, как провозглашал Юстин (II, 334f), и с учетом внешнего эффекта от кассации долгов (II, 361f), другие подсчитывают движение и возможные при этом инициативы Софии[19].

Корипп не рассказывает нам много нового о Юстине. Его картина связана только с началом правления, и она полностью комплиментарна для поэмы, которая сочинялась для того, чтобы поэт получил награду от императора. Тем не менее, можно восполнить эту картину, даже давая комплиментарный образ политики Юстина, который складывается в противовес крайне враждебным источникам, охватывающим заключительную часть правления (Joh. Ephes. HE. III, 1; II, 9 etc.; Evagr. HE. V, 11).

Безумие Юстина, его гонения на монофизитов и его поражения в войнах с Персией – все это было окрашено в черные тона в поздних сообщениях, а Тиверию были приписаны более светлые тона просто по контрасту с Юстином (Evagr. HE. V, 11, 13; Joh. Ephes. HE. III, 22; Greg. Tur. Hist. Franc. IV, 40; V, 19). Поэма Кориппа не могла охватить последний период правления Юстина; его тон просто уверенный, проистекающий от оптимизма первых лет, что так очевидно также и в «Цикле» эпиграмм, составленном, возможно, в основном при Юстиниане, но собранном и «опубликованном» Агафием как изящный комплимент новому правлению.

Литературное качество «Панегирика Юстину Младшему Августу». Панегирик Кориппа подвергался жесткой критике за слабые поэтические достоинства и невыгодные для него сравнения с «Иоаннидой». Основная критика сосредоточена в основном вокруг нарратива, который представляет собой, по словам Э. Кэмерон, скорее протокол дворцового церемониала, нежели поэзию.

Больше всего неожиданным кажется вопрос о выборе субъекта. Почему панегирик выбран в качестве формы для детального описания актуальных событий первых дней правления Юстина? Ответ, возможно, заключается в том, что это произведение не следует судить по строго

---

[19] *Cameron, Averil.* The Empress Sophia // Byzantion. 45. 1975. P. 5-21.

литературным критериям[20]. Например, есть представление, что нет в чистом виде никаких жанров. Также нет и условного риторического, несмотря на то, что Корипп испытывает постоянную зависимость от Клавдиана.

Напротив, подлинное описание имперских церемоний, которое занимает такую значительную часть поэмы, само по себе несет квазилитургическую функцию, и ближайшие параллели к поэме могут быть найдены при условии того, что зримое искусство вернее и точнее, чем собственно литература. Корипп хочет дать нам такое количество подробностей и интерпретаций, потому что в современном ему контексте описание дворцового церемониала само по себе является панегириком.

«Похвала Юстину», по мнению многих исследователей, есть поэтическая версия трактата о церемониях и о царствовании, которые только что появились, как и литературный подход к темам императорского искусства. Также естественно, что его формой в значительной мере стал популярный в то время обширный экфрасис[21] - поэма, как правило, с описанием предметов искусства, но изящный нарратив описания был ценен в его собственных рамках, и Корипп дает нам серии экфрасисов на темы императорской коронации, приема послов, консульских процессий. Современникам эти описания не должны были казаться ни скучными, ни неожиданными. Подлинные части поэмы, которые оказались неприемлемыми для современных ученых, поэтому составляют его положительные качества.

Заимствования Кориппа из более ранних поэтов, как Клавдиана, так и языческих, уже детально собраны и изучены[22], и доказано, что они весьма обширны. Среди классических поэтов на первом месте, естественно, стоит Вергилий, хотя в основном за счет некоторых словосочетаний, нежели развернутых подражаний. Овидий и Лукан также популярны у нашего поэта, но выше всех их находится Клавдиан, особенно его поэмы о консульствах, по очевидным причинам. Есть параллели с Эннием[23].

Из христианских поэтов наиболее предпочтительны Драконций и Седулий, и Кориппловы подражания им имеют склонность собираться в

---

[20] *Cameron Av.* Corippus's poem on Justin II: a terminus of antique art? // Annali della Scuola Normale di Pisa. Ser. III. Vol. 1. Pisa, 1975. P. 129-130.

[21] *Downey G.* Ekfrasis // RAC. IV. Stuttgart, 1959. P. 921-922.

[22] *Amann R.* De Coroppo priorum poetarum latinorum imitatore. Oldenburg, 1888. Этой работой, однако, надо пользоваться с осторожностью.

[23] *Baldwin B.* Corippus and Ennius // ICS. 13. 1998. P. 175-182.

связки из специально христианских пассажей, как, например, в сцене молитвы Юстина и Софии (II, 11f; 52f), в парафразе Символа веры (IV, 290f). Но что поразительнее всего – это комбинации тяжеловесных языковых оборотов из предшествующих поэтов и известная степень независимости в вопросах формы и структуры. Корипп заимствовал лишь в очень небольшой степени эпическую структуру из классических поэтов, как структуру панегириков Клавдиана, так и его риторику, и хотя его поэма является целиком христианской, он отличается очень явно от более ранних христианских поэтов как по стилю, так и по содержанию.

«Панегирик Юстину Августу Младшему» как христианская поэма. Основная тема поэмы, однако, заключается в том, что правление Юстина дано от Бога (Praef. 1f; 20; I, 47; 128; 208f; 366-367; II, 42f; 428; III, 333; 361f; IV, 318; 339. Особенно важны I, 33f; II, 408f. Речь Юстина в III, 311f – одно из наиболее важных мест в контексте множества раз упомянутой идеи о Божественном происхождении власти в Византии (особенно III, 333f), также благочестие Юстина вкупе с его ролью представителя Бога в его отношениях с народом особенно сильно подчеркивают это (ср. Pan. Anast. 36). Поэма также рисует привычные темы об отношениях Бога и императора, об императорах, провозглашенных Божественными (I, 33f), о молитве императора (II, 1f; II.10f; 50f), об императоре как образе Христа (II, 407f; особенно 428), о похоронах императора и его перенесении на «царственные небеса» (III, 28f; I, 143f; IV, 337f), о благословении императора Богом (IV, 311f).

Фактически поэма использует перечень тем из классической литературы, иным образом представленный в императорском искусстве, в языке сборников законов или в царственных трактатах[24]. Общая концепция сочинения в огромной степени христианская, хотя и ограничивается преимущественно темой христианского царя. Но Корипп не идет дальше этого. Он только включает еще пару длинных молитв, очень христианских по языку и содержанию, и даже по интересу к доктрине в описании моления Софии (II, 52f). Он также может ввести длительную парафразу Символа веры под предлогом объяснения символических смыслов св. Софии (IV, 290f). Цель последнего – в комплименте указу Юстина от 566 г., но, тем не менее, это показывает осведомленность автора в закрытых доктринальных тонкостях и умении прямо и непосредственно использовать словарь латинской христианской поэзии.

---

[24] *Ensslin W.* Das Gottesgnadentum des autokratorischen Kaisertums der fruhbyzantinischen Zeit // Studi bizantini o neoellenici. 5. 1939. S. 154 ff.

Но при всем этом, обычное мнение о Кориппововой поэме таково, что в ней поэт редко касается анализа религиозных вопросов[25]. В эпизоде со сном Юстина (I, 33f) Дева Мария, безусловно, означает, помимо моделирования ее внешности по образцу Вергилиевой Венеры, просто «образ святого Благочестия» (sacrae Pietatis imago) (I, 36).

В основном поэт действительно избегает показа традиционной эпической образности – единственный эпизод с Молвой (Fama) (I, 298f) – вряд ли можно считать за таковой – но Корипп в равной мере избегает и библейских аналогов, столь излюбленных в традиционной латинской христианской поэзии наряду с проповедями и агиографией. Взгляд на любую работу такого рода, как и на моменты отражения библейских циклов в мозаичной декорации, показывает, что Корипп сделал сознательный выбор, исключив их из своей поэмы, кроме одного, которое показывает его осведомленность в том, что он делает – использует образ Древа жизни в отношении Анастасия (Pan. Anast. If). Такая образность была впервые предложена христианским латинским поэтом Седулием, но Корипп вводит актуальную библейскую тему с переменным успехом (I, 7) и сопровождает ее извинительной ремаркой, показывающей, что он полностью осознает ее возможную неуместность (I, 15f). Более того, он не возвращается в дальнейшем к данному типу образов. Ближайшие параллели, где концентрируется христианская лексика и т.п. – это две молитвы (II, 11f; 52f), а также пассаж с Символом веры (IV, 290f). Дело здесь вполне определенно состоит в том, что они полностью отделены от общего контекста. Стилистические, технические особенности собственно христианского латинского языка не допускают возможности их перехода на весь остальной нарратив.

Корипп осторожен в своей религиозной позиции с точки зрения современной ему ситуации, как и к литературным соображениям. Иоанн Эфесский (HE II, 9f) рассказывает нам, что София и ее домочадцы были монофизитами, и что она обратилась в ортодоксию только за три года до воцарения своего мужа, чтобы увеличить его шансы на престол. Однако, Анастасий и Иоанн Схоластик, главные советники Юстина, были стойкими православными, и Корипп должен был быть осторожным, когда говорил о вероисповедании царственной четы. Эдикт Юстина от 572 г. (Evagr. HE V, 4) фактически воплотивший в жизнь уступки монофизи-

---

[25] *Cameron, Averil.* Images of Auctority: Elites and Icons in Late Sixth Century Byzantium // Past and Present. 84. 1979. P. 3-35.

там[26], не удовлетворил их, хотя они были немалыми (Ioh. Eph. HE I, 19f). Корипп не позволил никаким из этих подводных течений выйти на поверхность.

Поэма Кориппа является христианской по вдохновению, но это не означает, что мы можем назвать ее в полной мере христианской латинской поэмой. Ее предмет в большей части находится в светском измерении, и поэтому конструкция нарратива поэмы приводит автора к использованию классического эпоса в качестве своего образца, поэтому Корипп, очевидно в силу своего самосознания, использовал обширный репертуар классических аналогий и употреблял естественные христианизмы в таких жанрах как агиография.

Далее, он проявляет необычность, когда явно обращается в полной мере к достижениям христианской латинской поэзии – не только к Драконцию и Седулию, но также и к Пруденцию, Аратору, Паулину Пеллейскому и другим – и пока решает написать что-то иное.

Сходные взаимовлияния классического эпоса и христианской латинской поэзии не очень полно выражены в сочинениях Кориппа, но такая же напряженность почти не существует в литературе в чистом виде и возникает из того, что мы наблюдаем в таких нелепых сопоставлениях с классицизирующими пассажами как отступление о винах (III, 88f) и деревьях (IV, 15f), где христианская техника доминирует среди частей этого набора, как в сцене двух молитв и в Символе веры.

Сочинения Кориппа справедливо могут рассматриваться, однако, как репрезентация более частного вида христианской поэзии, ориентированной на более секулярные темы в стиле, который рисует образы как из классических, так и из христианских источников[27]. Это – поэтическое достижение.

Поэма Кориппа и имперское искусство. Имперское искусство VI в., и в особенности триумфальное искусство эпохи правления Юстиниана, чистейшим образом представленное в сохранившихся образцах, делает любое дополнение к нашим знаниям эпохи очень существенным. Корипп обеспечивает нас некоторыми дополнениями в области малых искусств – например, погребальное облачение Юстиниана – ценное дополнительное свидетельство к триумфальной иконографии Юстиниана (I, 276f), чаши с коронационного пиршества (III, 121f), трон Юстина (III,

---

[26] *Cameron, Averil.* The Early Religious Policies of Justin II // Studies in Church History. 13. 1976. P. 51-67.
[27] *Witke C.* Numen Litterarum. Leiden-Koln, 1971. P. 144; 230.

191f), серебряные пластины, розданные в качестве консульских даров (щедрот).

В дополнение к этим основным описаниям, Корипп часто, как кажется, имеет в виду художественные темы, а не только литературные[28]. Например, Вступление показывает нам образцы узорных поясов в триумфальной иконографии; сон Юстина, хотя и является вергилиевым по языку, отсылает к обычным иконографическим темам - коронации императора Божественным персонажем; изображение императора как священника (II, 11f) – это художественная (искусствоведческая) тема, ставшая впоследствии предметом статуарной пластики; все одеяние и чин коронации (II, 84f) задуманы и показаны в визуальных терминах; сцена на Ипподроме может иметь параллели с рельефными изображениями императоров и колесничих (возниц) (II, 310f).

В самом деле, Корипповы описания очень часто более визуальны, чем литературны[29], и всегда сильно выраженный изобразительный элемент, даже когда реальные произведения искусства не подразумеваются; например, похоронная процессия Юстиниана (III, 36f)[30] имеет литературные параллели с Клавдианом, но визуальное воздействие очень сильно, и художественные параллели также могут быть установлены. Вся сцена с аварским посольством – очень ярка зрительно, особенно III, 158f; 231f; см. также украшения города во время консульской процессии (IV, 74f), раздачи щедрот (IV, 103f), самой процессии (IV, 224f); сцена отмены налогов на Ипподроме особенно поразительна в этом контексте, хотя здесь имеются и литературные параллели (II, 361f).

Однако, в основном Корипп черпает свое вдохновение значительно реже из литературных источников, нежели из непосредственных наблюдений событий или из личного знакомства с памятниками императорского искусства[31]. Это случилось потому, что природа предметов его описаний, собственно литературные образцы, были достаточно малодоступны для него, но, с другой стороны, имперская идеология наглядно выражена и более естественна в репертуаре изобразительного искусства. Изобразительность, однако, и в самом деле часто оттеснена на периферию, появ-

---

[28] *Ntshiniti P.* Latin Poetry. Corippus. Political theory. Pretoria, 1993.

[29] *Ramírez de Verger A*. Notas textuales al Panegírico de Justino de Coripo // Emerita. 48. 1980. P. 255-269.

[30] *Sodano A.R.* Uno Storico poeta del secolo di Giustiniano, Flavio Cresconio Corippo // Antiquitas. 1. 1946. P. 3-4, 27-36.

[31] *Cameron A.* Textual notes on Corippus In laudem Iustini Minoris // Latomus. 35. 1976. P. 404-415.

ляется в большинстве «классических» отступлений и сравнений больше, чем в основном нарративе; этот факт помогает объяснить, почему это сочинение так мало используется в контексте христианской латинской поэзии.

Если поэма Кориппа может быть лучше объяснена в терминах изобразительного искусства, можно ли в ней, в свою очередь, найти большее понимание императорского изобразительного искусства того времени? Простейший уровень действительно предлагает некоторую дополнительную информацию. Естественно, нельзя получить любое прямое указание на стиль, чтобы помочь отследить отношения между более классицизирующим стилем и «узким» византийским стилем, отныне начинающим быть очевидным[32]. Но можно что-то определить и относительно мотивов, касающихся преимущественно Юстина – например, изображения победы, поднятые над его троном (III, 201), иконография погребальных риз, тесно связанная с мозаиками Халки и изображениями на базе Аркадиевой колонны (I, 276), консульские серебряные изделия (IV, 109f), делают очень вероятным то обстоятельство, что возрождение консульских тем в имперском искусстве имело место скорее при этом правлении, чем позднее.

Более важно, как можно понять из полного параллелизма римских и христианских тем бытование имперской идеологии[33]. Повсюду в поэме Юстин изображается и как римский император-воитель, и как христолюбивый василевс, служитель Бога. Корипп не видит противоречия в этих понятиях, и смешивает две точно выраженные реалии правления Юстина, где для императора свойственно как поощрение возрождения римских мотивов в искусстве, так и существенно выражен особый акцент на благочестии и смирении перед Богом[34]. Вопреки этому, такой контекст сосуществования классического и более «византийского», или «духовного» стилей, в изобразительном искусстве принять гораздо легче[35].

Обратимся к этой широкой концепции роли империи в Кориппо-вом использовании текущих образов и идей, относящихся к императору.

---

[32] *Kitzinger E.* Byzantine Art in the period between Justinian and Iconoclasm // Berichte zum XI Internationalen Byzantinischen Kongress. Munchen, 1958.

[33] *Cameron A.* A Propaganda Poem from the reign of Justin II // BICS. 13. 1966. P. 101-104.

[34] *Kitzinger E.* The Cult of Images in the period before of Iconoclasm // DOP. 8. 1954. P. 121f.

[35] *Speck P.* Marginalia zu dem Gedicht In laudem Justini Augusti Minoris des Corippus // Philologus. 134. 1990. S. 82-92.

Например, *lux* (свет) (I, 149), образы солнца (II, 156), *felicitas* (счастье) (Pan. Anast., 33), *pietas* (благочестие) (Pan. Anast., 36), *tranquillitas* (спокойствие) и *serenitas* (безмятежность) (III, 308), а также *renovatio* (возобновление) (III, 76f).

Доводя определенные эпизоды до «частей целого» (I, 314f – renovatio; II, 361f – pietas), Корипп дает нам не только специфическую информацию о воцарении одного императора, но и обобщает подходы к императорской власти в целом[36]. Корипп извлекает эти темы из различных источников – это латинские панегирики, монетные легенды и т.д. – но более заметное влияние должно быть деперсонифицировано и отягощено идеологическим содержанием имперского искусства[37]; с другой стороны, Корипп постоянно использует символы и повторяющиеся образы, что помогает нам увидеть вперемежку, как даже светское искусство может привести к предположению о спиритуальном облике нового, «византийского», стиля.

Развитие церемониала. Возможно, наибольший вклад, который данная поэма может внести в дело рассмотрения имперского церемониала[38] - инаугурации и коронации императоров, их погребения, прием послов, консульские инаугурации. Очевидно, в центре находится вопрос о достоверности, как это связано с описаниями таких объектов, как погребальное облачение и трон. Безусловно, упражнения с изображениями в нескольких описательных пассажах не исключены (I, 276f в отношении Клавдиана и Сидония), но основная техника Кориппа лишена фантазии, но не изобразительности и риторичности, и описания погребальных одеяний и трона, в частности (I, 276f; III, 191f), достаточно точны и детальны, и можно провести достаточно близкие параллели со ссылками на похожие слова, для того, чтобы предположить, что они выводятся из реального наблюдения за фактами, нежели из поэтической образности. Конечно, то же самое касается описания подлинных церемоний. Корипп имеет литературный образец для консульского шествия (processus) в нескольких поэмах Клавдиана (IV, 224f), но не такова литературная модель для описания императорского коронационного чина, которое занимает почти всю книгу II, как и для сцены погребения Юстиниана (III, 36f) или

---

[36] *Dewar M.J.* Corippus on the Wakefulness of Poets and Emperors // MN. 46. 1993. P. 211-223.

[37] *L'Orange H.P.* Art forms and Civil Life in the Late Roman Empire. Princeton, 1965. P. 89f.

[38] *Charanis P.* Coronation and its Constitutional Significance in the Later Roman Empire // Byzantion. 15. 1940-1941. P. 49-66.

приема аварского посольства (III, 151f). Все эти формы – части целого, которые основаны на личных наблюдениях, а не на литературных образцах. То, что нарратив Кориппа зачастую может быть лучшей иллюстрацией, нежели трактовки ряда сцен в изобразительном искусстве – не является неожиданным; там, где есть подобные параллели, они подтверждают точность сведений Кориппа и поддерживают то, что было бы справедливо предположить, за отсутствием иных доказательств, что Корипп сообщает о событиях вполне верно.

Имеет особую ценность и интерес то, что Корипп, вместе с тем, не просто дает ясное и четкое описание церемоний, но параллельно ведет постоянный текущий комментарий путем сравнений и прямыми объяснениями смысла событий (II, 84f; 137f; IV, 99f); его сообщения не просто полезны как непосредственный источник информации о процедуре, но также и для разъяснения имперской идеологии.

Во многих случаях лучшие и самые большие параллели к Кориппу содержатся в протоколах Книги Церемоний X в. (II, 84f; III, 36f; 151f; IV, 1f; 74f). Поэма Кориппа есть достаточно крупное свидетельство существования вполне развитого византийского церемониала уже в VI столетии[39]; его описания заслуживают того, чтобы их воспринимать всерьез (II, 308f; III, 68f о роли факций в церемониале), и поэтому, возможно, большинство ссылок в комментариях связаны с реальностью, а не с литературными аспектами. Этот текст должен быть разъяснен на основе широкого круга источников, исторических и художественных, а не только литературных, и в этом заключается главная цель комментария.

Не только «Панегирик Анастасию» Присциана, не только консульские поэмы Клавдиана исчерпывают возможные литературные параллели к Кориппу, близко подходят к его описательной манере; было бы правильно думать не о формальностях, лежащих в современных поэту экфрастических выражениях и словах из «Описания св. Софии» Павла Силенциария.

Корипп писал в такие времена, когда дворцовый церемониал становился все более и более важным[40]. Было установлено, что в некоторой степени сочинения Петра Патрикия должны были быть доступны Ко-

[39] *Brightman F.E.* Byzantine Imperial Coronations // Journal of Theological Studies. 2. 1901. P. 353-392.

[40] См.: *Cameron, Alan.* Circus Factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976.

риппу[41]. Наши знания об этих произведениях ограничиваются сценами посольств и императорской коронации, которые были включены в Книгу Церемоний, но их объем изначально был более обширным. Очевидно, что современную поэту аудиторию интересовали не просто традиционные темы, которые могут быть найдены в панегирике, но особенно детали анализа и интерпретации дворцового церемониала. Сочинение Кориппа фактически подводит к четкому современному фону событий.

В одном месте (II, 84f) мы можем сравнить сообщение Кориппа о великой церемонии с более ранними сообщениями об этом же церемониале. Есть существенные отличия, которые проясняют как политическую ситуацию, так и вопросы развития коронационной процедуры[42]. Значение свидетельств Кориппа очень велико – это наиболее обширная информация о коронации этого времени, которой мы обладаем, и единственное – с анализом этого описания, проделанным самим автором; у нас нет причин сомневаться в его добросовестности. Другие места поэмы, касающиеся церемониала, менее важны, потому что они лишены связи с конкретной политической ситуацией, но и они, тем не менее, - ценные источники как о самих церемониях, так и об их идеологии.

Язык и стиль. Несколько диссертаций посвящены стилистическим и лингвистическим особенностям поэм Кориппа – это работы Э. Аппеля, А. Вельцеля[43], Дж. Шиа[44]; кроме того, полезный материал есть у Ф. Скутша в статье в RE и в указателях к изданиям Й. Партша и М. Печенига.

Стиль Кориппа в рассматриваемом произведении в целом ровен[45]. Он использует короткие сентенции (выражения), эффект от которых при сопоставлении с повествовательными пассажами – очень несвязный (диссонанс) (II, 195f; 230f; 308f; 333f; III, 42f; 63f др.). В этих пассажах многие строки обрываются в конце, усиливая эффект стаккато (отрывистого звучания с четким отделением одного звука от другого). Ощущение равновесия и преемственности обеспечивается главным образом па-

---

[41] *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Washington, 1966. Vol. II. P. 706.

[42] *Croke B.* The urban contours of imperial ceremonial // Byzantine Studies in Australia. Newsletter. Pt. 10. 1982. P. 3.

[43] *Welzel A.* De Claudiani et Corippi sermone epico. Vratislav, 1908.

[44] *Shea G.W.* The Johannis of Flavius Cresconius Corippus. Columbia, 1966.

[45] См.: *Dàrquennes M.* Flavius Cresconius Corippus. Stylistiche Studie. Louven, 1946.

раллелизмом (Praef. 26f; I, 19f), но более всего – повторами, особенно анафорой (I, 46f; 148f; II, 62f; 156f; 202f).

Повторы на самом деле есть отличительный признак стиля Кориппа. Во-первых, это простые повторения словаря; определенные ключевые слова появляются постоянно по всей поэме (pius, felix, laetus, clemens, serenus, tranquillus, а также divinus, sanctus, sacer). Временами идут целые фразы, возможно, в слегка видоизмененных формах (I, 181; III, 79 – urbis et orbis; III, 40; IV, 54 – omnis sexus et aetas; I, 161; 228; III, 46 = Ioh. I, 342 – «язык слёз»; I, 224 – discrete ratione = Ioh. II, 316; III, 46; II, 33f = Ioh. I, 289). Иногда Корипп использует эпаналепсис (I, 103-104 portum; II, 288-289 astris) или анафору (III, 8-9 mille). Иногда он также играет со словами (II, 352 – consilibus consul; 426 – principibus princeps; IV, 261 – oribus ora; Praef. 44-45 – ad medicum; Pan. Anast. 33-34 – felix; II, 255 – commune; III, 330f), но зачастую повторы небрежны в одном из нечетных слов в пределах нескольких строк (I, 166-167 – per orbem / … orbis; III, 264-265 – iussit / … iubentis; 222 – cultu, 224 – cultuque; 247 – populis…, 249 – populorum; 258 – Avar…, 260 – Avares…, 270 – Avar…, 271 – Avarum; 362 – populous…, 365 – populous; IV, 191 – nutrierat…, 192 – nutritus, 197 – nutrit).

Кроме того, в поэме есть последовательная повторяемость, как надуманная, так и непреднамеренная, а также частота употребления дополнительных прилагательных, призванных заполнить место (II, 415 - pias…; 420 – pius после 414 – pius), и хотя Корипп имеет некоторые особенности в области эффективных сравнений (I, 124f; 229f; 349f; II, 92f; 228f; 321f; 327f; III, 50f; 172f; 246f; IV, 168f; 198f; 215f; 251f; 256f), он «объясняет» образ нахальных пехотинцев и дидактический путь (II, 157f; IV, 85f; I, 353f; II, 249f). Он также любит употреблять асиндетон (I, 53f; 169; 259f; 309; II, 142f; III, 72f; 225f; IV, 4f; 42f), не всегда с удачными результатами, и использует do и особенно facio в инфинитиве, выполняющем различные функции.

Его главный недостаток, помимо повторов, возможно, заключается в незнании того, где остановиться[46]. Списки вин (III, 88f) и деревьев (IV, 15f) непомерно длинны, хотя в действительности эти отступления нетипичны. Но он также сваливает в одну кучу мельчайшие описания внешних проявлений печали и радости, тогда как сдержанность произвела бы здесь гораздо больший эффект (I, 160f; и гротескный эффект – III, 41f; 62f); все осуществляется в крайностях, так что личности в поэме сниже-

[46] *Diggle J.* Notes on the Johannis of Corippus // CQ. 18. 1968. P. 132-141; *Diggle J.* More notes on Corippus // BICS. 16. 1969. P. 16-28.

ны до уровня стереотипов (III, 151f – контраст между варварскими послами и византийским императором). Когда Корипп описывает человеческие поступки, как противоположные неодушевленным объектам, постоянные повторы ключевых слов занимают место убедительного повествования, и эти деперсонификации, конечно, объясняют, почему Корипп так хорош как источник для изучения церемониала.

Типичные особенности языка Кориппа включают путаницу времен (I, 244; III, 279), использование индикатива в косвенной речи (I, 181f; III, 380f) и после licet (I, 85), косвенная речь, вводимая с помощью quod, quoniam (IV, 184f; III, 369). Слово mox появляется в сочетаниях (I, 76f), а dum используется в смысле cum (IV, 341f).

Кориппов подбор слов также отражает специфику предпочтений и особенностей[47] автора. Особенно он любит слова, заканчивающиеся на –tor и –trix (I, 340 – factor; II, 16 – formatrix), также и слова на –sor (III, 130 – decessor), -sio и –tio (I, 178 – dilectio; II, 270- benedictio; IV, 283 – descriptio), - sus и –tus (I, 138 – dispositus, одно из любимых слов – dispono; IV, 214 – processus), а также –men (III, 360 – modulamen; III, 13 – stramen; II, 23 – spiramen). Общие прилагательные, заканчивающиеся на –alis (II, 84; IV, 227 – divalis), -bilis (IV, 43 – natabilis; II, 346 – informidabilis), а также такие сложные слова как fluctivagus (II, 328), indivagus (I, 110), praesolidus (II, 292), praelargus (III, 191; 303). Глаголы на –are (II, 250 – cibare; II, 374 – militare; II, 197 – solidare; I, 310; II, 269 – vacuare), на –ificare (IV, 289 – glorificare; II, 423 – iustificare; IV, 98 – laetificare; I, 263 – terrificare; II, 23 – vivificare). Новы для Кориппа, по-видимому, cymbius (III, 196), albicolor (I, 329), colubrimodus (Praef. 4), ensipotens (IV, 336 = Ioh. V, 281; VII, 336). Среди специфических случаев использования стоит отметить множественное число слов populi (I, 299), plebes (II, 216), caeli (II, 58), species в смысле «специи» (III, 24), censura в значении «тяжесть», «серьезное поведение» (II, 230; 305; III, 108; IV, 6; 126), crystallum в значении «лёд» (III, 291), metallum в смысле «стекло» (I, 99), planare (II, 223; 328), clima (III, 197), sacellus (IV, 334), tenor книги (III, 404), vernum (III, 152), iuge (II, 143), destina (I, 18), syngrapha (III, 368), cauta (II, 389), velamen (IV, 279), tapete (II, 303; III, 204)[48].

---

[47] *Shea G.W.* The Johannis of Flavius Cresconius Corippus. Columbia, 1966. P. 112-113.

[48] *Shackleton D.R.* Notes on Corippus’ Laudes Iustini // Kontinuität und Wandel. Studi in onori F. Munari zum 65. Hildesheim, 1986. P. 315-319.

Отдельную категорию составляют христианские экспрессивные формы и выражения. Они не очень часто встречаются в поэме, но они сплетаются в связки в трех специфических пассажах – молитвах Юстина и Софии (II, 11f; 52f) и парафразе Символа веры (IV, 290f). Тут мы находим vivificans (II, 23), famulor (II, 35), formatrix (II, 16), credula (II, 55), benedicta (II, 62), manens (II, 54), redemptrix (IV, 298), factor (IV, 300), conditor (IV, 300), peccata (IV, 305), relaxo (= прощать) (IV, 305), regnum (= небо) (IV, 311), iustificatus (IV, 319).

В других местах христианизмы также заметны: angelicam (I, 365; III, 32; IV, 247), benediction (II, 270), levitarum (III, 42), special, -iter (III, 359; Pan. Anast. 37 – противоположность generaliter), beatus (I, 160), signaculum (II, 300). Библейские влияния нечасты, но есть (Pan. Anast. 7f; и особенно plenus dierum – I, 143)[49].

Для многих из этих упоминаний и выражений можно легко найти параллели в «Иоанниде»; единичные примеры есть и в «Похвале Юстину», но их не более шести на всю поэму. Указатели к изданиям Партша и Печенига представляют собой огромное подспорье для исследователя. В него, тем не менее, следовало бы включить краткие примеры стилистических и лингвистических сходств между обеими поэмами Кориппа так, чтобы установить их взаимоотношения, даже если объем места позволяет только очерк.

Индексы в изданиях Партша и Печенига оказывают здесь наибольшую помощь. Кажется, стоит включить краткий образец некоторых стилистических и лингвистических сходств между этими двумя поэмами, чтобы указать на их связь, хотя объем работы допускает только набросок.

О pius и placidus в Ioh., см. I.342, 502; IV. 207; VII.105, с I.494; III.53; IV. 237, 594 etc. Clemens: I.564; benignus: IV.250, 286, 588. О языке молитв (Iust. II.11 особенно): cf. I.286f.; VII.89f.; VIII.341 f. О языке слёз: Ioh. I.308f., 341 f.; VIII.339, 354f., 358f. Fama: Ioh. III.81f; VI.189f., 221f., 276f., 595.·Asyndeton: I.44f.; IV.222f., 585f.; VI.42, 79f. etc. Повторения: I.10, 13 geminis; 16, 18 laetus; 77, 80 ductor; 101, 123 imperialis apex; VII. 242, 248 etc. Отдельные пассажи: Iust. III.311f., cf. Ioh. I. 148f.; Iust praef. I f., cf. Ioh. I. 14f; II.381 f. Отдельные фразы: facundia linguae (Iust. IV. 154; Ioh. I.466), omnis sexus et aetas (Iust. III.40; IV.54; Ioh. VI. 74f.), dextraque silentiafecit (Iust. I.123; Ioh. VIII. 209; IV. 338), sub pedibus tuis (Iust. praef. 2; Ioh. I.19) etc.

---

[49] *Hofmann H.* Corippus as a Patristic Author? // VChr. 43. 1989. P. 361-377.

Большинство языковых особенностей, приведенных в качестве примера выше, можно сравнить с «Иоаннидой», и даже беглое чтение предоставит бесчисленные параллели с лексикой и фразеологией.

Просодия и версификация. По сравнению со многими поздними латинскими поэтами, особенно христианскими писателями, просодия Кориппа замечательно правильна. Собственные имена, например, относятся к специальной категории: таковы Iustinianus (passim), Tiberius (IV. 375), Calinicus (I.76, 77, 83, 122; IV.332 - по-видимому, поэтому пишется с одним «l»), вокатив Anastasi (Pan. Anast. 31); также Methymnaeis (III.96) и Memphitica (III.16). Далее mysterium (II.113, IV.274); balatus (IV.204 и также в Ioh. II.174, хотя cf. balantum в Ioh.II.398); sceptrum ...iuge (II.143, cf. iugiter в Ioh. VII.493), взято из Sedulius, Carm. Pasch. I.34 sceptrum iuge; sic iota (I.353) (cf. sicut в Paulinus Pell. Euch. 81, и sic inania rerum: Prudentius, contra Symm. II.45, где S's sic cassa figuris явно переписывает metri causa, к сожалению перепечатанный, metri causa, Каннингемом в его новом издании Corp. Christ.) кроме (см. TLL vii. 2. 291) iota, которая является неудовлетворительной по синезису; climata caeli (III.197), параллель – в поздней эпиграмме Anth. Pal. I.108.2; flagitantque (IV.260, вероятно, под влиянием); lutum (II.23, cf. luto в Ioh. V.368, где leto Диггла совершенно не нужно); и genitive transitus (III.55).

Laevaque dextraque (III.177) безусловно, должно быть сохранено как преднамеренный эпицизм в подражании Aen. III.91, Ovid, Met. I.193 etc. (et laeva, Ruiz). Также и omnibu' sufficiunt (II.254) допустимо, поскольку гиперархаизм более сомнителен: для трех других одинаково сомнительных примеров см. *Mueller*. De re metrica, 2nd edn, p.428, и об архаизмах у Кориппа: *Cazzaniga I.* Giorn. Ital. di Fil. 22. 1970. P. 85f.; Riv. Di Fil. 99. 1971. P. 276f. Синеиза lanceas (III. 242) параллельна alvearia в Ioh. I.436, коррупция omnium hie est (III.369), вероятно, будет принято (хотя omnibus – легкое изменение). «h» (постоянно у поздних поэтов: *Mueller*, p. 391) может занимать положение: I.268 quis hominum; II.259 commendamils hanc; IV.304 patris hominique (cf. Ioh. I.132, 178; II.338; III. 276; VII.62, 385; VIII. 191). И нечистая «s» занимает положение в III.265 (officiii stratos).

Остается шесть «ложных» величин, большинство из которых могут и некоторые из них должны быть удалены. Не потому, что важно «очистить» текст. В дни Кориппа дифференциация между гласными в количественном выражении становилась все более нереальной для уха, а ошибки просодии можно было найти в иначе вполне грамотной поэзии того периода, как греческой, так и латинской. Но поскольку наша един-

ственная рукопись полна ошибок, было бы неправильно всегда принимать очевидные ошибки на том основании, что Корипп мог бы сделать их.

Само по себе важно, что три могут быть удалены простейшей из транспозиций:

IV.290 namque ibi probatur] ibi namque probatur

IV.60 materiaque ipsa bases] materiaque bases ipsa

III.112 pondere gemmarum plus gravia] gravia plus.

graviii, Эв. Кэмерон предположила бы не из-за первоначальной немой и плавной вдобавок, а в подражание известной «лицензии» у Virgil, Aen. III.464, «dona dehinc auro gravia sectoque elephant». Действительно ли это то, что написал Вергилий (ac secto Schaper, одобренный Housman, а теперь Mynors), это был древняя вульгата, и фрагмент, о котором много говорили древние грамматисты. Корипп, сам грамматик, должен был быть знаком с учением, закрепленным в Servius ad loc., «a finalitatis ratione producitur» (cf. idem, in Artem Donati, GLK iv. 424.25; Sergius, De Syllaba, GLK IV.479.12; Pompeius, Comm. Artis Donati, GLK V. 118.22), и в успешном подражании Вергилиевому «vitia» у позднеимперских писателей, см. *Marrou H.-I.* S. Augustin et la fin de la culture antique, 4th edn. Paris, 1958, p. 13f.[50]

Есть как минимум два других отрывка, где никто не сомневался в необходимости транспонирования metri causa:

I. 283 omnis ut] ut omnis M

II.226 mala nulla] nulla mala M

И в I.324, roseus aestatis, перестановка Руиса aestatis roseus, несомненно, более аккуратная, чем исправление Ривина russeus aestatis. В каждом случае M заменил обычный порядок слов прозы. Возможно, это и есть ключ к I.346-347 (т.е., пунктуация после 345 и транспонирование agmina и dant с Dempster, чтобы одна строка пропустила одну стопу, а не две половины строки).

IV.180 per scholas tunnasque] perque scholas Демпстера утверждает, что это – (a) от любви Кориппа к эпическому двойному -que (e.g. I.162, 233, 345; II.87; III.46, 177, 224, 226) и (b) от schola в III.158. Cf. inque statu

---

[50] Сравните теперь новый фрагмент, приписываемый Рутилию Намациану и опубликованный М. Феррари (фрагмент A 10, Italianistica e umanistica. 16. 1973, p. 30), который, согласно MS, имеет gravis odare cadus; Однако Ferrari уже сделал почти определенную коррекционную решетку. Ср слишком succedunt alii graves aetate ministri, из позднего Virgil cento, AL i. 16. 100.

(Ioh. III.30) и nomine scripta (Ioh. IV.13). -que опущено в M снова, как и в I.106; II.80 (след.); III.158, 259, 275, 285.

II.80 aequiperat navis] Смысл требует связки, и, пожалуй, предпочтительнее использовать aequiparatque Руиса, чем aequiparata (Barth).

IV.173 quae circa dominos habemus vota, probamus. Нелегко поверить, что Корипп мог ошибиться в столь распространенном слове, как habeo (damus at Ioh. II.333 является сомнительным: см. Diggle, Goodyear, ad loc. и VIII. 36), но никакое определенное решение не предлагается.

Краткий анализ Кориinnовой версификации должен привести нас к выводу о том, что, исключая просодию, несмотря на редкое изящество, она в основном монотонно «правильна» и однообразна.

Каждая строка имеет цезуру на третьей или четвертой стопе (часто на обеих). В единственном случае на самом деле существует минимальный разрыв между двумя элементами в составном слове (признанная «лицензия»: для многих примеров, *L. Mueller*, de re metrica, 2nd edn, p. 461-463): inclita lux, et consistoria tota replevit (III.212).

Сильная третья стопа цезуры составляет не менее 78,5 % книги IV,296 из 377 строк, в 7 из которых (2 %) разрыв размыт в результате элизии (например, 70, liberius spectare oculis). Только 2 строки (0,5 %) имеют сильную четвертую стопу основной цезуры (305, 340). Остальные 21% (79 строк) имеют слабую третью стопу цезуры, всегда с сильными перерывами во второй и четвертой стопе, хотя в одном случае четвертый перерыв в стопе размывается элизией lustratque propinquos, 116f, ср. I.200). Очень редко нет четвертого перерыва (III, 205, planities, longoque sedilia compta tenore, ср., I, III, 102, IV,157).

L. Mueller, de re metrica, 2nd edn, p. 337, утверждал, что элизий меньше в Iust., чем в Ioh., но Скутш (loc. cit.) сравнил первые книги обеих поэм и посчитал одну из десяти строк для Ioh. и более – в Iust. На самом деле Корипп несовместим: 39 в 367 строках I кн. (1:9 строк), но 33 в 430 строках II кн. (1:13), и 6 в 9 строках I.285-293. Элизии в основном незначительны (-que, cura и т.д.), но в свете (например, quae ornata (II.119) нет никаких веских оснований для исключения исключений из ожиданий, Iustine, dies (I.46). Мюллер (op. cit., p. 293) предложил spectat, цитируя te spectat в Reposianus 154, но смысл здесь требует exspectat, ср. Pan. Anast. 38, в тексте; Ioh. IV.244 te exspectat.

Во всех этих вопросах (в частности, трехстопном трохее) Корипп верно, если менее изящно, следует за Клавдианом (см. Alan Cameron, Claudian, 288f.) В его пропорциях между образцами и паттернами дактилей и спондеев Корипп снова похож на Клавдиана, а dsds - на его люби-

мый образец, но в целом более дактилический (см. Таблицы, основанные на Ioh. I и VIII, в GE Duckworth, TAPA 98 1967, 119-122). Особенное раскрытие в случае Кориппа - это концепция «повторных кластеров» Дакворта, повторение одной и той же комбинации в ограниченном числе строк: 1:200 строк у Вергилия, 1:101 в «Фиваиде» Стация, 1:73 у Клавдиана и 1:51 у Кориппа (op. cit., 124-125, обобщенное в Cameron, Claudian, 288). Таким образом, он, несомненно, более монотонный (по крайней мере, в этом отношении), чем Клавдиан.

У Кориппа встречаются не столько веригилиевы обороты, сколько общеантичные или скорее позднеантичные образцы вульгаты. Корипп, сам грамматик, был хорошо знаком с учением Сервия относительно использования классической лексики[51]. Мы можем предположить, что в ряде случаев Корипп использовал порядок слов, характерный скорее для прозаической, а не поэтической речи.

Рукописная традиция. Поэма сохранилась в единственной рукописи (M), *Matritensis 10029* (=Tol. 14.22). Этот визиготский манускрипт X в. также содержал произведения других поздних латинских поэтов и включал Ювенка, Драконция, Верекунда, Седулия, св. Мартина и Евгения Толедского.

Й. Партш предполагает, что эта рукопись есть MS, которая была передана на хранение в Овьедо и как-то связана с *Escorial. R II 18*, и что поэтому она должна датироваться ранее 882 г. Однако, *Escorial. R II 18* восходит к другому манускрипту, включающему Кориппа, и заключившему, что *Matritensis 10029* датируется не ранее X в. *Matritensis* попадает во владение Руиса из библиотеки в Овьедо по рекомендации друга Руиса – Переса. С другой стороны, предполагаемое соединение Овьедской рукописи с *Escorial. R II 18* ни в коем случае нельзя считать определенным; так что помимо *Matritensis* должна была существовать более ранняя испанская MS Кориппа другого происхождения, возможно, из Южной Испании. M имеет поправки и исправления, сделанные другой рукой (M^2); некоторые из этих вариантов явно не являются конъектурами, и с тех пор имеющиеся в M лакуны (например, III, 280), вероятно, должны заполняться, по всей видимости, из лучше читаемого экземпляра M. Два других почерка – M^3 и M^4 - имеют случайно добавленные конъектуры.

Для одной части поэмы, речи аваров (III, 271-307) и Юстина (III, 311-398) мы имеем более полную традицию MS, частично зависимую от другой MS Овьедо (O). Эти речи содержатся в первом издании поэмы,

[51] *Marrou H.-I.* Augustin et la fin de la culture antique. Paris, 1958. P. 13.

подготовленном М. Руисом Азагрой, который утверждал, что указанные варианты чтения он списал с маргиналий имевшегося у него текста. Кроме того, эти маргинальные варианты мы имеем также в эксцерптах из *Escorial. R II 18* (E, XVI в.) и *Matritensis F 58* (F, XVII в.). Речь авар также дается лишь в утраченном Codex Santonensis (S) и опубликована в 1552, до editio princeps In laudem Iustini, ed. E. Vinetus / Sidonii opera castigata et restitute. Lugduni, 1552, 358f., и в Laur. plut. 45, 26, f. 1 1 5 (L, XII в.), о которой см.: *Kopitar B.* Hesychii glossographi discipulus et Epiglossistes Russus in ipsa Constantinopoli sec. XII-XIII. Vindobonae, 1839, p. 65. Отношения между этими отрывками сложны. OSLEF, на первый взгляд, представляет собой отдельную линию в традиции из M. В этой группе SL и EF образуют четкие пары, отмеченные общими ошибками и частым согласием. Каждая пара часто согласна с O против M. Но ср. III.274 *potis est* M и предположительно O, *fortis* SLEF, и III.279 (MEF против SLO, см. также 277, 278).

S происходит из L, и F из E (*aerea* в III.290, вероятно, является догадкой); поэтому они устранены. Именно тотальная природа O вызывает большинство проблем. В тех случаях, когда Руис не регистрирует никакого варианта, мы не можем быть уверены, что O действительно разделяет чтение M. Кроме того, в III.294 и (что более важно) 280 Руис дает два варианта. Партш (p. LVII), соответственно (на основании III.280 и замечая, что O часто соглашается с S), предположил, что Руис также использовал опубликованный текст S в издании Вине Сидония (1552); его аппарат даже пытается отдельно назначать отдельные варианты S или O. Но Руис не упоминает другого источника, и если бы он использовал S, мы ожидали бы, что он укажет некоторые из его более очевидных вариантов (например, III.271 ultima, 274 fortis).

Вполне возможно, что сама O содержала варианты. III.280 теперь можно объяснить таким образом: M^1 было неразборчиво (*dominosque ... b ...*); M^2 *dominos humeris nunc ferre parata* и SLO^1 *didicit dominos patientia ferre* представляют две попытки исправить это, обе на основе существующих следов в M. Последнее чтение было фактически оригинальным чтением O; чтобы разъяснить бессмысленную строку на помощь другой МС был искомый, откуда O^2 (другой вариант Руиса), в котором читаются *dominosque avares nunc patriaferret* (cf. Деривативы в E и F, которые имеют *patria ferre* и *partiat ferre* for *patria ferret*). Из O^2 Партш смог реконструировать подлинное чтение: *dominosque Avares nunc Parthia ferret*. Из этой строки будет видно, что SLO^1 более тесно связана с M, чем с O^2EF. Но в III.276 SL's *potuit* происходит от *potu* в O, в отличие от *plene* в

M, которая теперь разделяется с EF (cf. также 279). В этих обстоятельствах не может быть установлена удовлетворительная стемма (основа). Выдержки содержат некоторые достоверные и ценные показания, но они слишком часто изуродованы простой ошибкой и умышленной интерполяцией; это особенно касается EF. Соответственно, в данное издание включены только варианты, интересные для текста.

Matrit. 10029 (M), на котором мы должны основывать большую часть поэмы, есть два набора периох в начале и по краям, которые (основываясь на более полном тексте, чем на M) могут помочь в заполнении многих, а иногда и больших лакун (Partsch, p. LI-LII). Эти два набора выровнены в MS римскими цифрами, как указано в этом издании. И начало предисловия, и конец книги IV отсутствуют; целый лист выпал между I.27 и 28, и после IV.172 существует значительный разрыв, помимо потери отдельных слов и половины строк в другом месте поэмы.

MS полна ошибок и часто переходит в глупость, хотя неуправляемые ошибки из первых рук часто корректируются второй рукой, которая, кажется, имела доступ к образцу M или ее апографу (Partsch, p. LII); эта же вторая рука, однако, также прибегает к собственным догадкам (Partsch, p. LIII). В то же время можно различать еще две руки. В этом издании M^1 указывает из первых рук M, когда была сделана коррекция Partsch (p. LIVf.) очень подробно рассматривает вопрос об изменении орфографии M. В этом выпуске капризы орфографии, такие как u вместо b, qu вместо c, опущение h и т.д., не регистрируются, и здесь, по большей части, сохранены неассимилированные формы, часто более предпочтительные в M (например, *adtollo, adsurgo*); использование MS варьируется в зависимости от разных соединений (Partsch, loc. cit.), и зесь не делалась попытка навязывать единообразие во всем. См.: *Diggle - Goodyear*, p. viii об орфографии «Иоанниды».

Издания «Панегирика Юстину Августу Младшему». Первое издание поэмы появилось в 1581 г.; Кориппу повезло с его первым издателем Микеаэлем Руиз Азагрой, чьи острые и разумные исправления ошибок M очевидны на каждой странице.

Среди ученых XVII столетия, которые работали над текстом, почетное место должно быть предоставлено Барту, автору многих определенных догадок; в этот период работа обладала какой-то модой, от причудливого Демпстера до более трезвого Егера, и прогресс постепенно шел, но основой современного исследования является издание Партша в «Monumenta Germaniae Historica» (1879). Издание Партша является осторожным и всеобъемлющим, но консервативным; в нескольких местах он

позволяет установить текст, когда он неисправен, а пунктуация очень бедна[52]. Второе современное издание, М. Печенига, последовало вскоре (1886) [53], но на этот раз это был не консервативный текст, но плодотворное издание с гениальными конъектурами, и оно отметило заметное продвижение вперед по сравнению с предыдущей пунктуацией; его неудачи должны были быть слишком умными и предпочесть собственную темноту. Начиная с Печенига, поэма получила небольшое критическое внимание, помимо диссертаций Аппеля и Вельцеля, до полезной статьи Д. Р. Шеклтона Бейли[54] и некоторых замечаний Дж. Диггла[55].

Это первый полный современный комментарий к стихотворению и первый перевод на английский язык. Итальянский перевод с заметками Д. Романо появился в 1970 г.[56], но он не дает ничего нового для текста, не основываясь на новом сопоставлении M, и немного в комментариях. В настоящем издании не делается попытки прокомментировать Кориппа как позднего латинского поэта, кроме случаев, когда речь идет об общих чертах.

Комментарий относится к стилистическим особенностям поэмы, но в целом позволяет избежать языковых пунктов. Замысел Эв. Кэмерон заключается в том, что поэма является исходным материалом для раннего византийского реализма, политики и идеологии и с ее отношением к фону современного ей экфразиса и панегирика.

Перевод преднамеренно прост и предлагается в убеждении, что все издания таких текстов, как это, с широким призывом к многим различным ученым и, прежде всего, текстам этого периода, должны быть сделаны, как само собой разумеющееся, как вспомогательный рабочий перевод.

Loci similes охватывают несколько разных типов параллелей: от простого вергилиева заимствования до длинных пассажей, преднамеренно выдуманных поэтом на протяжении некоторых строк и включающих определенное количество чисто иллюстративных материалов. В общем, простая ссылка обозначает возможное заимствование, в то время как аналогичные, но не обязательно связанные пассажи вводятся с помощью «cf.». Расширенные заимствования из одного пассажа, где пространство

---

[52] Эв. Кэмерон смогла исправить колляцию Партша в нескольких местах.
[53] Тем не менее, все еще зависит от колляций Партша в M.
[54] Notes on Corippus // GP. 50. 1955, p. 119 ff.
[55] *Goodyear F.R.D., Diggle J.* More Notes on Corippus // BICS. 16. 1969. P. 16 ff.
[56] Corippo. In laudem Iustini / ed. D. Romano. Palermo, 1970.

исключает цитирование всего, указаны как «89ff: cp. Claudian, Rapt. I. 75ff.». Не нужно давать полные источники для более ранних догадок, упомянутых в критике аппарата, поскольку они очень подробно описаны в издании Партша.

CORIPPI IN LAUDEM IUSTINI AUGUSTI MINORIS
Libri IV

PRAEFATIO

Deus omnia regna
Sub pedibus dedit esse tuis, regesque superbos
Subdidit, hostilesque manus decrescere fecit.
Illa colubrimodis Avarum gens dura capillis,
Horribilis visu crudisque asperrima bellis,
Imperio subiecta tuo, servire parata,
In media supplex defusis crinibus aula
Exorat pacem, nec fidere milibus audet
Tot numerosa suis, Romana lacessere signa.
Quis totiens victos numeret per proelia Francos
Edomitosque Getas? Captos stratosque tyrannos?
Langobardorum populous Gipidumque feroces,
Mutua per latos inter se vulnera campos
Miscentes feritate sua, cum milite tuto
Alternas gentes domini fortuna necaret?
Pars inimicorum cecidit tum magna tuorum
Perfidia punita sua. Nunc Marte peracto
Victores victique simul famulantur in aula.
Solum excellentem conscendere iussit in arcem
Te pater omnipotens, summaque in sede locavit.
Mater consilii placidis Vigilantia vestris
Semper inest oculis, quamque omni pectore gestas,
Alma Augusta, tui consors Sapientia regni.
Tu quoque, Iustitiae nomen de nomine sumens,
Frena regendorum retines fermissima regum.
Nominibus tribus his regitur quodcumque movetur.
Certatim gentes Romana ad foedera currunt:
Principe pro iusto Romanum nomen amatur,
Subque pio domino cuncti bene vivere quaerunt.
Ille etiam, solis qui se subiactat amicum,
Ardua suspiciens minuentis cornua lunae,
Noctivagosque colens astrorum consulit ignes,
Urguetur terrore tuo, properatque superbum

Inclinare caput subiectaque ponere colla.
Quid Libycas gentes, quid Syrtica proelia dicam
Iam libris completa meis? Maiora canendi
Tempus adest. Senio dextram, pie, porridge fesso.
Tu mihi materiam dicendi carminis aptam,
Ingenium studiumque dabis. Cui vincere fas est
Indomitas gentes et barbara subdere regna,
Vince meae saevam fortunae, deprecor, iram.
Vincere fortunam plus est quam vincere bella.
Nudatus propriis et plurima vulnera passus
Ad medicum veni, precibus pia pectora pulsans,
Ad medicum, verbo pestem qui submovet uno
Et sine conposito medicamine vulnera curat.
Huic ego sananti, si qua est fiducia servis,
Grates semper ago, et pro munere carmina porto.

PANEGYRICUM
IN LAUDEM ANASTASII QUAESTORIS ET MAGISTRI

Inmensam silvam laudum, vir iuste, tuarum
Aspiciens celsos nitor contingere ramos
Grandiaque a summis decerpere poma racemus.
Sed parvus maiora peto, nec plendere possum
Mensuram transfuse meam, longeque remota
Suspicion mirorque videns, et brachia tendo
Ingenii studiique mei. Stat fertilis arbor
Sacrorum in medio nemorum, pulcherrima visu,
Per mundi spatium ramos quae tendit opacos,
Fructibus omnigenis etiam sine tempore plena
Et nova maturis admiscens germina pomis,
Cuius apex summi contingit sidera caeli,
Et radix de fonte bibit, sacrisque fluentis
Expandit satiate comas, et nubile supra est.
Arboris et fontis, si fas conponere magnis
Parva datur, iustas videor posuisse figuras.
Sin aliter videar, veniam petit, optime quaestor,
Simplicitas ignara mali. Tu fertilis arbor
Augusto de fonte bibens. Fons maximus aulae est
Communis benefactor herus, fons Omnia ditans,

Qui tua latas eduxit brachia terras
Et populous vestra requiescere fecit in umbra.
Hoc, mihi da, de fonte bibam. Tu pabula praebes,
Fons mihi dulcis aquas. Haec inter amoena libenter
Nutria, et vestra satiates protegar umbra,
Summe magistrorum, procerum decus, arbiter orbis,
Principis auspicio leges et iura gubernans,
Iustitiae vindex, inopum pater, Omnia curans
Iudiciis relevare piis, quia munera temnis,
Spernis avaritiam, fulvum quod respuis aurum,
Quaestor Anastasi, quem Christi munere fidum
Cognovits princeps geminoque ornavit honore.
Felix est totus Iustino principe mundus,
Felix haec aetas, in qua Sapientia regnat,
Felices populi te iudice, quos facis ipse
Sub dominis gaudere piis. Generaliter orbi
Quamquam provideas, miseri specialiter Afri
In te oculos atque ora ferunt. Agit Africa grates,
Et vestram iam sentit opem, gaudetque, quod ampla
Semper Anastasii refurunt solacia cives.
Me quoque gaudentem, quaestorum maxime, redde.
Quod labor indulsit, quod fessis provida Musis
Alma per insomnes meruit vigilantia noctes,
Hi sacri monstrant apices. Lege, summe magister,
Et causam defende meam. Tibi sanction vestrum
Commendat famulum. Vestro de fonte creatur
Rivulus iste meus, sub cuius nomine gesto
Principiis officium. Fessae miserere senectae,
Vulneribusque meis solita pietate medere,
Ut grates tibi laetus agam, sacrosque triumphos
Principis invicti felici carmine dicam.

LIBER I

Imperii clumen rerum non mortibus ullis,
Non armis sumptum, non ambitione potitum
Auspicio meliore cano. Licet Omnia nullus
Inclita gestorum valeat monumenta piorum

Ordinibus numerare suis, tamen utile servis
Esse reor mentem dominis aptare fidelem
Officio quocum datur. Praecommodo linguam
Vos, divae, date verba, et quae Vigilantia mater
Et quae summa regens Sapientia protegis orbem.
Vos mihi pro cunctis dicenda ad carmina Musis
Sufficitis, vos quaeque latent arcana monetis.
Tuque dei genetrix sanctam mihi porridge dextram
Et fer opem, quaeso. Magni mihi causa laboris
Surgit, et invalidos ad pondera tendo lacertos.
Urguet amans dominos carmenque inpellit adire
Quaestor Anastasius, sancti pars magna senatus.
Compositor morum, iuris legumque sacerdos:
Et Thomas, Libyae nutantis destina terrae,
Qui lapsam statuit, vitae spem reddidit Afris,
Pacem conposuit, bellum sine milite pressit,
Vicit consiliis, quos nullus vicerat armis;
Nec non magnanimous, meritis et nomine Magnus,
Mente placens dominis, sacris rationibus aptus.
Rectorum Latii discussor providus orbis:
Successorque boni redivivaque Gloria Petri
Hinc Theodorus adest, patria gravitate magister:
Hinc secreta sacrae tractans Demetrius aulae

***

Humentes oculos pressit spoor. Haut sine summi
Numinis auspicio reor hanc venisse quietem.
Signa futurorum spoor ostentare bonorum
Venerate ille viro, rerumque arcana docere.
Nondum plena quies victos laxaverat artus,
Cum virgo superas caeli demissa per auras,
Aspect Clemens et gressu laeta pudico,
Purpureas velata comas oculisque benigna,
Quantum signa dabant, sacrae Pietatis imago,
Divinos stetit ante pedes, dextraque coronam
Inposuit, sanctoque caput diademate einxit,
Augustoque virum circumdans mitis amictu
«Te decet hic habitus, regnantum maxime», dixit,
«Terribilis princeps et amabilis omnibus idem,
A magno dilecte deo, divalis origo.

En ego laeta tuis occurro prima secundis,
Gestorumque tibi felix praenuntia veni.
Sustulit haec nox alma patrem. Fortissimo, surge.
Te expectat, Iustine, dies. Tu proximus heres.
Te pater omnipotens divino ornavit honore,
Te dominum sacrae firmavit avunculus aulae.
Quid fundis lacrimas? Rerum quid gaudia defles?
Proice tristitiam. Vivit pater, aethere vivit,
Et fruitur meliore die. Succeed labori,
Atque regendarum sudores suscipe rerum.
Est virtus roburque tibi, praestantior aetas,
Prudens consilium, stabilis mens, sancta voluntas,
Et rerum custos vigilantia, dignaque caelo
Vestra gubernatrix lati sapientia mundi.
Haec ne vana putes aut credas somnia fingi,
Accelera. Manifesta loquior. Tibi serviet orbis,
Fortia virtutum miratus facta tuarum.
Quisquis erit vestrae, per se cadet, invidus aulae,
Adficietque viros legume pius ensis iniquos.
Barbata Romanos augebunt bella triumphos,
Regnaque sub vestris venient fortissimo plantis.
Ecce tuae procures pulsantes limina portae
Iustinum Sophiamque rogant succedere patri».
Dixerat haec virgo, placidus cum lumina somnus
Deseruit, purisque volans se miscuit auris.
Et iam clebra manus veloci concita pulsu
Limina quassabat ductis munita catenis.
Ad strepitum custos, cura est cui claustra tueri,
Sic ait indignans. «Quisnam temerarius hic est,
Qui placidos audit dominorum rumpere somnos,
Tempore quo dulcem nox intempesta quietem
Ingerit, et membro sopor est gratissimus omni»?
«Si te fida movet dominorum cura tuorum,
Surge citis» Calinicus ait. Mox agnita vox est.
Ante fores dominis Calinicum nuntiat esse.
Auspicium felix illo de nomine cepit.
Prosperitas ea prima fuit fortunaque rerum
Tempora defesso renovans Felicia mundo,
Quod primum ad limen bona tunc Victoria venit,

Orbis in Augustam dominos ut duceret aulam.
Hoc nomen sors laeta tibi, Calinice, dicavit
Pro meritis, vir clare, tuis. Factusque minister
Tanti consilii, licet haec deus Omnia fecit,
Tu quoque cum dominis, quoniam sic mente fideli
Vixisti vivesque, tuis mercede laborum
Aeternam famam laudemque et nomen habebis.
Fit iussis mora nulla dein: mox claustra resolvens
Ianitor excelsam stridenti cardine portam
Imperio reseravit heri. Iam visio certum
Fecerat illa virum, dulcesque a pectore somnos
Expulerat, curaeque altae pia corda movebant.
Ut latae patuere fores, subit ampla senatus
Atria, et aurati subter fastigia tecti
Corripuit festinus iter monstrante ministro.
Est domus interior tectorum in parte superna,
Luce sua radians et aperto libera caelo,
Conspicuo vitrei splendens fulgore metallic.
Dicere si fas est, rutile non indigo solis
Vel solis dicenda domus. Gratissima visu
Et facie Miranda loci. Pars prospicit una
Inmensum pelagus, pars respicit altera portum,
Portum quem geminae conplexant brachia ripae
Moenibus adpositis, rapidos contemnere ventos
Et faciunt, praebentque salum statione quietum.
Aequoreos franguit obiecto marmore fluctus,
Et prohibent refluas angustis faucibus nudas.
Gratior ille fuit dominis locus, unde solebant
Undivagum spectare fretum curvasque carinas
Omnia vectantes Gemini commercial mundi.
Illic e stratis consurgens ingiper altis
Electus princeps secreta in parte sedebat,
Atque ostensa sibi carae referebat amanti.
Dum locuitur pensatque pia cum coniuge curas,
Limina sacra patres deiectis vultibus intrant.
Ille habitus casum signis monstravit apertis.
Surrexere citi, verbisque in sede relictis
Ad medios venere locos. «Quid fertis, amici?
Cur tristes?» Iustinus ait. «Pater inclitus orbis

Occidit an vivit? Magno tunc regia fletu
Ingemuit. Gemitus uno Calinicus ademit
Ora premens digito, dextraque silentia fecit.
Aggere non aliter cum victo flumen inundans
In latos erumpit agros, si cautior illic
Marginibus sparsas erectis colligate undas
Agricola, in sese refluus revocabitur amnis,
Praecipites frenantur aquae, redit impetus omnis,
Et clause bibula rivi minuuntur harena.
«Romanum imperium, patri dum vita manebat,
Vestris consiliis vestrisque laboribus auctum
Et plebe notum est et nos cum plebe fatemur.
Augustum, Iustine, genus te principe dignum,
Te dominum sacrae quis non praedixerit aulae,
Cum magni regeres divina palatial patris,
Par extans curis, solo diademate dispar,
Ordine pro rerum vocitatus curapalati?
Dispositu nam Caesar eras. Cum sceptra teneret
Fortis adhue senior, regni tu summa regebas
Consilio moderata gravi. Nil ille peregit
Te sine, magnanimous seu fortia bella moveret,
Foedera seu pacis cum victis victor iniret.
Nunc idem genitor laetus plenusque dierum
Funere caelestia regna petivit,
Te successorem statuens sibi. Suscipe gaudens.
In tua iura suum transmisit avunculus orbem.
Non te cognatum sanctissimus ille putavit,
Sed genitum. Te iura vocant, te sustinet aula.
Tu decus imperii lumen virtusque Latini.
In te nostra salus, in te spes tota resurgit.
Oramus, concede tuis, succeed parenti.
Rumpe moras, cape dona dei, sceptrisque paternis
Utere, et Augustum, quod defuit, accipe nomen».
Talibus orabat sacras vir fidus in aures
Hortans et rerum dominis cunctantibus instans:
Consensusque sui manifestans vota senatus
Creber adorabat dominos, et poplite flexo
Plurima divinis supplex dabat oscula plantis,
Verbaque narrantis tacite firmabat amici.

Ipse autem patris concussus sorte beati
Sceptra recusabat lacrimans, largoque rigabat
Imbre genas, fletuque viri vestesque madebant.
Tantus amor senioris erat. «Desistite!» dixit
«Duram rem petitis, frustraque instates, amici.
Ergo superposita caput hoc ornabo corona,
Quando Iustinum tristem decet esse? Per orbem
Flere libet. Partem res publica perdit et orbis,
Non dominum. Quem non hominem pietate benigna
Continuity, fovit, monuit, nutrivit, amavit?
Et tamen innocuo plures voluere nocere.
Non caret invidia regni locus. Ibo paternas
Tristis in exequitas: regalia signa recuso».
Talia dicentis pedibus prostrate iacensque
Omnis turba simul «pius es, miserere» perorate
«Supplicibus, vir sancte, tuis: succurre periclis.
Omnia mox veniente die periisse videbis,
Si vacuam vulgus sine principe senserit aulam.
Quantumcumque boni moveat dilectio patris,
Non sit amor patriae patrio minor. Ipse tenere
Sceptra tuus moriens te iussit avunculus ore.
Aspice quanta fuit nostrae simul Urbis et orbis
Provida cura seni. Pro te deus Omnia fecit,
Quae fieri voluit. Solium conscende paternum,
Et rege subiectum, princeps fortissimo, mundum.
Aurea nascetur vobis regnantibus aetas,
Nec mutans dominos Romana videbitur aula».
Vocibus his flexus cessit tandem: itur in arcem
Obsequo comitante partum. Gratissima coniux
Subsequitur, non tunc solito stipata tumult.
Incedunt media securam nocte per urbem
Fronte parum laeti, quamvis gaudente senatu
Imperium peterent, quamquam omnia tuta viderent.
Divinis animis inerat dolor ille parentis.
Ante pios oculos mitis versatur imago.
Illa movet mentem, penitusque in pectore utroque
Indivisa manens pia numina numine complet.
Limen ut Augustae sacro pede contigit aulae,
Omnia gallorum stepuerunt culmina cantu.

Exactam noctem primi sensere volucres,
Et laetum cecinere diem, alarumque dedere
Plausibus adsiduis et acuta voce favorem.
Excubiae primum, quae summa palatial servant,
Imperium felix dominis instantibus optant,
Et cunctos aditus armato milite vallant,
Ne quis in Augustam contrarius audeat aulam
Infensum conferre pedem. Devotion tanta
Atque hominum cautela fuit sollersque honorum
Sollicitudo patium. Nam quis temptaret obese,
Cum deus imperium sancto iam dixerat ore
Iustino Sophiaeque dari, muroque potenti
Cinxerat atque armis totam caelestibus aulam?
Omnia disponens munivit providus arcem
Tiberius, domini semper cui maxima cura
Utilitatis erat. Namque illum maximus orbis
Communis benefactor alens et ab ubere matris
Suscipiens primis puerum praelegit ab annis,
Utque pater genitum nutrivit, fovit, amavit,
Paulatimque virum summa in fastigia duxit.
Hinc etiam iuvenis tota virtute laborans
Pro rerum dominis animam vitamque periclis
Non dubitat praebere suam, vigilatque, fidemque
Exhibit, et summum meruit dominantis amorem.
Hic bene suscepti primordial prospera regni
Discrete ratione vocans, properare fideles
Urguebat famulos et cuncta parare iubebat.
Aurato interea corpus sublime feretro
Inpositum turba famulorum flente iacebat,
Et flentum lacrimis iustus dolor ora rigabat.
Arbor uti mediis, avibus gratissima, campis
Annis victa cadens antiquum robur opacis
Servat adhuc foliis, et corpore fusa supine
Languida per latas expandit brachia terras:
At circum querulae volitantque sedentque voluctes,
Maerentesque dolent sedem cecidisse priorem,
Et quaerenda novis arbor placet altera nidis:
Sic suprema suae servans insignia vitae
Iustinianus, non mutans morte colorem,

Sed solito candor nitens. Quod vicerit orbem,
Mors veneranda viri signis monstravit apertis.
Ipse videbatur cunctis plangentibus unus
Effigie gaudere pia, diademate comptus
Purpureaque in veste iacens, requiescere somno
Credere quod possis, non duro funere, corpus.
Haut, reor, inmerito sic laetus et ore benignus
Ille foret moriens, nisi mens sibi conscia recti
In caelum properans secures linqueret artus,
Et tutum imperium firmato herede locaret.
Huc ubi magnanimous sacra cum coniuge venit,
Cara per exanimum circumdans brachia corpus
Cum lacrimis iustinus ait. «Iux Urbis et orbis,
Iustiniane pater, dilectam deseris aulam?
Cognatos famulos et tantos linquis alumnus?
Contemnis terras? fesso non prospicis orbi?
En Avares Francisque truces Gipidesque Getaeque
Totque aliae gentes commotis undique signis
Bella movent. Qua vi tantos superabimus hostes,
Cum, virtus Romana, iaces»? haec patris amore
Verba loquebatur lacrimans. Nam pectore toto
Bellorum iam cura fuit. Iam signa ducesque
Dispositi, classes, acies, exercitus, arma
Consilio moderata novo taciteque parata.
Iustini nutu gentes et regna tremiscunt:
Omnia terrificat rigidus vigor. Hic pietatem
Ostendit natura suam, iustumque dolorem
Divinis animis nulli evitabilis auxit
Carnis condicio cunctis mortalibus aequa.
Hic pietas laudanda viri est semperque calenda.
Dicite, quis hominum lacrimis ita possit amaris
Flere senis mortem, regni successor et heres?
Imperat et dolet: imperium proferre parenti
Mallet quam regni solium, quam sceptra tenere.
Nec minus imperii gratum patrem inclita consors
Flebat, et humanam sortem pietate dolebat.
Exequiis adicit solito plus dona paternis,
Ireque contractas denso iubet agmine turbas.
Et tulit intextam pretioso murice vestem,

Iustinianorum series ubi tota laborum
Neto auro insignita fuit gemmisque corusca.
Illic barbaricas flexa cervice phalanges,
Occios reges subiectasque ordine gentes
Pictor acu tenui multa formaverat arte.
Fecerat et fulvum distare coloribus aurum,
Omnis ut aspiciens ea corpora vera putaret.
Effigies auro, sanguis depingitur ostro.
Ipsum autem in media victorem pinxerat aula
Effera Vandalici calcantem colla tyranny,
Plaudentem Libyam fruges laurumque ferentem.
Addidit antiquam tendentem brachia Romam,
Exerto et nudam gestantem pectore mammam,
Altricem imperii libertatisque parentem.
Haec ideo fleri vivax Sapientia iussit,
Ornatum ut propriis funus regale triumphis
Augustum in tumulum fatalis duceret hora.
Dum famuli pia iussa parant aptantque feretrum,
Vox ingens facta est, plausus et gaudia surgunt,
Et fragor ex imis altum petit aethera terries,
Almaque discrete placuit Concordia vulgo.
Laeta per Augustam pennis plaudentibus urbem
Fama volans somnum populous inopina gravantem
Increpat, inpellitque fores, et limina pulsat,
Multiplicatque suas felix praenuntia linguas.
Somnus ea veniente fugit, secumque cadentem
Traxit segnitiem, totaque excessit ab urbe.
Inminet illa favens et crebro police pulsat
Tardantes populous, et «surgite, surgite» clamat,
Castigatque moras, et plena palatial narrat
Convent procerum, sorti senioris adempti
Dilecti numen struerent quo nocte peracta.
Urguet, agit, stimulat, pulsat latus, inprimit, instat.
Accelerant, vacuantque domos, vicosque per omnes
Gaudentes currunt, et murmura prima moventut
Nondum clara metu, civemque interrogat omnem
Occurrens civis, rumorque per agmina serpit.
Solis honore novi grati spectacular circi
Antiqui sanxere patres, qui quattuor esse

Solis equos quadam rerum ratione putabant,
Tempora continui signantes quattuor anni,
In quorum speciem signis numerisque modisque
Aurigas totidem, totidem posuere colores,
Et fecere duas studia in contraria partes,
Ut sunt aestivis brumalia frigora flammis.
Nam viridis vernis campus ceu concolor herbis,
Pinguis oliva comis, luxu nemus omne virescit;
Russeus aestatis rubra sic veste refulgens
Ut nonnulla rubent ardenti poma colore;
Autumni venetus ferrugine dives et ostro
Maturas uvas, maturas signat olivas;
Aequiperans candor nives hiemisque pruinam
Albicolor viridi socio coiungitur una.
Ipse ingens circus, plenus ceu circulus anni,
Clauditur in teretem longis anfractibus orbem,
Amplectens geminas aequo discrimine metas
Et spatium mediae, qua se via pandit, harenae.
Referam primas iunxisse quadrigas
Et currus armasse novos, Pelopemque secundum
In soceri venisse necem. Praestantior alter
Inventus gene rest, plus sponsae iunctus amore.
Hunc veterum primi ritum non rite colebant,
Esse deum solem recta non mente putantes.
Sed factor solis postquam sub sole videri
Se voluit formamque deus de virgine sumpsit
Humani generis, tunc munere solis adempto
Principibus delatus honor munusque latinis
Et iucunda novae circensia Romae.
Huc omnes populi, pueri iuvenesque senesque
……………..Dant agmina plausus
……………..Vox omnibus una,
Mens eadem: nomen populis placet omnibus unum.
Ales ut exustos cum phoenix innovate artus
A busto rediviva suo, concentus in unum
Stans avium spectat solem solisque volucrem,
Dum veniat, regemque novum clamore salutant:
Sic decus imperii, sanctum sic iota resurgens
Exortum est de fine suo, seniumque reponens

Nominis et recti Iustino in principe vivit
Iustinianus apex; domini sic vulgus amore
Undique conveniens laetarum more volucrum
«Tu vincas, Iustine»! canunt, ingensque tumultus
Crescit, et Augusta luctus discessit ab aula
Laetitia veniente nova. Vox excitat omnes.
Omnia Iustino praebent elementia favorem,
Omnia congaudent. Omnes clamore vocati
Convenient procures: lux sacra palatial complet.
Ipsum quin etiam examinum gaudere putares
Corpus, in angelicam mutatum morte figuram.
Signa dedit manifesta deus, seque ipse probavit
Iustino claram regni inposuisse coronam.

LIBER II

Roscida purpureos Aurora ostenderat ortus,
Imperio sacrata dei, dominisque iubebat
Sumere concessum caelesti munere regnum.
Ipse autem procerum magnis oratibus actus
Non primum imperii regalia signa recipit,
Ni sacrata prius supplex oracular poscens
Effuses praecibus Christo sua vota dicaret.
Ilicet Angelici pergens in limina temple
Inposuit pia tura focis cerasque micantes
Obtulit? Et supplex lacrimis ita coepit obortis.
«Omnipotens princeps, summi pater inclite verbi.
Lux aeterna deus, rerum formator et auctor,
Cuius stelliferum fecit sapientia caelum,
Fundavit terram, vestivit floribus agros,
Arboribus tribuit sua germina, vallibus herbas,
Et caeli liquidos formatrix condidit ignes
Discernens a nocte diem rutilisque comantem
Ornavit solem radiis, et cornua lunae
Paulatim minui, paulatim crescere iussit,
Formavit varias habitu distante figuras,
Produxit pronis animalia cetera membris,
Solum hominem rectum, quem mox ratione replevit,

Vivificans siccum sacro spiramine lutum,
Cuius subtracta costis ex omnibus una
Perfecit facto simile, sociamque dicavit,
Hisque creaturam, claro est quae subdita caelo,
Subiectam fecit divini iussio verbi.
Quas tibi persolvi tanto pro munere grates,
Parvus homo, inmensi factus factoris imago?
En ego, parva creaturae pars, subditus adsto
Ante oculos, excels, tuos. Tibi servio soli
Atque meum submitto caput, cui flectitur uni
Omne genn, quem cuncta pavent, elementa tremiscunt.
Quaeque vident homines et non quae iussa videri
Ante oculos sunt clara tuos, famulantur, adorant,
Et laudant factoris opus. Si sceptra tenere
Me Romana iubes soliumque ascendere patris,
Si tibi conplacuit populous mihi credere tantos,
Velle tuum fac nosse meum. Tu subicis hostes.
Colla superborum furiataque pectora frangis.
Tu reges servire facis. Da posse volenti,
Ut faciam placitura tibi». Genuitusque precanti
Adnuit, et sanctus «regnato»! spiritus inquit.
Vox arcana dei gestis fit nota peractis:
Non fierent, nisi sancta dei vox illa iuberet.
Ipsa etiam summa consors castissima regni
Virginis et matris templum sublime petivit,
Cuius adoratum limen feliciter intrans
Ante pios vultus expanensis candida palmis
Constitit, et pronis supplex haec vultibus infit.
«Virgo creatoris genetrix sanktissima mundi,
Excelsi regina poli, specialiter una
Vera parens et virgo manens, sine semine patris
Quam deus elegit matrem sibi, credula verbum
Concipiens nostrum genuisti feta salute.
O pietas Miranda dei dictuque tremenda!
Caelorum factor dominus deus, unica patris
Forma dei, verae sese velamine carnis
Induit, et servi formam de virgine sumpsit.
Quos tibi, qios gentio dignos solvemus honores
Pro tantis, benedicta, bonis? Te, gloria matrum.

Auxiliumque inploro tuum: te semper adorem,
Te fatear dominam servatricemque novarum
Iustini rerum. Nostrum caput, inclita, serva,
Tutare imperium, vitam rege, perfice coepta.
Da, bene dispositis procedant Omnia nostris.
Subde feras gentes. Iusto mucrone superbi
Depereant. Vestro semper tutamine vivam».
Plurima praeteria verbis clementibus orans,
Oblatis ceris, altam remeavit in aulam.
It sacrum comitata latus pulcherrima proles,
Luce sua plenam quae possit vincere lunam,
Aequiperans umeris matrem, sic lucida cultu,
Sic niveis Formosa genis similisque parenti.
Igne micant oculi. Nomen distabat et aetas
Non tamen egregiae distabat gratia formae:
Arboris ut matris quae de radice propago
Nascitur et celsis caput erigit ardua ramis,
Aequiperat novis maternam frondibus umbram,
At mater propriam florentem germine natam
Gaudet habere parem, laetasque adtollit in auras
Felices ramos, et vertice despicit arva.
Iam laetus princeps divalia tecta subibat.
Amplaque gaudentes implebant atria turbae.
Accelerant fidi, cura est ut cuique, ministry
Obsequiis praebere manus, promuntque feruntque
Augustas vestes pretiosaque cingula gemmis
Et capitis diadema sacri. Cultu ipse priore
Exuitur, tantumque uno vestitus amictu
Constitit, et lumen membris regalibus auxit.
Haut secus ut, nubes cum se rescindere densa
Coeperit, et caelum monstraverit aethra serenum,
Ardentes radios mittit iubar, Omnia visum
Congaudent elementia diem. Mox erigit herba
Molle caput, vernant segetes, et gramina crescent,
Ipsaque conspectus gratantur lumina terries.
«Haec est illa dies»? laeti dixere clients
«Quam pater ille bonus sancto praedixerat ore».
Egreditur, tunicaque pios inducitur artus,
Aurata se veste tegens, qua candidus omnis

Enituit lumenque dedit, fuscasque removit
Aetherea nondum prolata luce tenebras.
Purpureo terrae resonant fulgente cothurno,
Loraque puniceis induxit regia vinclis,
Parthica Campano dederant quae tergora fuco,
Quis solet edomitos victor calcare tyrannos
Romanus princeps et Barbara colla domare.
Sanguineis praelata rosis, laudata rubore,
Lectaque pro sacris, tactu mollissima, plantis.
Augustis solis hoc cultu conpetit uti,
Sub quorum est pedibus rerum cruor. Omne profecto
Mysterium certa rerum ratione probatur.
Nobilibus gemmis et cocto lucidus auro
Balteus effulgens lumbos praecinxit heriles.
Substrictoque sinu vestis divina pependit
Poplite fusa tenus, pretioso candida limbo.
Caesarios umeros ardenti murice texit
Circumfuse chlamys, rutilo quae ornate metallo
Principis exetra vincebat lumina dextra.
Aurea iuncturas morsu praestrinxit obunco
Fibula, et a summis gemmae nituere catenis,
Gemmae, quas Getici felix Victoria belli
Praebuit atque favens dominis Ravenna revexit,
Quasque a Vandalica Belisarius attulit aula.
Signa triumphorum, pie Iustiniane, tuorum
Sospite Iustino mundumque regent manebunt.
Amborum nomen per saecula cuncta canetur.
Narrabunt populi miracula vestra future.
Armati minibus sacrati circulus auri
Inpositi in collo imperium sublime dicavit,
Quod faciens ter, ter dextram cum munere tendens
«Augusti, Iustine, locum tibi confero», dixit.
«Ast ego te iubeo» princeps ait «esse tribunum».
Felix Armatus, primus qui verba locuentis
Audiit et primus sollemnia dona receipt.
Quattuor ingentem clipei sublimius orbem
Adtollunt lecti iuvenes, manibusque levatus
Ipse ministrorum supra stetit, ut sua rectus
Littera, quae signo stabili non flectitur umquam.

Nominibus sacrata tribus, qui viribus aequis
Imperium rexere suum. Genus omnibus unum,
Sceptrum continuum, tempus iuge, iuncta potestas.
Successu res acta suo est. Iam regna duorum
In caelis translate manent, nunc maximus orbis
Communis benefactor adest. Cui subdita reges
Colla parant, nomenque tremunt et numen adorant.
Adstitit in clipeo princeps fortissimus illo
Solis habens speciem. Lux altera fulsit ab urbe.
Mirata est partier geminos consurgere soles
Una favens eademque dies. Mea carmina numme
Mensuram transgressa suam? Mirabere forsan,
Quod dixi geminos partier consurgere soles.
Nec vacuis verbis nec inanibus ista figuris
Ore feres prolata meo, si dicta rependis.
Mens iusti plus sole nitet. Non mergitur undis.
Non cedit tenebris, non fusca obtexitur umbra.
Lux operum aeterno lucet splendore bonorum.
Postquam cuncta videt ritu perfecta priorum.
Pontificum summus plenaque aetate Iohannes
Adstantem benedixit eum caelique potentem
Exorans dominum sacro diademate iussit
Augustum sancire caput, summoque coronam
Inponens apici feliciter
Intonuit partum subitus fragor, inde clientum
Clamores crescent; clamoribus adsonat echo.
Laudibus innumeris regnantum nomina tollunt.
Iustino vitam ter centum vocibus optant.
Augustae totidem Sophiae plebs tota reclamat.
Mille canunt laudes vocum discrimina mille.
Iustinum Sophiamque pares duo lumina mundi
Esse ferunt. «Regnate pares in saecula» dicunt.
Felices annos dominis felicibus orant.
Insonuit vox illa diu, tandemque quievit.
Ipse coronatus solium conscendit avitum,
Atque cruces faciens signum venerabile sedit,
Erectaque manu cuncto praesente senatu
Ore pio sic orsus ait. «Super omnia regnans
Regna deus regnum nobis concessit avitum,

Et patrium diadema dedit, curasque regendi
Inposuit rerum genitor, quas ipse creavit.
Laudamus factoris opus, regemque tremendum
Suspicimus. Grates agimus grotesque fatemur.
Ipsius est, quodcumque sumus, ratione probante,
Et rerum certas
Pluribus ex membris animal conponitur unum,
Sed caput est, quod membra regit. Deus ergo creator
Conponens hominem natus
Omnibus ut membris caput imperet. Utque regantur,
Coniuncta est capiti sapientia, corporis arcem
Quae retinens oculis speculetur membra serenis,
Et quoscumque videt vigilanti lumine sollers
Peste laborantes subiecti corporis artus,
Sanet, et infestos pellat medicamine morbos.
Romanum imperium corpus bene ponitur unum
Conpositum multis, quod fas est dicere, membris.
Nos sumus ergo caput solidati corporis huius.
Huic sacro capiti facta est Sapientia consors,
Quae mihi commissum partier regat inclita mundum
Sede sedens una. Vos o mihi proxima membra,
Conscripti patres, nostril spes maxima regni,
Vos estis pectus, vos brachia verticis huius,
Quorum consiliis quorumque laboribus usa
Publica res domuit gentes et regna subegit.
Summa regendarum cura est mihi credita rerum.
At quia subiectum nostrum est disponere mundum,
Nos etiam vobis curas committimus orbis.
Adloquimur fidos, et vos hac voce monemus.
Inprimis deus est tota virtute colendus,
Semper adorandus, semper metuendus, amandus,
Omnia qui fecit pulchri miracula mundi.
Nos imitators factoris et Omnia dantis,
In quantum natura valet, contendimus esse.
Utque deus voluit, propriis caput impero membris.
Iustitiam populis generaliter omnibus aequam
Et iuris servate modos. Disponite plebes,
Ut decet imperii verso disponere patres,
Utque pedes proprios et membra minira fovete.

Non minor est membris cura inpendenda minutis.
Obsequium pedibus naturae lege videmus
Admotas praebere manus, oculosque ministros
Cernimus esse pedum, quibus inferior tuemur.
Ante pedes planate vias. Ne temnite partem
Magnis officiis summisque laboribus aptam,
Qua vehitur totum summon cum vertice corpus.
Qui pedibus rectis graditur, mala nulla veretur,
Non timet offensam: nescit via recta ruinam.
Quin et causa rei cultu est ornanda diurno.
Nullus vile putet, quod novit corporis esse.
Sit censura partum, sit disciplina per orbem.
Priventur caedes, populorum iurgia cessent.
Nullus laedendi pateat locus, usus iniquae
Cesset avaritiae. Subiectus parcite nostris,
Colla superborum confringite. Culpa nocentes
Puniat ipsa suos, serventur iura quietis.
Huc aures totamque, viri, deflectite, mentem,
Quaeque sit, ex dictis, vestri spes, discite nostris.
Agricolae sua rura colunt, cultuque diurno
Inplorant fructus, et terram vomere findunt,
Dividiturque bonis gratus labor ille colonis.
Pars scindit glebas, pars sulcis semina mandate,
Pars liquidas deducit aquas hortosque virentes
Inrigat, ac tractis satiat pomaria rivis.
Novit culta suos tellus ditare colonos.
Sic bene promeritos donis res publica ditat,
Terra velut pinguis. Cuius spes magna senatus
Hic floret virtute, fide, gravitate, rigore.
Hanc quicumque colunt, multum mercedis habebunt.
Quod fisci est, nullus rapiat. Cognoscite fiscum
Ventris habere locum, per quem omnia membra clibantur
Venter alit corpus. Fuerit si venter inanis,
Omnia deficient, tenuantur robore membra,
Et contracta regent arentibus ossa medullis.
Omnibus sufficient sacrati commode fisci,
Ex quibus est commune bonum, commune levamen.
Tutetur fiscus iustorum nemine laeso:
Quae sua sunt, capiat, quae sunt private, relinquat.

Iustitiam colimus, iustos veneramur, amamus.
Hanc commendamus, hanc vos retinere iubemus.
Plurima sunt vivo nimium neglecta parente,
Unde tot exhaustus contraxit debita fiscus,
Reddere quae miseris moti pietate paramus.
Quod minus ob senium factumve actimve parentis,
Tempore Iustini correctum gaudeat orbis.
Nulla fuit iam cura senis: iam frigidus omnis
Alterius vitae solo fervebat amore.
In caelum mens omnis erat. Iam corporis huius
Inmemor hanc mundi faciem transisse putabat.
Et licet exhausti vacuarit commode fisci,
Illa tamen sancti mecum est benediction patris,
Quae totum reparare potest et lapsa novare.
Nec patimur quemquam sacratum laedere fiscum.
Nec laedi quemquam sinimus sub nomine fisci.
Utantur cuncti propriis, ac iure fruantur».
Haec postquam princeps tranquillo protulit ore,
Pronus adoravit laudans pia dicta senatus,
Et summi clamor pervenit in astra favoris.
Protinus et magni visit fastigia circi,
Cerneret ut laetos populous plebemque moneret
Eloquii pietate sui. Tunc ordine longo
Incedunt summi procures fulgensque senatus.
Ipse inter primos vultu praeclarus honoro
Fratris in obsequium gaudens Marcellus abibat,
Dispositorque novus sacrae Baduarius aulae,
Successor soceri factus mox curapalati est.
His aetas dispar, sed par votum atque voluntas.
Ambo patricii, dilecti principis ambo
Fulgebant geminis simile radiantibus astris,
Astris, quae caelum flamma meliore perornant,
Solaque prolato possunt cum sole videri
Stellarum fugiente globo, quando Omnia pallent
Sidera et adflatas ortum iubar aspicit herbas
Atque operit novus astra dies. Praenuntius ante
Signa dedit cursor. Posita de more lacerna
Exoritur laetum iucunda per agmina murmur.
Intentos oculos ad sedem vulgus herilem

Extulit adsurgens, quoniam plebs laeta videre
Felicem dominum summon cupiebat amore.
Egreditur cum luce sua, frontemque serenam
Armavit sancti faciens signacula ligni.
Utque salutato tetigit subsellia vulgo,
Auratum scandens solium sedemque paternam
Instructam plumis pulchrisque tapetibus altam,
Aspexit laetus populous, vultuque modesto,
Circumfuse videns plaudentum milia, risit,
Censuram servans et plebe gaudia donans.
Ut princeps solio subnixus sedit in alto,
Ingens laetitiae sonuit fragor: aurea plebes
Tempora principibus centenis vocibus optat.
Iustino vitam patres utraque reclamant,
Augustae Sophiae votis quampluribus orant.
Excutiunt plausus, studiorum gaudia surgunt,
Alternisque sibi respondent agmina dictis.
Emittunt dextras partier pariterque remittent.
Certatim toto vulgus micat undique circo,
Ut veniunt densae manicis albentibus undae.
Disponunt cantus, et motum cantibus addunt.
Nunc simul erectis, pronis nunc ardua membris
Dant capita. Accedunt partier, pariterque recedunt,
Fertque refertque globum moles condensa virorum.
Exaltata putes placidis bene flantibus Eurus
Ludere coniferae frondosa cacuminal silvae,
Et flexis nutare comis, lentoque vicissim
Vertice fecundos huc illuc flectere ramos.
Inde dato populi fecere silentia signo,
Cunctaque clamosi tacuere sedilia circi:
Mollior ut ventis quotiens venit aura remotis,
Fluctivagum pelagus, quod tempestate movetur,
Mansuetis planatur aquis, tunc solis honore
Omnia clara silent tranquillis aequora ripis.
Ut clamor magnus populi strepitusque quievit,
Divinus princeps Augusta voce perorans
Haec plebe mandata dedit. «Bene vivite, cives.
Tempus gaudendi est. gaudete, hilaresque manete.
Contulit ista deus. Nullus sua gaudia turbet.

Priventur caedes, studiorum iurgia cessent.
Et iam post duros, cunctis promitto, labors
Otia sint plebe, nobis vigilantia sollers.
Tranquillam faciam secures civibus urbem.
Nos curam vestry gerimus, nos vestra tuemur.
Credite, non paritur saeclorum cecta meorum
Iniustos saevire diu. Conponite mores,
A furtis cohibete manus, cessate nocere.
Discite institiam, legume praecepta tenete.
Institiam quicumque facit, for a nulla timebit.
Omnis erit iudex informidabilis illi.
Corripiet sontes iuris vigor. Este quieti.
Si socium socius, si civem civis amabit,
Non solum optati iubeo spectacular circi,
Praemia sed populis et maxima dona parabo.
Ditabo plebes opibus, nomenque negatum
Consulibus consul post tempora tanta novabo.
Gaudeat ut totus Iustini munere mundus,
Dona calendarum properant vicina mearum.
Vos vestris adstate locis, properate, parate,
Promissaque die nostras spate curules.»
Expavit gaudens inopino nomine vulgus
Consulis audito: natus fragor, itque tumultus
Per laetos ingens   fremit undique murmur,
Ingeminantque cavos dulci modulamine plausus.
Interea lati spoliant subsellia circi:
Undique plorantum descendit turba virorum,
Et positis totam chartis implevit harenam
Ante ipsam domini sedem, largisque rigantes
Ora viri lacrimis et terrae corpora dantes
In facies cecidere suas. «Miserere, perimus»
Insonuit vox magna diu. «Lege sacra parentis
Syngrapha, de tantis rationem collige chartis.
Iam servis succurre tuis. Nos nostra iubenti
Credidimus dominis. Vobis quis vestra negaret,
Cum vestrum est, quod mundus habet? Scis, summe rege
Publica quid vestro prosint commercial fisco.
Unde tribute tuis succedent annua rebus,
Deficiet si nostra manus? Tibi militat omne,

Quod gerimus. Nos, quae tua sunt, private vocamus.
Vix nobis vitae constant alimenta diurnae
Adflictis, quae longa dies longoque labore
Sors quaerit, parvosque cibos sub nocte reponit».
Flere diu tantos lacrimis non passus acerbic
Condoluit miserans, et se pietate subegit
Legibus ultro suis. «Aliena pecunia» dixit
«Reddenda est, vivus patri qui substitit heres».
Thesaurus fidis privatos ferre ministris
Imperat. Innumerae mox advenere catervae
Fortia centenis oneratae brachia libris.
Deposuere umeris. Turmae glomerantur in unum,
Et totus fuso circus resplendit auro.
Tunc posita ratione palam, populoque vidente,
Debita persolvit genitoris, cauta receipt.
Gaudia quanta illic, quantus favor! Undique lactus
Tollitur in caelum populorum clamor ovantum.
Mirantur procures, mirantur talia plebes.
Hinc rutile lucent chartis ardentibus ignes,
Hinc radiat fulvum concertans ignibus aurum.
Hinc chartas flammis subigunt, hinc pondere fusos
Exaequant solidos, et lancem police pulsant.
Tunc sinibus plenus abeunt, quaestuque laborant,
Elatisque oculis pro vita principis orant.
Largior inventus patre est, clementior idem,
Qui virtute animi mentem calcavit habendi,
Publica private cum debita redderet auro
Sponte sua, dominus servis miseratus egenis.
Priscorum hoc uno vicit novus Omnia facto
Facta pius princeps. Quamus meliora sequantur,
Hoc primum tamen omen erat, quod nullus avorum
Augustos umquam cecinit fecisse priores.
Hinc aliud pietatis opus tam grande secutum est.
Pro vinctis flentes nuptae venere maritis,
Matres pro genitis. Nescit servare pudorem
Rebus in afflictis ingens dolor. Inmemor ibat
Turba sui sexus, cultu miserabilis ipso,
Per medios populos. Postquam venere verendam
Caesaris ante casam, cunctae sua pectora durae

Inlidunt terrae. «Pius es, potes omnia» clamant.
«Cerne pias lacrimas, miserorum vincula solve.
Matribus his natos, his nuptis redde maritos.
Omnibus haec sit laeta dies. Tua gaudia princes
Nullus agat tristis. Cunctorum criminal dele,
Gaudeat ut laetus miti sub principe mundus».
Has pius aspexit lacrimas, precibusque dolentum
Adnuit, et solvi cunctos a crimine iussit
More dei. Dues est, cui verbo conpetit uno
Iustificare malos mediaque a morte levare.
Credite simpliciter: vox haec temeraria non est.
Qui facit hoc, deus est: deus est in corde regentum:
Principibus princes quidquid dues imperat, hoc est.
Terrarium dominis Christus dedit omnia posse.
Ille est omnipotens, hic omnipotentis imago.
Plurima praeterea sollemni munere donnas,
Dimissis populis arcem remeavit in altam.

LIBER III

Contigit ut princes Augusti limina testi,
Quamquam festa dies sextam consumpserat horam,
Non dulces epulas, non pocula grata petivit,
Ni patris primum sanctum et venerabile corpus
Ornatum exequiis tumulo mandaret opimis.
Ante fores iam pompa fuit, passimque per aulam
Porticibus longis stabat cum plebe sanatus,
Interius flentes famuli, vasa aurea mille,
Mille columnarum species, argentea mille,
Quae superinpositis inplebant atria ceris,
Ordine compta suo, partum sic more parata.
Triste ministerium lata fervebat in aula.
Alta superpositis radiabant stramina gemmis,
Tempore quas prisco Romana cepit,
Quas viridis Nereus, quas protulit Indica tellus,
Et quas Memphitica Caesar perduxit ab aula,
Quas supplex Cleopatra dedit, cum vincula fratris
Frangeret et rupto pallens custode veniret.

Ex quibus adversis cernebant fulgura mitti.
Sed lumen, non ignis erat. Lux undique fulget
Aurea conspicui lustrans laquearia tecti.
Tura Sabaea cremant, fragrantia mella locates
Infundunt pateris et odoro balsama suco.
Centum aliae species unguentaque mira feruntur.
Tempus in aeternum sacrum servantia corpus.
Supremum patri talem celebravit honorem
Augusto melior Iustinus Caesare princes.
Ut pius ingrediens corpus venerabile vidit.
Incubuit lacrimans, atque oscula frigida carpsit
Divini patris, verbisque dolentibus inquit.
«Non flemus tristes, mentisque ardore dolemus.
Tu, pater, angelicas inter, sanctissime, turmas
Laetis albis, positoque deum iam corpore cernis,
Et frueris meliore die sub lumine solis.
Nox cui nulla subit. Salve, pater inclite, salve.
Aeternum, pater alme, vale». Non plura moratus
Augusti nutu tolli sublime feretrum
Imperat, et tota populus processit ab aula.
Maestaque funereas accendunt agmina ceras.
Omnis in exequitas sexus convenit et aetas.
Quis memorare potest tantae miracula pompae?
Hinc levitarum venerabilis ordo canentum,
Virgineus tonat inde chorus: vox aethera pulsat.
Funduntur lacrimae ritu nivis: imbre madebant
Cunctorum vestes, proprioque in fonte natabant
Manantes oculi, vultusque sinusque rigabant.
Adtonitae matres resolutis crinibus ibant,
Ante fores aliae, tectis sublimibus illae
Inplentes altas turba stipante fenestras:
Quantus Hyperborei volucrum concentus in Istri
Contrahitur ripas, gelidas quas linquere terras
Aspera cogit hiems. Glacie nivibusque coactae
Innumerae glomerantur aves, stipantur in unum,
Innectuntque moras, et flumina linquere nolunt.
Transitus ob causam multi pia tura clemabant.
Undique currebat studio plebs maesta videndi.
Omnibus unus amor, iustus dolor omnibus unus

Angebat lacrimas, et viso funere flebant,
Donec Apostolici subeuntes atria temple
Inclita sacrato posuissent membra sepulero,
Quod pius ipse sibi puro construxerat auro.
Postquam facta quies, totam plebs laeta per urbem
Sacra coronatis ornavit moenia tectis.
Pratorum spoliator honor, nemus omne refertum
Frugibus et glaucae fronds rapiuntur olivae.
Exornant postes, et arundine limina comunt,
Festaque per cunctos tendunt velamina vicos.
Ludere tunc iuvenes et laudibus addere laudes
Incipient, plaudunt pedibus, mollique reponunt
Crura gradu, mirisque modis nova carmina flectunt.
Iustinum Sophiamque pios duo lumina dicunt.
Organa, plectra, lyrae totam insonuere per urbem,
Mille voluptatum species, convicia mille,
Saltatus, risus, discursus, gaudia, plausus.
Augustis vitam laetis clamoribus optant.
«Post senium» dicunt «sese iuvenescere mundus
Gaudet, et antiquae repetit primordial formae.
Ferrea nunc abeunt atque aurea saecula surgunt
Temporibus, Iustine, tuis, spes urbis et orbis,
Romani, iubar imperii, decus addite cunctis
Retro principibus, cuius sapientia vivtrix
Obtinuit patrii fastigia maxima regni».
Ingeminant Sophiae nomen, lumenque secundum
Hanc dicunt, carmenque novum cum plausibus addunt,
Interea laetus sacra cum coniuge princeps
Coeperat Augustae Felicia carpere mensae
Gaudia, regales epulas et dulcia Bacchi
Munera, quae Sarepta ferax, quae Gaza crearat,
Ascalon et laetis dederat quae grata colonis.
Quaeve antiqua Tyros, quae fertilis Africa mittit,
Quae Meroë, quae Memphis habet, quae candida Cypros:
Quaeque ferunt veteres mature robore vites,
Quas minibus propriis Ithacus plantavit Vlixes,
Pace sub Iliaca Laërtia limina servans,
Nondum Troiani vitans discrimina belli;
Quaeque Methymnaeis expressit cultor ab uvis;

Pocula quae vitreo flagrabant plena Falerno.
Prisca Palaestini miscentur dona Lyaei,
Alba colore nivis blandoque levissima gustu.
Fusca dabant fulvo chrysattica vina metallo,
Quae natura parit liquidi non indigo mellis,
Et Garisaei permiscent munus Iacchi.
Cuncta quis expediet, dominis quae parturit orbis,
Romano quaequae est provincial subdita regno?
Haec magno luxu quamquam cumulate redundant,
Temperie solita parvus cibus ore modesto
Sumitur, et quantum capiat mens sobria potus,
Censura servant modum. Cura ipsa regendi
Clementisque animus praesumere parcius escas
Iure facit, potusque parum sapientia quaerit.
Aurea purpureis adponunt fercula mensis
Pondere gemmarum plus gravia. Pictus ubique
Iustinianus erat. Dominis picture placebat,
Gaudebantque sui genitoris imagine visa
Felices geniti. Versa ibi credere posses
Sacras effigies, vivasque adstare putares.
Ars et meteries animas simul addere possent,
Addendi vitam nisi ius, natura, negares.
Ingeniis hominum post mortem vivere fama
Concessus est: clarum servat sua Gloria nomen.
Ipse triumphorum per singular vasa suorum
Barbarico historiam fleri mandaverat auro,
Tempore quo captis iniecit vincla tyrannis
Iustinianus ovans, quarto cum consule princeps
Alta triumphali tereret Capitolia pompa.
Sacris principibus iucundae fabula mensae
De divo genitore fuit: tum nonen honorum
Inter delicias et dulcia pocula summis
Laudibus adtollunt, vivumque per ora fatentur.
Sic decessorem regnantum nullus amavit,
Quamquam sceptra patris natus successor haberet.
Ante oculos geniti genitor dulcissimus omni
Tempore semper erit, semperque in corde manebit.
Posrquam divinae sumpsere novissima cenae
Pocula, et excelsae siluerunt gaudia mensae,

Contulerat quae prima dies, surrexit ab alto
Laetus uterque toro secretaque tecta petivit.
Sed non in segnes solverunt pectora somnos:
Invigilant animi, quibus est pia cura regendi
Tot latos populous, duros domitare tyrannos,
Consiliis uti, causas disponere mundi.
Maxima pro rerum quae disposuere salute,
Admiranda magis quam conumeranda salute,
Humanum decet ingenium. Quis carmine digno
Tot divinarum miracula pandere rerum
Sufficiat? Quibus haec verbis, qua laude reponat?
Diva Augusta favens, sanctum et venerabile nomen,
Inmortale bonum, nostrae Sapientia linguae,
Auspiciis haec sacro tuis. Tua vota canentem
Respice, et oranti Clemens solacia praebe.
Septima gaudentem lux aurea viderat orbem,
Expellens placido brumalia frigora verno.
Omnia sol oriens radiis melioribus adflans
Tranquillo gelidas tepefecerat igne pruinas.
Gaudebant elementa simul, mollique calebant
Temperie, votisque suis nova Roma fremebat.
Ornate est Augusta domus, iussuque regentis
Acciti procures omnes, schola quaeque palate est
Iussa suis adstare locis. Iamque ordine certo
Turba decanorum, cursorum, in rebus agentum,
Cumque palatinis stans candida turba tribunis
Et protectorum numerous mandante magistro
Omnis sacrorum vis adfuit officiorum
Ornatu vario cultuque habituque modoque.
Ingens excubitus divina palatial servans
Porticibus longis porta condensus ab ipsa
Murorum in morem laevam dextramque tegebat.
Scuta sub erectis coniungens aurea pilis.
Euse latus cincti, praestricti crura cothurnis,
Adstabant celsi partier, pariterque nitebant
Extantes latis umeris durisque lacertis:
Coniferae veluti sacra inter flumina quercus,
Per quas blanda fluens rauco sonat unda susurro,
Condensam faciunt frondoso robore silvam,

Excluduntque diem ramis, intonsaque laetae
Adtollunt capita, alta et vertice sidera pulsant.
Et laeva dextraque acies adstare videres,
Multaque ancipites splendescere luce bipennes,
Terribiles, aetate pares. Imitator Olympum
Officiis Augusta domus. Sic omnia clara,
Sic numeris bene compta suis, ita luce corusca:
Aurea convexi veluti rutilantia caeli
Sidera mensura, numeris et pondere cursus
Perficiunt librata suo, stabilique recess
Firma manent, unumque iubar super omnia fulget;
Omnia subcumbunt flammis melioribus astra.
Et quo tecta latent, regis pascuntur ab igne.
Hac se magnarum Romana potential rerum
Lege tenens medias inter super omnia gentes
Regna micat claro tantum uni subdita caelo.
Atria praelargis extant altissima tectis,
Sole metallorum splendentia, mira paratu,
Et facie plus mira loci, cultuque superba.
Nobilitat medios sedes Augusta penates,
Quattuor eximiis circumvallate columnis.
Quas super ex liquido praefulgens cymnibus auro
Inmodico, simulans convexi climate caeli,
Inmortale caput soliumque sedentis obumbrat
Ornatum gemmis, auroque ostroque superbum.
Quattuor in sese nexus curvaverat arcus.
Par laevam dextramque tenens Victoria partem
Altius erectis pendebat in aëra pinnis,
Laurigeram gestans dextra fulgente coronam.
Mira pavimentis stratisque tapetibus ampla
Planities, longoque sedilia compta tenore
Clara superpositis ornabant atria velis.
Vela tegunt postes. Custodies ardua servant
Limina, et indignis intrare volentibus obstant
Condense numeris, fastu nutuque fremendi.
Postquam dispositis ornate palatia turmis
Officia explerunt, adytis radiavit ab imis
Inclita lux, et consistoria tota replevit.
Egreditur princeps magno comitante senatu.

Adfuit obsequo castorum turba virorum.
Illis summa fides et plena licentia sacris
Deservire locis arque aurea fulcra parare,
Regales mensas epulis onerare superbis,
Conservare domum sanctumque intrare cubile,
Internas munire fores, vestesque parare.
Armiger interea, domini vestigial lustrans.
Eminet excelsus super Omnia vertice Narses
Agmina, et Augustam cultu praefulguerat aulam
Comptus caesarie, formaque insignis et ore.
Aureus omnis erat, cultuque habituque modestus.
Et morum probitate placens, virtute verendus.
Fulmineus, cautus, vigilans noctesque diesque
Pro rerum dominis, et honora luce coruscus:
Matutina micans ut caelo stella sereno
Auratis radiis argentea sidera vincit
Vicinumque diem claro praenuntiat igne.
Ut laetus princeps solium conscendit in altum
Membraque purpurea praecelsus veste locavit,
Legatos Avarum iussos intrare magister
Ante fores primus divinae nuntiat aulae
Orantes sese vestigial sacra videre
Clementis domini, quos voce et mente benignus
Imperat admitti. Miratur Barbara pubes
Ingressus primos inmensa atque atria lustrans
Ingentes adstare viros. Scuta aurea cernunt.
Pilaque suspiciunt alto splendentia ferro
Aurea et auratos conos cristasque rubentes.
Horrescunt lanceas saevasque instare secures,
Ceteraque egregiae spectant miracula pompae,
Et credunt aliud Romana palatia caelum.
Spectari gaudent, hilaresque intrare videri.
Non secus Hyrcanae quotiens spectacular tigres
Dat populis nova Roma suis, ductore magistro
Non solita feritate fremunt, sed margine toto
Intrantes plenum populorum milla circum
Suspiciunt, magnoque metu mitescere discount:
Deponent rabiem, gaudent fera vincla subire,
Per medios intrare locos, ipsumque superbae

Quod spectantur amant, caveam turbasque faventes
Lustrant, et pronae solium regnantis adorant.
Verum ut contracto patuerunt intima velo
Ostia, et aurati micuerunt atria tecti,
Caesareumque caput diademate fulgere sacro
Tergazis suspexit Avar, ter poplite flexo
Pronus adoravit, tarraeque adfixus inhaesit.
Hunc Avares alii simili terrore secuti
In facies cecidere suas, stratosque tapetas
Fronte terunt, longisque inplent spatiosa capillis
Atria et Augustam membris inmanibus aulam.
Ut Clemens princeps legatos surgere iussit,
Officia stratos iussu monituque iubentis
Erexere viros. «quod poscitis», ore sereno
Clementer regnator ait «memorate, docete,
Et, vestry regis quae sit legatio, ferte».
Haec postquam princeps tranquilla voce profatus.
Crudus et asper Avar dictis sic coepit acerbic.
«Rex Avarum Cagan debellans intima mundi
Famosos stravit magna virtute tyrannos,
Innumeros populous et fortia regna subegit.
Cuius Threicium potis est exercitus Hebrum
Exhausto siccare lacu fluviumque bibendo
Nudare et nondum plene satiates abire.
Quem Persae timuere feri, genibusque minantis
Admovere manus: pacem meruere precando.
Ni fieret, frustra celsis Babylonia muris
Cincta foret, dominosque Avares nunc Parthia ferret.
Rupimus Euphraten, gelidos superavimus amnes.
Hibernasque nives, cursus qua frenat aquarum
Frigis et omnigenis fit durior unda metallis.
Vidimus extensos vitrea testudine pontes
Stagna lacus fluviosque super fontesque iacere.
In silicis morem vel stratae marmore terrae
Cognatos lattices laticum concreta tegebant.
Plaustra super solidas stridentia duximus undas.
Illic volventum vestigial nulla rotarum,
Aerea nec solitos labens dedit orbita sulcus,
Nec fragilis potuit crystalli forma noceri

Praesolido stringente gelu. Fremitusque sonorum
Cornipedum liquidos ceu terruit ungula campos
Insanum volvens strepitum. Calcavimus imbrem,
Ivimus in fluctus sicco pede. Praebuit amplas
Nix spatiosa vias. Praeduris gentibus acre
Intulimus bellum. Pars altera castra locavit.
Miscuimus pugnas, munitas cepimus urbes,
Firmaque diruptis deiecimus oppida muris.
Nunc ripas Scythici victor rex contigit Istri,
Densaque per latos figens tentoria campos
Ad tua nos, princeps, haec splendida moenia misit.
Annua praelargi patris solacia vestry
Sumere tempus adest. Sanctus quae praebuit ille,
Vos etiam praebere decet. Si foedera pacis
Intemerata tibi, si mavis pacta manere,
Debita quaerenti transmittes munera regi».
Talia iactantem, nulla commotus in ira,
Tranquillus princeps oculis pietate serenis
Aspexit iuvenem, placidoque haec edidit ore.
«Quantum est legatis concessa licentia fandi,
Tantum legatos animo decet esse modestos
Et vitae probitate graves; quique ordine possint
Scire locis humiles quibus et quibus ora superbi
Expediant, nostramque petant quod mitiget iram,
Prospiciantque suae poscentes foedera vitae.
Quod tua ventosis inflate superbia verbis
Iactitat, ignavae mentis deformia nudat.
Quid profugos laudas, famaque adtollis inani
Extorrem populum& quae fortia regna subegit,
Effera gens Avarum proprias defendere terras
Non potuit, sedesque suas fugitive reliquit.
Tu velut ignaris falsis rumoribus audes
Vana loqui, turpique dolo nova somnia fingis.
Quod tibi nunc visum est vestro adsignare labori,
Militibus nostris ludo solet esse diurno.
Hoc stadium dominis, ea sunt sua seria servis.
Sanctum hoc imperium toto sic floruit orbe,
Bella gerens pacemque tuens. Nos more parentum
Pacem diligimus, numquam fera bella timemus.

Pax est subiectus, pereunt per bella superbi.
Parcimus innocuis, sonti non parcimus ulli.
Res Romana dei est, terrenis non eget armis.
Iure pio vivit: bellum non ingerit ultro,
Suspicit inlatum. Vel si servire negabunt
Ingratae gentes, primum tamen admonet hostes
More gubernandi. Monitus qui suspicit istos,
Vivit et a nobis meritos expectat honores.
Quisquis amat pacem, tutus sub pace manebit:
Et qui bella volunt, bellorum clade peribunt.
Gens quaecumque ausa est Romana lacessere signa,
Horruit extinctas inopino fulmine turmas,
Innumeros cecidisse suos, regesque superbos
Vidit sub nostris humiles fractosque triumphis.
Ergo signa meis Cagan contraria signis
Ferre parat, lituosque mihi camposque minatur
Gens Avarum, ni pacta damus& terrore putatis
Id nostrum fecisside patrem, miseratus egenis
Et profugis quod dona dedit? Pietate regendi
Hoc facimus, gratisque dari provisa iubemus.
Nostra manus larga est, non prodiga: perdere nescit.
Iure suas dispensat opes, quo continet orbem.
Sponte damus dignis, indignis sponte negamus.
Tu numeros numeris et vires viribus audes
Exaequare meis. Nostris non fidimus armis,
Quamquam ductores, numeri fortesque tribuni,
«Subiecti reges et gentes rebus abundant
Quot caelum guttas mittit, quot litus harenas.
Quod super est, unumque meum speciale levamen,
Imperii deus est virtus et gloria nostri,
A quo certa salus, sceptrum datur atque potestas;
Qui populos clemens super omnia regna Latinos
Constituit, pacemque suam commendat amari;
Cuius spe fruimur, cuius virtute superbos
Deicimus, cuius populos pietate tuemur;
Qui nostros auget mira virtute triumphos.
Ipsius laudamus opus solumque timemus;
Hunc unum colimus, rerum dominumque fatemur.
Cognoscant Avares, quoniam deus omnium hic est.

Fastus non patimur. Gentes sarvire volentes
Suscipimus, donisque humiles et honore levamus.
Quisque suas mensuret opes viresque suorum,
Cum quis bella gerat, sub qua spe sumpserit arma.
Divinum dibimet plus consulat unde petatur
Auxilium. Poterint si numina vana potentem
Oppugnare deum, si possunt sponte venire
Persculpti lapides, surdae mutaeque figurae,
Monstraque, quae variis extant conflate metallis,
Si caelo tellus bellum movet, arma feretis
Vos armis adversa meis. Si, barbare, nescis,
Quid virtus Romana potest, antiqua require,
Quae proavi, patres et avi potuere Latini.
Quid noster senior potuit pater, inscie, disce,
Sub quo Vandalici ceciderunt strage tyranni
Edomitique Getae, pubes Alamannica, Franci
Totque aliae gentes, famosaque regna per orbem
Ardua sub nostris flectentia colla triumphis
Suscepere iugum, mentes animosque dedere
Servitio, nobisque manent ex hoste fideles.
En Sultan nostra servire paratus in aula
Legatos nobis et plurima munera mittit.
Quos contra ingratos offendimus, arma paramus.
Obstamus dominis, profugis damus ostia servis?
Legibus hoc nostris non convenit. Arguo factum.
Indignis praebemus opem. Caganque timeri
Se putat, et bello mea signa lacessere temptat?
Ite, licet. Campos acies et castra parate,
Signorumque duces certo sperate meorum».
Contremuit stupefactus Avar, magnoque timore
Diriguit. Siccis vox humida faucibus haesit,
Turbatusque malis Augusta ab sede recessit.
Cetera consiliis quae princeps providus altis
Disposuit, vebris fateor conprendere nullus
Sufficit, et pleni tenor est in fine libelli.
Haec dilata parum, non praetereunda relinquo.
Quaeque suis aplata locis, rerumque favorem,
In quantum potis est, devota mente notabo.

LIBER IV

Iam vicina dies spectandi consulis omnes
Urguebat turmas arcus statione replere
Et loca, quae populis praefectus deputat urbis,
Consultor legume libertatisque tuendae
Dispositor, iusti vindex, corrector iniqui,
censuaram gravitate regens, multoque rigore
terribilis, mitique magis pietate tremendus.
Tunc partes munire suas spatiumque parare
Acclerant; medioque fori, qua divite dextra
Egrediens princeps sacra trabeatus ab aula
Divitias vulgo, sollemni munere donans,
More nivis sparsuris erat, nova fabrica surgit.
Turbatur tota lignorum venditor urbe
Emptorum numero. Studio ruit agmen emendi.
Robora silvarum tunc plaustra gementia ducunt
Magnis ponderibus tractu stridente rotarum.
Explicitae moles; nec sufficit arida tantum
Ligni materies: ratibus tunc ire per urbes
Finitimas, ferro virides succidere silvas.
Rarescunt luci, campi spoliantur opaci,
Arboribus ferrum sedit, gemit undique fessus
Concisor nemorum, crebrisque securibus ictus
Congeminant. Nidis volucres fugere relictis,
Horrescunt sua lustra ferae, dulcesque latebras
Linquunt. Concussae penitus tremuere cavernae,
Inmissamque timent tenebrosa cubilia lucem.
Densa per antiquas discurrunt agmina silvas
More apium, quas ver tepidum nova condere castra
Et munire favos ceris iubet. Aethere capto
Densa per herbosos errant examina campos,
Floribus insidunt variis, roremque madentem
Ore legunt onerantque umeros, cerasque liquentes
Confliciunt, dulcesque lares in pumice figunt.
Incumbent opera, gratisque laboribus instant.
Protinus omnigeni caeduntur robora ligni,
Quaeque suis aptanda locis: durissima costas,
Mollia dant tabulas. Quadrata caeca bipenni

Fraxinus, et crebris cadit ictibus ardua pinus,
Tunc fagi dulces et suco taxus amaro,
Iliceaque trabes fortes et pallida buxus,
Pulchra magis pallore suo. Cecidere secure
Antiquae quercus et amictae vitibus ulmi,
Cedrus olens, solidum numquamque natabile robur,
Aesculus, alnus, acer, terebinthus, populous, ornus.
In tenues tabulas abies Montana secatur,
Iuniperi tiliaeque leves et odora cupressus.
Mille secant in frustra trabes: tonat aerea pulsans
Malleus, et tractae strident scabredine serrae,
Curvaque percusso longe sonat ascia lingo.
Tanta nec Inachides secuerunt robora plebes,
Armatas classes ratibus cum mille pararent.
Illa prius laetae spectacular praebuit urbi
Fabrica. Mirantur populi, studioque videndi
Omnis concurrens sexus veniebat et aetas.
Roboribus flexis teretes curvaverat arcus
Artificum praedocta manus, trabibusque cavatis
Adfigens tabulas pendentes struxerat aedes,
Quattuor informans molem stationibus unam,
Buxea populeis aptans capitella columnis
Materiaque ipsa bases firmaverat imas:
Omnia roboribus sternunt loca plana politis.
Coniungunt tabulas et ferri nexibus artant,
Quae pondus strepitusque virum motusque faventis
Ferre queant populi. Cunctorum terga locorum
Alternumque latus conclusit sectile lignum,
Undique munimen, decus et tutamina praebens.
Disposuere gradus, quis staret in ordine longo
Divisum in turmas atque in sua corpora vulgus,
Posset ut exertas ad munera tendere palmas,
Liberius spectare oculis manibusque favere,
Et donis aptare sinus, quae plurima consul
In plebes missurus erat, palmasque capaces
Tendere, quo veniens late pluat aureus imber.
Ut labor artificum perfecta mole quievit,
Atque operis tanti nituit decus, omnia late,
Quae modo lignorum squalebant fragmine, mundant,

Exornantque locos, et festa fronde coronant
Partes quique suas. Fixis tabulate virebant
Palmarum ramis et amicae pacis olivae.
Cuncta triumphalis pendentia culmina laurus
Comit et amplectens foliis felicibus ambit.
Quos illic ludos, quae feria vulgus habebat!
Ludere nunc alios, alios spectare videres
Mille voluptatum species. Velamina tendunt,
Ut loca quaeque decent. Ut plus mirentur, obumbrant.
Quod vulgo est, vile est, vile est: quidquid latet, extat, honorat;
Quodque magis tegitur, pretii maioris habetur.
Tunc interclusos nulli transire sub arcus
Concessum est: cunctis medio via lata patere.
Lux octava novo nascentis lumine Christi
In se volventis vestigial flexerat anni;
More suo currens totum conpleverat orbem
Circulus alterius referens de fine dierum
Principium, teretemque rotam novus ordine mensum
Urguebat numerous, totum qua volvitur aevum
Et finit sine dies. Iubar axe sereno
Emicuit, votisque pil sese obtulit orbis,
Laetificans cunctas felici lumine terras.
Clara coruscantem lux auxerat altera lucem,
Cum terries gaudente polo prodibat uterque,
Sol radians et consul ovans. Nova Roma nitebat,
Certabantque ipsi iucunda palatial caelo.
Dona calendarum, quorum est ea cura, parabant
Officia, et turmis inplent felicibus aulam.
Convectant rutilum sportisque capacibus aurum
Adcumulant, onerantque locos, quibus altior ipsa
Sella triumphalis firma statione locata
Iam fuerat, nondum claro tunc consule plena.
Hinc vetus argentum formas speciesque novatum
In varias, pressum titulis sculptumque figuris
Excelsis portant umeris, magnisque laborant
Ponderibus, cistaeque graves funduntur in unum:
Utraque materies in magnos surgit acervos.
Aedibus in magnis miro constructa paratu
Extabat sedes, auro gemmisque superba,

Lumen habens sine sole suum; inlustratque propinquos
Gemmarum natura locos, rerumque colores
Mutans et Phoebi radios fulgentis obumbrans.
Miscentur teretes quadric, viridantibus albae.
Chrysolithi mireque micant, flammasque pyropos
Adflans et propria depellens luce tenebras.
Hanc prius in media, quam sol procederet, aula
Auratis gradibus sacrisque tapetibus altam
Conscendit princeps trabea succinctus avita,
Regalem ditans Augusta fronte coronam,
Censuramque piam servans gravitate resedit
Caesareos augens habitus ritusqie Gabinos.
Cuius Hydaspeis radiabat purpura gemmis
Vincens luce diem, plus maiestate sedentis
Lucidior meliorque sui. Primumque senatus
Pronus adoravit «vincas, Iustine» perorans.
«Consule te felix, te principe floreat orbis.
Salve, Augustorum numeri non ordine prime,
Sed meriti, largotor opum, largitor honorum,
Libertatis apex, mundi caput, unica virtus
Et rerum manifesta salus, reparatory opimi
Nominis. Antique redeunt nova saecula fasti.
Augusti priscum renovasti Caesaris aevum.
Clarius est meliusque tuum. Tua gaudia tecum
Hinc vester primus feliciter excipit annus,
Votaque plura tuis celebret nova Roma triumphis».
Inde senatorum sacro recitantur ab albo
Nomina, conscripti patres qua voce citati
Accedunt hilares, subeuntque altissima sedis
Culmina, praetendunt dextras, et praemia sumunt
Consulis et mundi domini, donisque superbi
Fulvo plena ferunt argentea vasa metallo.
Qualia fecundi convectant munera campi
Agricolae, cum prata virent, plenisque canistris
Lilia cana ferunt, mediumque intermicat aurum
Floris odoriferi. Primordial fertilis anni
Ferre domum gaudent, postesque et limina comunt,
Et sua placandis nectunt donaria templis.
Tunc oratorum geminae facundia linguae

Egregias cecinit sollemni munere laudes
Consulis Augusti. Dignis fortuna favorem
Praebuit, et iustis successit gratia dictis.
O fortunarti, quibus est ex rebus abundans
Laudum materies! Quid non laudabile dicunt,
Qui vitam, tanti qui principis acta reponunt!
Quis fuit ille fragor? Tantus favor unde repertus,
Tot laudatorum numeris? Quibus artibus usi
Et quibus ingeniis? Quanto conamine nisi
Tunc phaleris phaleras et laudibus addere laudes?
Non potuere tamen sanctae miracula vitae
Ordinibus numerare suis. Divina referre
Nec virtus hominum nec sensus sufficit ullus.
Fontis Niliaci si quisquam aut hauriat undas
Et bibat, aut bibulis rivos inducat harenis:
Ipse quidem satiatur aquis, satiantur et agri,
Si quos ille rigat; fonts et flumina replete,
Et praebet largas haurire volentibus undas;

***

Quae circa dominos habemus vota, probamus,
Dum canimus colimusque pios, veneramur ovantes.
Quos dum laudamus, laudem de laude meremur,
Et fruimur maiore bono. Nam diva propago
Humanae nil laudis eget, sed vota clientum
Pensat, devotosque sibi pietate coronat.
Fertilis hic Augusta manus felixque videri
Plus voluit, nullumque suo praeferre favori.
Namque illos donis conscriptis patribus aequos
Esse dedit, cum distet honor. Vigilantia noctis
Hoc meruit carisque favens sapientia Musis.
Doctor et princeps novit, quod littera rerum
Pars magna est magnusque labor scribentibus instat.
Protinus officilis summam tutantibus aulam,
Ordinibus propriis et prisco more notates,
Perque scholas turmasque vocans, pia praemia gaudens
Praebuit, et fidos opibus ditavit alumnus
Pro meritis gradibusque suis. Idem inclitus omnes
Nutrierat, vivoque etiam genitore regebat.
Natus in imperio, media nutritus in aula

Inter alumnorum numeros coetusque fideles,
Nomina cunctorum, cunctorum noverat actus,
Omnes mitis amans, omnes pietate paterna
Semper aliens semperque monens. Rituque regendi
Continent ipse suos nutritque fovetque clients:
Providus ut pastor, longo qui tempore tauros
Lanigerosque greges herbosis pavit in agris,
Omnia quae posuit taurorum nomina novit;
Crescere dilectum gaudet pecus, intrat ovile,
Discernit teneros et in unum congregat agnos
Nomina nota vocans: audita voce sequuntur,
Agnoscunt dominum, pulsantque balatibus auras,
Atque avidi sumunt virides, quas adtulit herbas.
Interea populis totas conpleverat aedes,
Ornatas nexis diversa ex fronde coronis.
Serica per cunctas pendebant vela columnas.
Perque arcus vicosque omnes adstabat utraque
Parte favens vulgus, palmasque sinusque parabat.
Consulis adventum summa tardantis in aula
Expectant, penduntque moras, causasque morarum
Inquirunt, oculosque omnes ad regia tollunt
Limina, processumque Augusti consulis optant:
Haut secus ut Libyci terra sitiente coloni
Nubila suspiciunt, moto cum fulgura caelo
Prima micant, crebroque tonans Notus inplicat aethram,
Ruricolum siccos discurrit turba per agros
Spe pluviae, mundantque locos, aditusque viarum
Librant, et cursus omnes moderantur aquarum,
Unde fluant liquidi per prata virentia rivi
(cogit dura sitis) cumulosque arentis harenae
Obiciunt, pinguisque soli declivia claudunt.
Postquam opibus fidos consul ditavit alumnus,
Augusto nutu cunctos incedere iussit,
Ut populis pia dona daret. Praecepta facessunt.
Tollitur in magnum divalis sella triumphum
Mille ministrorum minibus, gratoque labori
Submittunt umeros et loris fortibus aptant
Electi iuvenes, aetas quibus omnibus una,
Par habitus, par forma fuit, vestisque rubebat

Concolor, atque auro lucebant cingula mundo.
Incessit laetus praeclara in veste senatus,
Pars trabeis, pars compta togis, ut cuique probatus
Ordo locum cultumque dabat. Divina sequuntur
Official, et primus praecox clamoribus instat
Omnibus imperitans sectis procedure turmis.
Incedunt densae mixto lictore cohortes.
Hinc armata manus dextram laevamque tuetur
Caesarei lateris. Clipeis pia terga tegebat
Ingens excubitus, protectorumque phalanges
Fulgebant rutilo pilis splendentibus auro.
Ipse autem consul sacro diademate fulgens,
Ornatus trabea, gemmisque ostroque nitebat,
Ore umerisque potens. Et sacri luminis instar
Illius aspectus gemmas vincebat et aurum,
Angelicis oculis exaequans sidera caeli.
Contigit ut sacrae Felicia limina portae,
Tramite qua recto mediam via ducit in urbem,
Terruit incessu populous, oculisque refulsit:
Quails ab Oceani liquidis sol aureus undis
Splendentes mittit radios, rutilusque serenum
Fundit ubique diem mundumque inluminat omnem
Lucis honore suae. Viso tunc consule plebes
Plausibus adsurgunt, et voces vocibus addunt.
Sic, bene quaesitas ut pullis porrigat eseas,
Mitis hirundo redit: postquam sua tecta videndum
Garrula per patulas fuerit delata fenestras,
Matris in adventum nido consurgit ab omni
Turba loquax, flagitantque cibos fidaeque parentis
Oribus ora petunt et apertis faucibus adstant;
Illa sed inpendens nidum circumspicit omnem,
Distribuitque pias, ut cunctos nutria, escas.
Sanxerat Augustus Sophiae cognomina templum,
Romanum princeps cum Iustinianus haberet
Imperium, Christoque vovens sua vota dicarat
Mens Augusta, reor, iam non ignara futuri;
Aut magis ignarum recto deus ordine duxit
Ante futurorum, quam sunt, arcana bonorum
Auspiciis sacrare piis. Theodora regebat,

Tempore quo sacram fundavit conditor arcem
Et Sophiae nomen nondum regnantis habere
Arx meruit: sceptri fuerant ea signa future.
Ingens mysterium, magna quod mole latebat,
Perfectum patefecit opus. Via lucida nostris
Nunc facta est oculis. Manifesta luce videmus
Olim promissum caelesti munere regnum
Iustino Sophiaeque piis, patuitque, quod ante
Clausum erat, et nullis velamen visibus obstat.
Rem Sophia dignam certo sapientia fecit.
Instituit pulchrum, solidavit robore templum,
Coepit, perfecit donisque ornavit et auxit.
Iam Salomoniaci sileat description temple.
Cedant cunctorum miracula nota locorum.
Inclita praeclarum duo sunt imitantia caelum,
Consilio fundata dei, venerabile templum
Et Sophianarum splendentia tecta novarum.
Principis haec, haec aula dei. Deus illud utrumque
Glorificavit opus, sed maiestatis honore
Plus templum terroris habet. Namque ibi probatur,
Quam sit ubique deus praesens, simul Omnia conplens.
Internis oculis illic pia cernitur esse
Indivisa manens patris genitique potestas
Spiritus et sanctus. Substantia creditor una,
Tres sunt personae. Subsistite! Nomina fulgent.
Utque pater deus est, genitus deus aequus honore,
Spiritus et sanctus partier deus. Ex tribus una
E caelo veniens mundi persona redemptrix
Humani generis formam de virgine sumpsit.
Sponte sua venit, factorque et conditor orbis
Factus homo est, verusque deus non destitit esse.
Natus, non factus, plenum de lumine lumen,
Una in naturis extans persona duabus,
Consimilis deitate patris, hominique profecto
Consimilis, sine peccato peccata relaxans,
Plurima per populum faciens miracula Christus.
Calcavit mortem moriens, vitamque resurgens
Vita dedit cunctis in se credentibus. Ipse
In caelum ascendens a dextris sedit honoris

Aequaevi patris, iudex venturis in orbem
Et regnum sine fine tenens. Hunc mente fideli
Regnator Iustinus amans, trabeatus ab aula
Egrediens, templum primum sublime petivit
Atque deo grates solita pietate peregit.
Plurima votorum sacravit dona suorum,
Inmensoque pium ditavit munere templum.
Obtulit et ceras, et miti voce petivit
Corde humilis, dextraque dei benedictus abivit,
Plus exaltatus, plus iustificatus id ipsum,
Quod se humilem, stans ante deum, veramque fatetur,
Quam retinet pietate, fidem. Cum diligit ipse,
Diligitur. Quem Christus amat rex magnus, amatur.
Ipse regit reges, ipse et non subditur ulli.
Iustinus princeps hoc protectore quietus
Imperat, hunc ipsum solum spe certus adorat.
Ut pius expletis templorum limina votis
Liquit, in ingentem vectandus consulis arcem
Conscendit gaudens et saeptus lumine sedit.
Ante pedes domini, faciunt qui iussa, clients
Adstabant laeti, vultuque et veste nitebant,
Romani populi patres sine semine facti.
Patricius senior fulgens Calinicus honoro,
Qui pater imperii meruit iam factus haberi
Gratior, Augusti servans pia gaza sacelli.
Namque illi moriens mox Iustinianus honores
Contulerat, fidaeque prius narraverat auri
Consilii secreta sui. «Vocor», inquit «alumne,
Et properat suprema dies, iussuque creantis
A regnis in regna vehor. Deus omne Latinum
Iustino dedit imperium. Tu, fide, memento
Verborum, quae mando tibi. Cum carne relicta
Spiritus ascendens claram penetraverit arcem,
In medio procerum iustini ad limina perge.
Invitato virum, nolit licet ille subire.
Sorte mea tristis renuet. Consentiet istinc.
Ne dubitare velis. Nullus contemnere possit
Terribilis praecepta dei. Cognoscet amantes,
Quos fidos habui. Mihi qui nocuere nocentve,

Ipsum etiam facto simili temptare parabunt,
Ut pereant iustasque suo dent sanquine terras.
Sed pietas Augusta malos castigat alumnus
Consilii bonitate sui. Dum pertdere non vult,
Subiectum sibi quidquid erat, sic punit iniquas
Carne versa animas, ut mortis poena
Non maneant, breviusque luant. Cruciantia corpus
Praeteritura pati satis est. aeterna tremiscant
Supplicia, inflictas timeant in saecula poenas.
Ultio commissum lenit scelus. Illa profecto
Paucorum multis prosunt exempla malorum,
Quorum post mortem nostrae monumenta perhorrent
Et damnant leges. Erit unius utile multis
Exitium, cessantque doli, dum poena timetur.
Legislatores statuit deus ipse per orbem».
Haec animo retinens sincera mente fidelis
Paruit, et domino meruit dilectus haberi.
Nec non ensipotens, membrorum robore constans
Aspect, mentis non a gravitate benignus,
Adstabat Narses sedemque ornabat herilem
Splendida signa gerens. Qualis pretiosus achates
Aut medius fulvo Parius lapis enitet auro
Artificis formante manu: sic luce coruscus,
Sic animo placidus, miti sic gratior ore,
Terga tegens domini claris fulgebat in armis.
Adfuit et sacrae domino gratissimus aulae
Tiberius, curasque omnes inplebat et ……
Inplens officium nutu monituque frequenter
Obsequiis instare suis tranquillus alumnus
…………………………………………….

КОРИПП. ПАНЕГИРИК ЮСТИНУ МЛАДШЕМУ

ПЕРЕВОД

ВСТУПЛЕНИЕ
48 строк

. . . Бог даровал так, что все царства должны быть у тебя под ногами, и покорил (тебе) гордых вождей, и прогнал прочь враждебные силы. Эти люди, известные авары, ужасные с их змеящимися волосами, страшного вида и жестокие в кровавой войне, (5) запросили мира посередине твоего дворца, умоляя с распростертыми волосами, признав твою власть и готовые служить, хотя и невозможно поверить в такое количество этих воинов, атаковавших римские знамена. Кто может исчислить франков (10) или гетов, так часто побеждаемых и побежденных в бою? Или тиранов, плененных и павших? Или свирепые народы лангобардов и гепидов, наносивших взаимные раны друг другу в своей свирепости на широких равнинах, когда удачей нашего императора были уничтожены два племени одно за другим, в то время как его собственные солдаты оставались в безопасности? (15) В то время большое количество твоих врагов пало, наказанными собственным предательством. И теперь, после их борьбы, как победители, так и побежденные, служат во дворце.

Ты лишь волей всемогущего Отца утвержден в высоком дворце и помещен на самый высокий трон. (20) Твоя мать Вигилянция, источник твоих спокойных суждений, всегда в твоих глазах, как и та, которую ты носишь в целом своем сердце - милостивая императрица, Премудрость, разделяющая твое правление. И ты тоже, возводящий свое имя от названия Справедливости, держишь в твердой упряжке царей, которые должны быть подвластны. (25) Все, что имеется в жизни, управляется этими тремя именами.

Внешние народы борются друг с другом, спеша заключить договоры с Римом: из-за его справедливого правителя название Рима любят: каждый хочет жить в счастье под властью его благочестивого правителя. Даже тот, кто может похвастаться, что он друг солнца (30) и следит за высокими рогами убывающей луны, и чтит и принимает предзнаменования от ночного блуждающего блеска звезд, покорился в страхе от тебя, и спешит согнуть свою гордую главу и опустить свою шею в подчинении.

Почему я должен говорить о народах Ливии и сражениях в Сирте (35), уже описанных в моих книгах? Теперь есть под рукой время, чтобы

петь о великих делах. Тот, кто благочестив, протяни правую руку к жаждущему старцу. Ты даешь мне подходящий материал для поэмы, которую я должен сочинить, ты даешь мне силу и энергию. Тебе предначертано победить непокоренные народы и повергнуть ниц варварские королевства, (40) властвуй, молю тебя, яростью гнева моей судьбы. Чтобы завоевать судьбу больше, чем завоевать в войне. Лишенный своих владений, и перенеся многие раны, я пришел к врачу, припадая к его благочестивой груди со своими мольбами, к врачу, который изгоняет болезнь одним словом (45), и кто стремится (уврачевать) раны без лекарств. По его словам, если подданные имеют лишь относительную лояльность, то я воздаю постоянную благодарность за его «лечение», и в качестве оплаты приношу мои стихи.

Панегирик в честь Анастасия, квестора и магистра
51 строка

Когда я смотрю на великое древо твоих похвал, только один я изо всех сил стараюсь прикоснуться к высоким ветвям и выбрать крупные плоды с самых верхних пучков. Но я мал, а они слишком велики для меня; я не могу сделать то, что находится за пределами моих возможностей. Я смотрю на них издалека (5), и удивляюсь, как я их вижу, и протягиваю руки своим способностям и энтузиазму.

Плодородное дерево стоит в середине священной рощи, очень красивое на вид, раскинув свои плотные ветви по всему пространству земли, под тяжестью плодов всех видов даже вне сезона, (10) и смешивая новые почки со спелыми фруктами. Его вершина касается звезд в вышних, а изпод его корней бьют ключи, и напитавшись святыми водами, оно распространяет листву и свою вершину до облаков. Если это правильно сравнить малому среди великих, (15) я в виде дерева и родника предложил правильные образы. Но если бы я был должен думать, чтобы поступить иначе, почетный квестор, я просил бы о помиловании на основании моей простоты, не повинной злу.

Ты - плодородное дерево, пьющее из императорского родника. Господь наш и общий благодетель является прекрасным родником при дворе, который обогащает всех, (20), кто раскидывает свои ветви над широкой землей, и пусть люди отдохнут в тени. Дай мне испить из этого источника. Ты сравниваешь меня с пищей, сладкой родниковой водой. Могу ли я с удовольствием питаться из этих источников и насытиться,

могу ли я быть защищенным твоей тенью, (25) величайший из магистров, славой наших вождей, руководством мира, наблюдая за правом и справедливостью под эгидой императора, вождя справедливости, отца нуждающимся, стремясь смягчить все болезни благочестивыми суждениями, которыми ты отвергаешь взятки, повернуться спиной к жадности, а также отвергать желтое золото, (идущее) к квестору Анастасию, которого император видел преданным по дарам Христовым, и удостоил двойной должности.

Счастлив весь мир с Юстином императором, счастлив этот век, в котором правила мудрости, счастливые люди с тобой, как судьи, люди, которых ты сам сделал радующимися (35) под властью благочестивых правителей. Хотя ты беспокоишься о мире в целом, несчастные африканцы особенно поднимают свои глаза и лица к тебе. Африка благодарит и уже чувствует твою помощь, и радуется, потому что граждане постоянно говорят о щедрых удобствах, которые они получили от Анастасия. (40) Сделай так, чтобы мне радоваться раньше, лучший из квесторов. Этот святой указ показывает, что мой труд дал мне, что благословил дальновидной бдительностью, заняв меня бессонными ночами, даже когда моя муза устала. Читай, почетный магистр, и внемли моей мольбе. Указ даст оценку (45) тебе и твоей службе. Из твоих струящихся источников, которые текут из-под земли, под твоим именем, я выполняю свой долг для императора. Жаль, что я устал от старости, и исцеляю свои раны твоим привычным благочестием, так что я могу поблагодарить тебя за счастье и провозгласить святые триумфы (50) непобедимому императору в счастливой песни.

ПЕСНЬ I. Воцарение Юстина

366 строк

Под высочайшей эгидой я воспеваю кульминацию имперского правления, не выиграв ни переворотов, ни войн, ни реализовав амбиции. Хотя никто не мог перечесть по порядку весь список его благочестивых поступков, тем не менее, я думаю, что было бы полезно для подданных (5) склонить свои преданные умы своим правителям, будучи на любой должности, которая им предоставлялась. Я предлагаю свой язык: вы, богини, дайте мне слова, и ты, Вигилянция, мать и Мудрость, царица всех, ты, кто защищает мир. Тебя достаточно мне вместо всех Муз в сочинении моей песни, (10) ты рассказываешь мне все скрытые тайны. И ты,

Матерь Божия, протяни свою божественную руку ко мне и помоги мне, молю тебя. Передо мной встает потребность в большом труде, и когда я поднимаю свои руки, они слишком слабы для такой ноши. Квестор Анастасий убеждает меня в любви к нашим правителям, (15) и побуждает меня попробовать начать поэму - Анастасий, важный в святом сенате, распорядитель морали, жрец справедливости и закона; и Фома, опора поколебленной земли Ливии, кто поднял ее, когда она пала, дал надежду на жизнь для африканцев, заключил мир, положил конец войне, не сражаясь (20), и победил советом тех, кого никто не побеждал оружием; также и благородный Магн, великий по заслугам, а также именем, возлюбленный наших правителей за его разум, ответственный за священные щедроты, тщательный аудитор правителей латинского мира; с одной стороны преемник и обновленная слава доброго Петра, (25) Феодор, магистр с достоинством отца, с другой - Деметрий, который хранит тайны святого двора ...

… сон превозмог его влажные глаза. Не без воли высшей божественности этот покой настал, я верю, что сон пришел, чтобы показать герою признаки его наступающих благословений (30) и научить его тайной правде. Глубочайший покой еще не расслабился и не расправил свои конечности, когда Дева, скользнув вниз по верхней стороне неба, с милостивым выражением и счастливая в своем целомудренном поступке, с темными волосами, покрытыми вуалью, и с добрыми глазами (35) (судя по этим признакам, образ святого Благочестия) встала перед его[57] божественными ногами и возложила на него корону своей правой рукой, охватив его голову священной диадемой, и мягко одела его в царский одеяния. «Эти покровы даны тебе, величайший из правителей», - сказала она (40), - «император, которого все боятся, и которого любят все, возлюбленный великим Богом, божественного рода. Видишь, я пришла, чтобы счастливо быть первой в твоем процветании, и я здесь, благословенный посланник того, что должно быть. Эта милостивая ночь унесла твоего отца. Храбрец, восстань! (45) День ждет тебя, Юстин. Ты следующий наследник. Всемогущий Отец удостоил тебя божественным чином, твой дядя назначил тебя владыкой священного двора. Почему твои слезы льются? Почему ты плачешь от радости? Отбрось свою печаль: твой отец живет, он живет на небесах (50) и наслаждается лучшим днем. Взвали на себя бремя и возьми на себя труд правления. У тебя есть добродетель и сила, твой возраст превосходен; у тебя есть здравый смысл,

---

[57] Императора.

твердый ум, святая готовность и бдительность, наблюдающая за всеми (55), и твоя собственная мудрость, достойная неба, хранительница всей земли. Не думай, что это пустой разговор, и не вообрази, что это ложные мечты; поспеши! Я говорю о том, что очевидно. Весь мир будет служить тебе, удивляясь смелым достоинствам твоей добродетели. Всякий, кто пожалеет о твоем царствовании, падет от своих собственных действий, (60), и благочестивый меч закона падет на неправедных. Варварские войны усилят триумфы Рима, и сильнейшие царства падут под твои ноги. Вот знатнейшие вступают на порог твоих ворот, моля Юстина и Софию наследовать их отцу». (65)

Когда Дева сказала эти слова, спокойный сон оставил его глаза и улетел, смешиваясь с чистым воздухом. И теперь большая толпа людей прибыла в спешке и билась о двери, которые были закрыты цепями. Привратник, чья задача - наблюдать за замками (70), сердито обратился к ним. «Кто это такой смелый, чтобы осмелиться нарушить мирный сон царской четы, в то время, когда самая глубокая ночь приносит сладкий покой, и когда сон так приятен в каждой конечности?» «Если преданная забота о твоих господах движет тобой, (75) то (они) быстро встанут», - сказал Каллиник. Его голос был скоро узнан. Он (привратник) объявил царской чете, что Каллиник у их дверей. Он с радостью открыл (двери) на это имя. Это был первый признак процветания и удачи, вернувший время счастья в утомленный мир (80), так как первый, кто пришел к их двери, был честной Победой, призванной привести правителей мира в императорский дворец. Счастливая судьба дала тебе это имя, почтенный Каллиник, в обмен на твои заслуги, и сделала распорядителем великого плана, хотя и сам Бог принес все это (85), тебе тоже (так как ты так жил в верности и будешь продолжать жить так), вместе с твоими правителями приобретешь бессмертную известность, славу и репутацию как вознаграждение за твои труды. Не было никаких отсрочек приказу (этого) человека: вскоре привратник отпер засов и отворил верхнюю дверь на скрипучей петле, чтобы (повести) на царство своего господина. Теперь это видение убедило и самого человека, и вырвало сладкий сон из его груди, и его богоугодное сердце наполнилось серьезной заботой. Когда широкие двери отворились, сенат вошел в просторный зал (95) и поспешил под фронтон позолоченной крыши, под водительством министра.

Внутри верхней части здания есть зал, сияющий своим светом, словно под открытым небом, блестящий ярким блеском из стекловидного металла. Если можно так сказать, тут не нужно было желтое солнце (100), или же это помещение должно было быть названо комнатой солн-

ца, самым красивым местом, и тем более замечательным своим видом. Одна (его) сторона смотрит на широкое море, другая - на гавань; гавань образована объятиями двух насыпей (молов), со стенами сверху; они бросают вызов быстрым ветрам (105) и делают открытое море тихим (внутри?) при помощи якорных креплений. Они ломают волны моря своим мраморным барьером и прогоняют прочь воды, когда они текут назад через узкое горло. Царская чета любила это место; с него они наблюдали за волнами в проливе и изогнутыми кораблями (110), несущими (на себе) всю торговлю двух миров. Здесь избранный император поднялся с мягких покрывал и расположился в отдаленном уголке, рассказывая своей любимой жене то, что было открыто ему.

Пока он говорил и делил свое беспокойство со своей благочестивой женой (115), сенаторы взошли на порог с мрачными лицами. Их внешность показала состояние дел с предельной ясностью. Юстин и София быстро поднялись и оставили свой разговор и свои места, они вышли на середину комнаты. «Что случилось, друзья мои?» - спросил Юстин. «Почему вы печальны? Скончался ли славный отец мира (120), или он жив?» Затем дворец наполнился громким плачем. Каллиник остановил всхлипы, приложив палец к губам и поддержав его за правую руку. Так и река разрывает свои берега в наводнении и вырывается на широкие поля, но если земледелец осмотрителен (125) и строит запруды для сбора широко разлившейся воды, то река вернется в свои берега, устремленный вперед поток вод сдерживается, все ее течение уменьшается, и потоки стихают, окруженные жаждущим песком.

«Пока сохранялась жизнь твоего отца, (130) люди знали, что Римская империя оставалась в силе твоими советами и твоими усилиями, и мы согласны с народом. Кто не сказал бы, о, Юстин, отпрыск императоров, что ты достоин нашего государя, чтобы ты стал господином божественного двора, когда ты правил святым дворцом своего великого отца (135), равного ему в ответственности, и отличаясь (от него) лишь тем, что у тебя не было диадемы, с титулом *cura palati* (куропалата, «опекуна дворца») в соответствии с твоими настоящими обязанностями? Ибо на практике ты был Цезарем. Даже когда твой старец все еще был сильным и держал власть, ты правил самыми важными частями своего государства и держал их под контролем своего трезвого суждения. Он не добился бы ничего (140) без твоей помощи, он или в возвышенности своих советов вел смелые войны, или в качестве победителя заключал договоры с побежденными. И теперь тот же отец, в счастье и полноте дней, ищет царство небесное через благословенную смерть, назначив тебя своим

преемником. Прими его (трон) в радости: (145) твой дядя передал свой мир под твою власть. Этот святейший считал тебя не родственником, а сыном. Закон призывает тебя, двор поддерживает тебя; ты - слава, свет и доблесть Римской империи. В тебе вся наша безопасность, вся наша надежда. (150) Мы молим тебя уступить своей судьбе, наследуя твоему отцу. Положи конец своей задержке, возьми дар Бога, используй силу своего отца и прими имя Августа, которого тебе не хватало».

С этими словами верный Каллиник молился и поощрял божественные уши, взывая к властителям мира, ибо они колебались; (155), и великая толпа сенаторов поклонилась перед правителями, показывая свое согласие, и коленопреклоненно в просительной позе покрыла божественные ноги поцелуями и молча подтвердила то, что их друг высказал вслух. Но сам Юстин, пораженный судьбой своего благословенного отца, (160), продолжал отказываться от престола в слезах, заливая щеки столь большим потоком, что и его лицо, и одежда промокли. Столь велика была его любовь к старейшему. «Прекратите», - сказал он. «Вы просите что-то тяжелое и напрасно уговариваете меня, друзья мои. Итак, должен ли я украсить эту голову, возложив на нее корону (165), когда Юстин должен быть в печали? Мир хочет плакать. Государство и мир потеряли отца, а не правителя. Какого человека он не поддерживал своим добрым благочестием, воспитывал, наставлял, питал или любил? Тем не менее, хотя и невинно, многие хотели причинить ему вред: (170) должность правителя не лишена зависти. Я с грустью поеду на похороны отца: я отказываюсь от знаков отличия монархии».

Когда он сказал это, вся толпа легла у его ног, и в этом положении просила его совместно: «Ты, благочестивый, пожалей своих просителей, святых: помоги нам в нашей опасности. (175) Когда настанет рассвет, ты вскоре увидишь, что все потеряно, если люди услышат, что дворец пуст, и нет императора. Как бы ты ни был тронут своей любовью к своему добродетельному отцу, пусть твоя любовь к твоей стране не станет для тебя второй. Твой дядя, когда он умирал, приказал тебе держать власть. (180) Посмотри на дальновидную заботу старца как о нашем городе, так и о мире. Бог сделал от твоего имени все, что он хотел. Вступи на трон своего отца и властвуй миром в подчинении себе, могущественный император. Когда ты окажешься на троне, будет золотой век, (185), и римский двор, очевидно, не сменит своего правителя».

Поддавшись этим словам, он, наконец, уступил. Он отправился во дворец в сопровождении преданных сенаторов. Его любимая жена последовала за ним, но в этот раз не в сопровождении обычной толпы. Они

прошли через безопасный город в середине ночи, их лица не были счастливы, даже несмотря на то, что они шли на трон к радости сената, и хотя они видели, что все безопасно. В их божественных сердцах царила скорбь по их отцу, перед их благочестивыми глазами возникали его легкие формы: это возбуждало их мысли и глубоко сидело в их обоих сердцах; оставаясь неразделенным, горе наполняло их божественные души божественностью.

Когда он (Юстин) коснулся порога императорского дворца своей божественной ногой, все крыши зазвонили вместе с петухами. Птицы первыми увидели, что ночь закончилась, и исполнился счастливый день, и подняли тревогу под непрекращающиеся аплодисменты, и показали свое расположение пронзительными голосами. Сначала отряды, которые охраняли внутренний дворец, пожелали счастливого царствования правителям, когда они входили, и укрепили все входы вооруженными солдатами, чтобы ни один враг не посмел поставить вражескую ногу в императорский дворец. Такова была преданность и предосторожность людей и предусмотрительность добрых сенаторов: ибо кто осмелится встать на пути, когда Бог уже сказал в святом изречении, что власть должна быть отдана Юстину и Софии, и окружил весь дворец мощной стеной и небесными силами?

Бдительный Тиберий вооружил дворец, позаботясь обо всем, Тиберий, чьей самой большой заботой всегда было благо его господина: ибо великий общий благодетель мира взрастил его, отнял из груди матери и выделил мальчика с первых лет жизни, и воспитал его, как отец делает в отношении сына, воспитывал его и любил, и постепенно ввел его в высшее достоинство, когда он стал мужчиной. И поэтому молодой человек всеми силами прилагал усилия к правителям мира и не стеснялся предлагать свое сердце и свою жизнь опасности; он наблюдал, доказывал свою преданность и заслужил самую большую любовь от императора. Теперь он, продвигая своими мудрыми советами благоприятному началу царствования, начал призывать верных слуг поспешить и приказал им все подготовить.

Тем временем, тело лежало высоко на позолоченном одре, окруженном плачущей толпой слуг, и благочестивое горе делало их лица заплаканными от слез. Как дерево в середине луга, приветливое прибежище птиц, когда его одолевают возраст, и оно падает, оно все еще хранит свою старую листву с его плотными листьями, и, когда оно уже лежит там, на земле, оно расстилает опущенные ветви широко над землей; но вокруг всё болтают летающие и сидящие на шестах птицы, печа-

лящиеся и скорбящие о том, что они потеряли свое прежнее место, и решают, что они должны найти другое дерево для своих новых гнезд: (235) таким был Юстиниан, храня последние следы своей жизни, не изменив свой цвет в смерти, но сияя своей привычной яркостью. Изумившая всех смерть этого человека показала ясные признаки того, что он покорил весь мир. Он один среди всеобщего плача, казалось, (240) радовался, судя по его благочестивому лицу, был увенчан диадемой и лежал в пурпурном одеянии, и можно было подумать, что его тело отдыхало во сне, а не в суровости смерти. Но он не был бы столь заслуженно счастлив и благосклонен в образе смерти, если бы его разум, сознавая, что он поступает правильно, (245) не оставил бы его тела свободным от забот, поскольку он поспешил на небеса и обеспечил безопасность империи, утвердив наследника.

Когда благородный Юстин приехал сюда со своей божественной женой, распростерши свои дорогие руки вокруг мертвого тела, он изрек, рыдая: «Отче Юстиниан, свет города и мира, (250) зачем ты покидаешь свой любимый дворец? Ты отказываешься от своих родственников, твоих слуг и столь многих вещей? Ты ничего не думаешь о своих землях? Разве ты не задумывался над усталым миром? Видишь, авары и суровые франки, гепиды и готы и многие другие племена поднимают свои знамена (255) и готовятся к войне. С какой силой мы покорим таких великих врагов, когда ты будешь мертв, сила Рима?» Вот что сказал он, весь в слезах от любви к отцу. Ибо мысль о войне господствовала над его разумом. Уже были установлены знамена и полководцы, флоты, боевые позиции силы, вооружение (260) определены в соответствии с новой политикой, и в молчании хранили готовность. От Юстина трепещут народы и дрожат царства; его жесткая решимость пугает всех. Здесь его природа показывает его благочестие и состояние плоти, которого никто не может избежать (265), что является одинаковым для всех людей, увеличивая справедливое горе в его божественном разуме. Здесь человеческое благочестие нужно хвалить и всегда превозносить. Скажите, какой человек мог плакать о смерти старика с такими горькими слезами, когда он был его преемником и наследником своего царства? Он правит, и он скорбит: он предпочел бы продлить царство своего отца (270), чем иметь трон и скипетр империи.

Не менее его славная супруга рыдала о возлюбленном отце империи и с горечью печалилась о человеческой судьбе. Она дала больше даров, чем обычно, на похороны своего отца, и сказала людям, чтобы они проезжали мимо в закрытых повозках. (275) И она принесла паллу, пере-

плетенную с драгоценным пурпуром, где целая серия побед Юстиниана была набрана из тканого золота и сверкала драгоценными камнями. С одной стороны, художник умело изобразил своими острыми иглами варварские фаланги, склоняющие шею, убитых царей и подчиненные народы по порядку. (280) И он сделал желтое золотым, выделяющимся изо всех цветов, так что все, глядя на него, думали, что это настоящие тела. Лица были из золота, кровь из пурпура. И самого Юстиниана он изобразил в качестве победителя посреди своего двора, (285), попирающего смелую шею короля вандалов, и Ливию, аплодирующую, приносящую плоды и лавры: он добавил, что старый Рим протягивает ей руки и показывает ее обнаженную грудь и обнаженное лоно, древних родителей империи и свободы. (290) Энергичная София приказала сделать так, чтобы в момент смерти (погребения?) можно было внести в императорскую гробницу королевскую погребальную процессию, украшенную собственными триумфами (Юстиниана).

Пока слуги готовились повиноваться ее набожным приказам и приготовили одр, раздался громкий шум голосов, разразилась радость и восклицания (295), и шум поднялся из глубин земли в высоты неба, и весь народ повсюду был соединен в милостивое согласие.

Молва (Fama), счастливо летала, бия крыльями, через имперский город, и внезапно приходила, браня сон, когда она взвешивала людей, стучала в двери и обивала пороги (300), и говорила бесчисленными языками, счастливым вестником. Сон бежал, когда она приходила, тащась за ней, исчезло оцепенение, и покинуло весь город. Она стояла над людьми в своем рвении и постоянно подталкивала их, толкала их и плакала: «Вставай, вставай» (305), и, ругая их за их задержку, сообщала им, что дворец был заполнен встречей важных людей, которые, когда ночь закончится, подготовили имя человека, выбранного для места престарелого, ушедшего от них. Она убеждала, толкала, подталкивала, сбивала их плечи, наступала на них и стояла над ними. Они поспешили и покинули свои дома, и радостно побежали по всем улицам (310), и появились первые ропоты, еще не ясные из-за их неуверенности, и гражданин спрашивал гражданина, когда он встречал его, и слухи прокрались сквозь все их ряды.

В старые времена наши отцы организовывали зрелище в новом цирке в честь встречи солнца. (315) По какому-то способу рассуждения они думали, что есть четыре лошади солнца, означающие четыре сезона непрерывного года, и по их образу и подобию одинаковое число всадников, что одинаково по значению, числу и внешнему виду, и одинаковому

числу цветов, и учредили две фракции с противоположной направленностью, (320), поскольку зима холода соперничает с огнем лета. Зеленый – это весна, как луг, того же цвета, что и трава, оливковая роща с листвой, и все леса зеленеют с пышными листьями; красный - лето, светящееся в розовом одеянии, как некоторые фрукты краснеют с сиянием цвета; (325) голубой - синева осени, богатая темно-фиолетовым цветом, показывает, что виноград и оливки созрели; белый, равный снегу и морозу зимы по яркости, соединяет всё вместе и сочетается с синим. Сам великий цирк, как круг полного года (330), замкнут в гладкий эллипс длинными изгибами, охватывающими два поворотных столба на равном расстоянии, и пространство в середине арены, где направление лежит открытым …

… (Почему) я должен рассказывать, как (Эномай) был первым, кто пригвоздил колесницы и снарядил новые транспортные средства, и как Пелопс использовал их в следующий раз (335), чтобы добиться смерти своего тестя? Известно, что зять был превосходным по умению, более вдохновленным любовью, которую он имел к своей невесте.

Эта практика, древнейших из древних, по ошибке почиталась, неверно представляя, что солнце было богом. Но когда создатель солнца решил позволить себе увидеть (мир) под солнцем (340), и когда Бог принял форму человеческого рода от девственницы, тогда игры (в честь) солнца были отменены, а почести и игры были предложены римским императорам, как и приятные развлечения цирка в Новом Риме.

Все люди (приходили) сюда, мальчики, молодые люди и старики… (345) толпы аплодировали… У всех был один голос, один ум: одно имя нравилось всем людям. Подобно тому, как феникс обновляет свои сожженные конечности, снова оживает от своего костра, и вся толпа птиц вместе (350) стоит, наблюдая за солнцем и птицей солнца, чтобы появиться, и приветствует нового царя с криком: так же и слава империи, поэтому святое письмо я поднимаю снова со своего конца, и Юстиниан, великий император, откладывающий старость, снова живет в Юстине, императоре с честным именем: (355) поэтому люди в своей любви к своему императору со всех сторон сходятся и, подобно счастливым птицам, кричат: «Можешь победить, Юстин!» И возникает большой шум, и траур покидает императорский двор, когда приходит новое счастье. Крик пробуждает всех. (360) Все аплодируют Юстину, все возрадуются с ним. Приходят все важные люди, вызванные шумом: свет наполняет священный дворец. Вы даже подумали бы, что сам покойник возрадовался, изменившись смертью в ангельскую форму. (365) Бог дал ясный знак, и

Сам подтвердил, что Он возложил славную корону империи на голову Юстина.

ПЕСНЬ II. Инаугурация и коронация Юстина, и его появление на ипподроме: второй день

430 строк

Розовоперстая Заря явила свои пурпурные начала, священные правлению Бога, и рассказала царской чете, что пора взять царство, предоставленное ей даром небес. Но сам Юстин, вдохновленный великими молитвами вождей, не принял царские знаки власти (5), прежде чем сначала стал просить святых святынь и освятил свои обеты Христу с излиянием молитвы. Он сразу же направился к дверям храма Архангела и поместил благочестивые фимиамы в пламя, и предложил мерцающие свечи, и его разразившиеся слезы начали его мольбу. (10)

«Всемогущий Государь, почитаемый Отец высшего Слова. Свет вечный, Бог, создатель и творец всего, чья мудрость сделала звездное небо, установила землю, одела поля в цветы, дала деревьям почки, долинам - их травы, (15) и создал и сотворил жидкие огненные небеса, отделив день от ночи, и прославил солнце с краями из сверкающих лучей, и приказал рогам луны постепенно уменьшаться и постепенно расти, формируя различные существа в разных формах (20), выводя других животных с конечностями, ползущими по земле, но только человека – прямостоящего, которого затем он снабдил рассудком, дающий жизнь сухой грязи божественным дыханием, из чьих ребер Он удалил одно и сотворил существо, подобное первому, и назвал его своим спутником (25), и этому приказу божественного слова были подчинены все твари, которые живут ниже ясного неба. Какую благодарность я воздам тебе за столь великий дар, я маленький человек, сотворенный образ своего великого Творца? Смотри, я небольшая часть твоего творения, становлюсь здесь подданным тебе, (30) высочайшему, перед твоими глазами. Тебе одному я служу, и тебе одному я склоняю голову, тебе, кому кланяется каждое колено, у которого все трепещет, и у кого потрясаются основы. Все, что видят люди, и все, что им не позволено видеть, ясно перед твоими глазами; они поклоняются и служат вам (35), и восхваляют работу своего создателя. Если ты прикажешь мне держать скипетр в Риме и воссесть на троне моего отца, если твоя воля поручит мне так много народов, дай мне возможность исполнить твою волю. Ты побеждаешь врагов, лома-

ешь шею и бушующие сердца гордых, (40) ты превращаешь царей в рабов. Я готов; дай мне возможность исполнить твои желания».

Благочестивые слова человека, когда он молился, были приятны Отцу, и Сын кивнул, соглашаясь с этой молитвой, и Святой Дух сказал: «Царствуй!» Тайный голос Бога становится известен тем, что происходит (на деле): (45) этого не могло случиться, если бы святой глас Бога не приказал это.

И целомудренная супруга в своей могущественной власти тоже взошла в возвышенный храм Богородицы. Она благословила сей святой порог и вступила (на него) с радостью, и стояла, одетая в белое перед благочестивым ликом, протягивая руки (так) (50), и с ее лица снизошла эта мольба:

«Пресвятая Дева, мать Создателя мира, царица небесных высот, одновременно и единственная подлинная мать, и присно дева, которую Бог избрал в свои матери без семени отца, и которая уверовала и задумала Слово (55), и забеременела, и родила нашего Искупителя. О чудесное благочестие Бога, ужасное на словах. Наш Господь Бог, создатель небес, единосущный Богу Отцу, принял на Себя одежду настоящей плоти и воспринял облик человека от девы. (60) Какую честь мы должны воздать тебе и твоему Сыну, благословенному, достойному таких великих даров? Тебя, слава матерей, я умоляю и прошу твоей помощи: могу ли я всегда поклоняться тебе и исповедовать тебя как Богоматерь и хранительницу нового правления Юстина. Почтеннейший, храни свою главу, (65) сделай безопасной нашу империю, управляй нашими жизнями, заверши начатое. Дай благ, чтобы все могли хорошо развиваться под твоим правлением. Смири дикие народы; сделай, чтобы узурпаторы погибли от праведного лезвия. Сделай, чтобы я всегда жил под твоей защитой».

После многих более милосердных молитв (70) и, поставив свечи, она вернулась на высокий двор. На ее святой стороне появилась ее прекрасная дочь, которая могла превзойти полнолуние своим светом, равным ее матери по высоте, сияющая своей внешностью, такая же красивая, с белоснежными щеками. (75) Ее глаза пылали огнем, как и у ее матери: их имена и возраст были разными, но благодать ее благородного вида не была иной: словно побег, который растет от корня материнского дерева и поднимает голову вверх с высокими ветвями, (60), и мать радуется, обнаружив, что ее собственная дочь – равна ей, расцветающая с побегами, и поднимает свои счастливые ветви к радостным бризам, и взирает на луга со своей вершины.

И вот счастливый государь вошел в царский дом, и радостные толпы заполнили просторные залы. (85) Преданные слуги, согласно задаче каждого, спешат применить свои руки к своим обязанностям, вынести и пронести имперские одежды и пояса, украшенные драгоценными камнями, и диадему для священной головы.

Император сам снимает свои прежние одежды и стоит, одетый только в одну одеяние (90), и свет исходит от его царских членов. Подобно тому, как плотное облако начинает рассеиваться, и чистый воздух показывает ясное небо, солнце посылает пылающие лучи, и все элементы радуются вместе с видом дня: вскоре трава поднимает (95) свои нежные головки, посевы становятся зелеными, и сам свет радуется при виде земли. «Это тот день», - говорили счастливые подданные, «которые добрый отец предсказал в святом изречении». Он вышел и одел свои благочестивые члены в тунику, (100) покрыл себя позолоченным плащом, в котором он сиял, весь белый, и издавал свет и рассеивал темные тени, хотя свет с небес еще полностью не появился.

Его голени [издают звук] от сияющих пурпуром сандалий, ведь он надел на свои царские ноги красные ремни (105), которые придали парфянской коже кампанскую краску, (106) лучше, чем кроваво-красные розы, знаменитые своим цветом (109), и отборные, самые мягкие на ощупь, для царских ног (110), которыми победоносный римский император топчет (107) покоренных царей и приручает варварские шеи. (108) Только императоры, под чьими ногами - кровь царей, могут принять этот наряд. (111) Действительно, каждая тайна раскрывается некоторыми конкретными рассуждениями. Сияющий пояс, сверкающий благородными драгоценными камнями и золотом, окружил царские чресла. (115) И священный плащ висел до колен, плотно прилегающий, белый, с драгоценной каймой. Хламида, которая была украшена рыжеватым золотом и превзошла солнце, когда император вытянул правую руку, покрыла императорские плечи светящимся пурпурным цветом. (120) Золотая фибула скрепляла сочленения своей изогнутой иглой, а с кончиков цепей свисали драгоценности, которые принесла удачная победа в Готской войне, и которая вернула Равенну, верную нашим правителям, что Велизарий вывел из-под (власти) вандальского двора. (125) Свидетельства твоих триумфов, о благочестивый Юстиниан, сохранятся (до тех пор), пока Юстин будет невредим и будет править миром. Имена их обоих будут воспевать все возрасты. Будущие народы расскажут о твоих чудесах. Гривна из освященного золота, возложенная руками Армата (130) на его шею, провозгласила его высочайшее правление. Он проделал это три раза, трижды

протягивая свою правую руку с приношением и возглашая: «Я возлагаю на тебя, Юстин, чин императора». «А я назначаю тебя трибуном», - сказал государь. Счастливый Армат, который первым услышал его слова, когда он говорил (135), первым получил торжественные дары.

Четверо избранных юношей подняли высокий круглый щит и, вознесенный руками своих слуг, Юстин встал на вершине, прям как его собственный символ, который никогда не покачнется в силу его твердого значения, (140), святого для трех имен, которые с равными полномочиями правили своим царством. У них есть одна общая для всех семья, непрерывное правление, бесконечное время, единая сила. Это было достигнуто благодаря их собственному успеху. Теперь царства двух живут на небесах; теперь же (145) является великий общий благодетель мира, для которого цари готовят свои шеи в подчинении, трепещут от его имени и поклоняются его силе. Могучий государь стоял на этом щите, похожим на солнце. Из города светил другой свет. Один и тот же благосклонный день поразился равному восхождению двух солнц. (150) Возможно, мои стихи превысили свою меру? Вы, возможно, удивляетесь, что я сказал, что два солнца встают равно вместе. Если вы взвешиваете мои слова, вы не найдете, что это сделано моими губами в пустых словах или тщетных изображениях. (155) Ум праведника сияет больше, чем солнце. Он не тонет в волнах, не уступает темноте и не скрывается в темной тени. Свет добрых дел сияет вечным великолепием.

Когда он увидел, что все было сделано по обычаю наших предков, величайший из епископов Иоанн в полноте своего возраста (160) благословил его, когда он стоял и молился Господу небесному, он просил Его освятить главу императора святой диадемой и радостно возложил корону на его голову… Внезапный крик раздался от сенаторов, а затем стали нарастать крики подданных; (165) от возгласов раздавалось эхо. Они превозносили имена своих правителей бесчисленными похвалами. Они желали Юстину долгих лет жизни бесчисленное количество раз, и весь народ кричал в ответ столь же великие похвалы для императрицы Софии. Тысячи голосов возглашали тысячи похвал (170). Они кричали, что Юстин и София - это два света мира. «Царствуйте в согласии на все века», - возглашали они. Они молились за счастливые годы для своих счастливых правителей. Этот шум звучал долго и, наконец, успокоился.

После того, как его увенчанный Юстин занял престол предков (175) и совершил священный знак Креста, он сел, и, подняв руку, в присутствии всего сената начал такую благочестивую речь: «Бог, который правит всеми царствами, дал нам наше родовое царство, и диадему

нашего отца (180), и Создатель всего наложил на нас заботу о правлении, которое Он сам сотворил. Мы хвалим труд Создателя и смотрим на страшного царя. Мы благодарим его и признаем нашу благодарность. Что бы мы ни были, с одобрения его воли, и утверждения… (185) Одно животное состоит из многих членов, но это голова, которая управляет членами. Поэтому Бог Создатель сотворил человека… (так), … что голова должна править всеми членами. И чтобы они управлялись, голове была дана мудрость (190), которая пребывает в верхней части тела, и следит за членами спокойными глазами, чтобы все члены, которые она видит в теле ниже пораженных болезнями, так как она внимательно следит за бодрствующим светом, она могла бы вылечить их и отвратить враждебную болезнь лекарствами. Хорошо представлять Римскую империю, как одно тело (195), составленное, как можно сказать, из множества членов. Поэтому мы являемся главой этого объединенного органа; для этой святой головы Мудрость сделана супругой, чтобы править вместе со мной в честь мира, вверенного мне, сидящего на том же месте. Вы – отцы, призванные быть ближайшими ко мне членами (200), величайшая надежда нашего царствования, вы - грудь и руки этой головы, чьи советы и труд используются для подчинения народов и завоевания царств. Самая высокая ответственность за все возлагается на меня. (205)

Но поскольку наша задача - управлять подвластным миром, мы также вверяем вам заботу о земле. Мы обращаемся к лояльным гражданам и даем вам это предостережение: прежде всего Богу нужно поклоняться всеми своими силами, всегда обожать, всегда бояться и любить (210) - Бога, который создал все чудеса прекрасного мира. Мы стремимся подражать нашему создателю, дающему все, насколько позволяет наша природа. И, как Бог предписал, я – голова, управляющая своими собственными членами. Поддерживаю справедливость в равенстве для всех людей, (215) и пределы закона. Управляйте низшими порядками, как подобает истинным отцам империи, чтобы управлять (?), и воспитывать их, как ваши собственные ноги и нижние члены. Забота, которая должна быть уделена нижним членам, не меньше: мы видим, что по закону природы руки предлагают помощь стопам (220), и мы наблюдаем, что глаза являются слугами ног, поскольку ими мы видим то, что ниже. Сделайте прямые пути под ногами. Не расценивайте с презрением ту часть, которая подходит для великого служения и высших усилий, которое несет все тело вместе с возвышенной головой. (225) Тот, кто ходит прямо на ногах, не боится зла и не боится обиды: прямой путь не знает разрушения. Да, даже волосы должны иметь ежедневное внимание. Пусть никто

не считает недостойным то, что, как он знает, является частью тела. Пусть суровость и дисциплина сенаторов распространяются по всему миру. (230) Пусть убийство прекратится. Пусть люди прекратят свои разногласия, пусть не будет никаких шансов нанести вред, и пусть использование несправедливой жадности подходит к концу. Освободите наших подданных, сломите шею гордым. Пусть виновность сама наказывает виновных, пусть законы поддерживаются мирными. (235) К этому, друзья мои, одолжите свои уши и все ваши умы, и познайте надежду, которая покоится в вас от моих слов. Земледельцы имеют стремление к земле и просят урожай за свой ежедневный уход, и разбивают землю своим плугом, и приятный труд делится между хорошими виноградарями. (240) Некоторые разбивают землю, некоторые сеют семена в бороздах, некоторые отводят текущие воды и орошают зеленые сады, и сажают фруктовые сады с отведенными потоками. Земля после возделывания знает, как обогатить своих земледельцев. Точно так же государство обогащает дарами тех, кто хорошо служил ему (245), как богатая земля. И его большая надежда, сенат здесь, цветы с добродетелью, верностью, достоинством и строгостью. Тот, кто дает ему служение, получит великую награду. Пусть никто не овладеет тем, что принадлежит казне. Знайте, что казна есть положение желудка, который кормит все члены. (250) Желудок питает тело. Если желудок оказывается пустым, то все терпит неудачу, члены лишены силы, а кости сжимаются и становятся жесткими, так как мозг их сушит. Пусть пользы святой сокровищницы хватит для всех; от нее происходит польза всем и облегчение для всех. (255) Пусть казна будет защищена без какого-либо несправедливого страдания: пусть она берет то, что является ее собственным, и оставляет в покое то, что принадлежит частным лицам. Мы чтим справедливость, почитаем справедливых и любим их. За справедливость мы благодарны вам и заявляем, что вы ее сохраняете. Многие вещи были слишком пренебрегаемы, пока мой отец был жив (260), и в результате измученная сокровищница сократила столько долгов, что мы предлагаем, движимые благочестием, восстановить несчастных людей. Пусть мир радуется, что все, что не было сделано или претворено в жизнь из-за старости нашего отца, было исправлено во времена Юстина. Старец больше не заботился (ни о чем): он был совсем холоден (265), и согревался только от любви к другой жизни. Весь его разум был обращен к небесам. Теперь, забыв это тело, он представил себе, что он вышел за рамки этого мира. И хотя он опустошил ресурсы исчерпанной сокровищницы, тем не менее, благословение моего святого отца со мной (270) и может полностью восстано-

вить его и восполнить потери. Мы не позволим никому наносить вред святой казне и никому, кому причинен вред во имя сокровищницы. Пусть все используют то, что принадлежит им, и наслаждаются благословениями закона».

Когда император произнес это в спокойной речи (275), сенаторы пали ниц и поклонились, восхваляя его благочестивые слова, и шум их громких аплодисментов достиг звезд.

Он сразу же отправился в возвышенный и великий цирк, чтобы увидеть счастливых людей и увещевать массы набожностью своего красноречия. Затем в длинной процессии (280) прошли высшие вожди и славный сенат. Сам Марцелл пошел во главе, он отличался своим великолепным ликом, радуясь служить своему брату, а Бадуарий - новому правителю священного дворца, преемнику своего тестя (вскоре он был сделан куропалатом). (285) Они были разными по возрасту, но подобными по желанию и готовности. Оба были патрициями, оба были любимы императором и сияли, как блистающие сверкающие звезды, звезды, которые украшают небеса ярким пламенем и которые одни можно увидеть с восходящим солнцем (290), когда группа звезд бежит, когда все созвездия тускнеют, и когда восходящее солнце смотрит на травы, когда оно дышит ими, а новый день покрывает звезды. Курсор пошел первым и дал сигнал. Плащи были сброшены обычным способом, и радостный ропот возник по радостным толпам. (295) Люди поднялись и пристально посмотрели на царский трон, потому что счастливые массы жаждали увидеть их благословенного императора.

Он вышел среди своего собственного света и коснулся своего безмятежного лба, сотворив знак святого Древа. (300) И когда он поздоровался с толпой, он добрался до скамей (?), заняв золотой трон и сиденье своих предков, украшенное перьями и толстыми красивыми накладками, он посмотрел на счастливых людей и со скромным выражением улыбнулся, увидев тысячи людей, которые были распространены перед ним, аплодируя, (305), сохранив торжественность и радуя людей. Когда император взошел и сел на высокий трон, раздался великий звук счастья: люди желали золотого века для своих правителей сотнями голосов.

Каждая из фракций выкрикивала «Многая лета Юстину» (310), и молилась о жизни императрицы Софии в бесчисленных молитвах. Они зазвучали аплодисментами своих рук, и радость их энтузиазма нарастала. Ряды поочередно отвечают на призывы друг друга. Они периодически выбрасывают свои правые руки, а затем делают это снова и снова. В соперничестве толпа блестит во всем цирке (315), когда плотные волны

взмывают вперед своими белыми рукавами. Они запевают свои песни и придают им движение. Их головы поднимаются и опускаются, то с поднятыми руками, то с опущенными. Они двигаются вперед вместе, а затем назад вместе, а плотная масса мужчин снова и снова превращается в плотное образование. (320) Вы могли бы подумать, что лиственные вершины вечнозеленых растений были подняты нежными порывами восточного ветра и играли, кивая с согнутыми головами, а далее, в свою очередь, от гибкого верха, то и дело развивались плодородные ветви. Затем, при поданном сигнале, люди замолкали (325), и все скамьи в шумном цирке еще поднимались: словно когда мягкий ветер занимает место ветров и бурного моря, перемещаемого штормом, оно сглаживается, и его воды успокаиваются, а затем в славном солнечном свете все чистые воды тихи, и берега спокойны. (330)

Когда великий шум и крики людей успокоились, святой император, обращаясь к ним своим императорским голосом, дал людям такое послание.

«Живите хорошо, граждане, пора радоваться: радуйтесь и оставайтесь счастливыми. Бог дал нам это. Пусть никто не нарушает его радости. (335) Пусть бойня прекратится, и пусть ссоры и разногласия прекратятся. И теперь я обещаю вам всем, после вашего тяжелого труда, пусть люди будут отдыхать, и я проявляю бдительность. Я сделаю город мирным и обеспечу людей. Мы заботимся о вас, мы заботимся о ваших интересах. (340) Поверьте мне, манера моего царствования не позволяет несправедливым гневаться долго. Сдерживайте свои пути, держите руки от воровства, прекратите наносить вред. Учите правосудие, соблюдайте приказ законов. Тот, кто практикует справедливость, не боится суда. (345) Ни один из таких не будет бояться. Суровость закона захватит виновных. Успокойтесь. Если партнер любит партнера и гражданина, я не только отдам приказы на выступления в цирке, которые вы любите, но и буду готовить отличные подарки для людей. (350) Я обогащу народ и верну как консул имя, которое так долго отрицали консулы, чтобы весь мир мог радоваться дару Юстина. Мои подарки с инаугурации поступят очень скоро. Встаньте на свои места, спешите, приготовьтесь, (355) и ожидайте моего консульства в назначенный день».

Услышав неожиданное имя консула, люди разразились радостью: раздался крик, и громкий шум прозвучал сквозь счастливых (людей), и раздавался во все стороны, и он дублировался звуками эха от их аплодисментов с их милыми голосами. (360)

Тем временем они оставили (?) скамьи огромного цирка; со всех сторон стекался поток просителей, которые заполнили всю арену бумагами, которые они клали перед самим местом императора, и со слезами, льющимися по их лицам, бросилась на землю (365) и лежали лицом вниз. «Пожалейте нас, мы потеряны», - долгое время раздавался великий плач.

«Почитайте святые узы вашего отца, выработайте итог из всех этих документов. Теперь помогите своим слугам. Когда наш хозяин приказал нам, мы предоставили ему свою собственность. Кто откажет вам, что принадлежит вам, (370), когда все, что имеет мир, принадлежит вам? Вы знаете, величайший из правителей, сколько пользы от вашей казны для дел. Если наши силы не удастся, откуда придет ежегодная дань за ваши ресурсы? Все, что мы делаем, работает от вашего имени. Мы называем нашим то, что на самом деле ваше. (375) Мы в такой беде, что с трудом получаем пищу для повседневной жизни, еду, собранную в течение долгого дня, и тяжелым трудом, собирая изнурительную еду к ночи».

Он не позволял многим плакать горькими слезами долго, но огорчался, сочувствуя им, и в своей набожности добровольно подчинился своим собственным законам (380).

«Когда живому наследнику удалось наследовать отцу, он должен восстановить деньги, которые ему не принадлежат», - сказал он. Он сказал своим верным слугам о привозе его личных сокровищ. Вскоре пришли бесчисленные группы людей, их крепкие руки были нагружены сотнями книг. (385) Они опустили их с плеч. Все разные группы собрались вместе, и весь цирк сверкал золотом, которое вылилось. Затем, взглянув на людей, он вывел счета и заплатил долги своего отца, и взял обратно свои облигации. Какая радость, какая популярность пришла к нему! Все вокруг, полное счастливого крика (390), было поднято к небу от аплодирующих людей.

Вожди и люди дивились. На одной стороне блестело пламя, когда бумаги горели, а с другой - сверкало желтое золото, соперничая с пламенем. С одной стороны, они кормили бумаги пламенем, с другой (395) они высыпали солиды и взвешивали их, и сжимали весы большими пальцами. Затем они уходят, складывая свои одежды, и шатаются под весом своей добычи, и с поднятыми глазами молятся о жизни императора.

Он считался более щедрым, чем его отец, и более милосердным, потому что в силу своей души он поправлял жадность ума (400), когда он выплачивал государственные долги из собственного золота по своему усмотрению, а как император жалел своих нуждающихся подданных. Этим делом новый благочестивый государь превзошел все дела своих

предшественников. Хотя лучше было следовать, тем не менее, это было первым предзнаменованием, которое ни один из наших предков (405) не зафиксировал ни у одного из предыдущих императоров.

Затем последовала еще одна работа благочестия. Жены плакали за своих мужей, сидящих в тюрьме, а матери - за своих сыновей. Великое горе в страдании не может сохранить скромность. Толпа (женщин) пришла, позабыв о своем поле, (410) жалкая в своем платье, посреди народа. Когда они достигли почитаемого трона императора, все они легли грудью на твердую землю. «Ты благочестив, ты можешь все», - кричали они. «Посмотри на наши благочестивые слезы, освободи от цепей тех, кто находится в бедственном положении. (415) Верни этим матерям своих сыновей, этим женам их мужей. Пусть этот день будет счастлив для всех. Пусть никто не будет печален среди твоей радости, император. Уничтожь все их преступления, чтобы мир мог радоваться счастью при милосердном государе».

Богочеловек наблюдал за их слезами и кивал, соглашаясь на свои печальные молитвы (420) и, как бог, приказал, чтобы все они были освобождены от своих обвинений, потому что он бог, который одним словом стремится сделать зло справедливым и спасти их от смерти. Верьте этому искренне: я не сказал это поспешно. Тот, кто делает это, является богом. Бог находится в сердцах наших правителей: (425) все, что дает Бог, это правящий принцип для наших правителей. Христос дал земным властям власть над всеми: Он всемогущ, и земной царь - образ Всемогущего.

И, раздавая им много других подарков в торжественном пожертвовании, он отпустил людей и вернулся в высокий дворец. (430)

ПЕСНЬ III. Похороны Юстиниана. Пир на коронации. Аварское посольство, семь дней спустя

406 строк

Когда император достиг порога императорского дома, хотя праздничный день поглотил шестой час, он не приготовил для сладкой пищи или приветственного напитка, прежде чем сначала отправил на место погребения святое и почтенное тело своего отца, удостоенного великолепных похорон. (5) Процессия была уже перед дверями, и повсюду во дворце сенаторы стояли с людьми в длинных портиках, а дальше внутри были плачущие слуги, тысячи золотых сосудов, тысячи видов колонн и

тысяча серебряных держателей, которые заполняли залы, свечи, расположенные в них, (10) были расположены в их порядке, приготовленные таким образом традиционным способом.

Грустные слуги были заняты в просторных залах. Толстые ковры (?) сверкали инкрустированными драгоценными камнями, которые римская власть принимала в прежние времена, из которых вырисовывался зеленый Нерей и земля Индии (15), и которые Цезарь привез из двора Мемфиса, что Клеопатра дала в мольбе, когда она приходила, бледная, подкупив свою стражу, чтобы сломать узы, наложенные ее братом.

Они увидели, что из них раздались вспышки света, когда их видели под углом. Но это был свет, а не огонь: свет сиял вокруг, (20) освещая позолоченные потолки яркой крыши. Они зажгли сабейские ладаны, налили ароматный мед на готовые блюда, и бальзам с его приятными запахами. Приносят сто других видов и прекрасных мазей, сохраняя святое тело на все времена. (25) Такова была последняя честь, которую император Юстин, лучший человек, чем Август Цезарь, заплатил отцу.

Когда благочестивый правитель вошел и увидел почтенное тело, он согнулся в слезах и вырвал холодные поцелуи из уст своего священного отца и сказал словами горя. (30) «Мы плачем от печали и скорбим всей силой нашего разума. Ты, отец, счастлив, святыня среди святых толп ангелов и, оставив свое тело позади себя, теперь видишь Бога и наслаждаешься лучшим днем под лучами солнца, с которым нет тьмы. Приветствую, уважаемый отец, кличу; (35) дорогой отец, последнее прощание».

Без дальнейших промедлений он приказал, чтобы пир был поднят по его императорскому кивку, и народ покинул весь дворец, и печальная процессия зажгла погребальные свечи. Каждый пол и возраст встречались для похорон. (40)

Кто может перечислить чудеса столь великой процессии? С одной стороны пели по почтенной линии пения дьяконов, с другой - хор девственниц: их голоса доходили до неба. Слезы текли как снег: одежда всех была мокрой от дождя, и их текущие глаза плавали в собственной влаге (45) и поливали их лица и грудь. Матери шли с распущенными волосами; некоторые были перед дверями, другие в более высоких частях здания заполняли высокие окна своим переполненным количеством: словно сбившиеся птицы, объединенные на берегах Гиперборейского Истра, (50), вынужденные суровой зимой покинуть ледяные земли. Бесчисленные птицы собираются вместе, принужденные льдом и снегом, собраться в одной группе, и ныряют туда, и не покидают реки. Многие

жгли благочестивые благовония для этой процессии. Со всех сторон печальные люди прибегали в страхе посмотреть. У всех была одна любовь, в одном на всех законном горе усилились их слезы, и когда они увидели похороны, они заплакали, пока они не пришли в залы церкви Святых Апостолов и не положили его почтенные члены в святую гробницу, которую сам император ранее устроил из чистого золота.

Когда все было спокойно, счастливые люди украшали святые стены по всему городу гирляндами зданий. Луга были опустошены их красотой, каждое дерево, которое было полно фруктов, и серые оливковые ветви были взяты. Они украшали дверные косяки и украшали пороги тростником, и растягивали праздничные покровы на всех улицах. Затем юноши стали веселиться и хвалить хвалу; они аплодировали своими ногами и выступали в приятных шагах, и играли новые песни с прекрасными мелодиями. Они называли благочестивого Юстина и Софию двумя огнями. Органы, лютни и лиры звенели по всему городу, тысячи видов удовольствия, тысяча пиров, танцы, смех, беседы, радость и аплодисменты. В счастливых криках они молились о жизни императорской четы. «После своей старости», - они говорили, - «мир радуется, чтобы снова стать молодым, и возвращается к своей старой форме и внешности. Железный век теперь ушел, и золотой век восходит в твое время, Юстин, надежда на город и мир, свет Римской империи, добавляя славу ко всем императорам, которые правили раньше, чья побеждающая мудрость достигла самых высоких вершин трона твоего отца». Они повторяли имя Софии и называли ее вторым светом, и добавили новую песню к их аплодисментам.

Между тем счастливый император со своей святой женой начал принимать участие в благословенных радостях императорского стола, царских пирах, и сладкие дары Вакха, которые создали дикая Сарепта и Газа, и какие прекрасный Аскалон дал своим счастливым колонистам; или какие древний Тир и плодородная Африка посылают, и что Мероэ, Мемфис и яркий Кипр имеют: и что древние виноградные лозы несут с их зрелой силой, которую итакиец Улисс посадил своими руками […], и он жил в доме Лаэрта, еще не пытаясь избежать опасностей Троянской войны: и осадки, которые земледелец выжал из винограда Метимны, ароматные, наполнили кубки фалернским. Древние дары палестинского Лиэя были смешаны там, белые с цветом снега и света с мягким вкусом. Они вливали темные медово-аттические вина в желтый металл, произведенный природой без потребности в жидком меде, и смешивались в дар гаризинскому Вакху. Кто сможет расска-

зать обо всем, что мир порождает для своих правителей, всех провинций, подчиненных Римской империи?

Хотя эти вещи были в изобилии, в великой роскоши (105), только небольшая пища была воспринята его скромным ртом, в привычной скромности, и столько же напитков, сколько трезвый ум, трезвое суждение придерживается рамок. Сама ответственность за свое правление и ум разумного человека справедливо заставляют его принимать пищу только экономно, а мудрость ищет лишь небольшое питьё. (110) Они поставили золотые блюда на пурпурные столы, ставшие еще более тяжелыми под весом драгоценностей. Юстиниан был изображен повсюду. Его изображения понравились царской чете, и счастливые потомки радовались, увидев образ своего отца. Вы могли бы подумать, что святые подобия были реальными (115) и стояли там живыми. Умение и среда могут добавить душ, если ты, природа, не отрицаешь права на добавление жизни. Мужским умам разрешено жить после смерти своей славой: их собственная слава хранит их имя в чести. (120) Сам Юстиниан отдал приказ о том, чтобы рассказ о его триумфах был записан на отдельных золотых сосудах, в то время, когда он торжественно бросал цепи на захваченных тиранов, когда в своем четвертом консульстве император совершил восхождение на Капитолий в своей триумфальной процессии. (125) Разговор за прекрасным столом среди царской четы вёлся о божественном отце: затем они превозносили его прославленное имя среди роскоши и высоко поднимали свои сладкие чаши, и его имя как будто все еще жило на их устах. Ни один правитель так не любил своего предшественника (130), даже когда сын преуспел в скипетре своего отца. Отец всегда будет приятен на все времена в глазах сына и будет жить в его сердце навсегда.

Когда они подняли последние чаши священного пира и радости высокого стола (135), которые принес первый день, умолкли, каждый поднялся с высокого ложа и отправился в свои личные апартаменты. Но они не расслабляли свои сердца в вялом сне: их умы не спали, чья благочестивая ответственность заключается в том, чтобы управлять столькими обширными народами, чтобы приручить жестких тиранов, (140) использовать советы и решать проблемы мира. Человеческому разуму пришло в голову признать, что многие решения, которые они приняли для безопасности мира, больше являются чудесными, чем могут быть пересказаны. Кто мог бы показать в достойной поэзии чудеса стольких божественных поступков? (145) С какими словами, с какой похвалой он мог бы воздать им должное? Божественная и благочестивая императрица, святое и почтенное имя, бессмертное добро, мудрость нашего языка, я

посвящаю это твоему покровительству; помотри на меня, когда я пою пожелания тебе и предлагаю милостивую помощь моей молитве.

Седьмой золотой свет увидел мир радости, отгоняющий зимние морозы со спокойной весной. Восходящее солнце, дышащее на все счастливейшими лучами, согревало ледяные морозы своим мирным огнем. Все элементы радовались друг другу и согревались в нежном тепле, и Новый Рим процветал в теплоте и в собственном ожидании.

Императорский дворец был украшен, и по приказу правителя были вызваны все вожди, каждому отряду дворцовой стражи было приказано занять свое положение. И теперь в твердом порядке строй деканов, курсоров, агентов дел (in rebus), а вместе с ними белый отряд трибунов палатинских и отряд протекторов, находящихся под командой своих магистров, и вся сила святых должностных лиц была там, в разных формах, одежде, платье и внешности. Великие экскувиторы, охраняющие священный дворец, были собраны близко друг к другу в длинных портиках от самых ворот, и защищали и правую сторону, и левую, словно стена, соединяя золотые щиты с поднятыми копьями. Их бока были опоясаны мечами, их ноги были схвачены сапогами, они стояли, все одинакового роста, и сверкали одинаково, их широкие плечи и крепкие руки, возвышались: словно лиственные дубы среди священных рек, через которые спокойная вода течет с резким шепотом, (они) создали плотную тень с лиственной силой, и закрыли дневной свет своими ветвями, и с радостью вознесли свои необрезанные главы, и ударились о вышние звезды своими вершинами. Слева и справа вы могли видеть линии солдат, что стояли и сверкали, отражаясь в свете лезвий своих секир, ужасных и равных по возрасту. Императорский дворец со своими чиновниками был подобием Олимпа. Все так же ярко, все, что упорядочено по своим размерам, сияет светом: точно так же, как золотые сияющие звезды в искривленном небе исполняют свои курсы, рассчитанные на их собственную меру, численность и вес, и остаются твердыми в фиксированном отступлении, и один свет сияет над всеми; все звезды уступают этим превосходящим пламенам, и они питаются огнем своего монарха, которым затмевается ложь. Таким образом, власть Рима над всем великим держится над всеми царствами среди народов и сияет, подчиняясь чистому небу.

Высокий зал стоит в огромном здании, сверкающем солнцем металла, чудесным по своей внешности и более чудесным в аспекте этого места и гордым своим великолепием. Императорский престол облагораживает самое святое святилище, опоясанное четырьмя изумительными

колоннами (195), над которыми в середине нависает блестящее жидкое золото, как свод изогнутого неба, оттеняя бессмертную голову и трон императора, когда он сидит там - трон, украшенный драгоценностями и гордый своим пурпуром и золотом. Он принял в себя четыре согнутые изгибающиеся арки. (200) Подобная Победа держала правую сторону и левую сторону, высоко подвешенная в воздухе на распростертых крыльях, протягивая в своей блестящей правой руке венец из лавра. Широкий пол был чудесным, с мозаиками и коврами, разбросанными по нему (205), а скамьи, расположенные длинными рядами, украшали великолепный зал своими завесами. Портьеры закрывали двери. Стражи стояли у высокого входа и задерживали недостойных, которые хотели войти, собравшись вместе, поскольку они были в большом количестве и пугавшие своим презрении и жестами. Когда чиновники заполнили украшенный дворец (210) упорядоченными группами, из внутренней комнаты воссиял великолепный свет и заполнил всё место собрания. Император вышел в окружении великого сената. Там служила толпа евнухов. (Они обладали максимальной верностью и полными правами (215), чтобы служить в святых местах и готовить золотые ложа, обставлять царский стол для торжественных пиров, хранить домашнее хозяйство и входить в священные покои, чтобы охранять двери изнутри и готовить одежды.) Тем временем вошел Нарсес, носитель императорского меча; Нарсес, следуя по следам своего господина, (220), возвышал голову над всеми линиями и заставлял императорский зал сиять своей красотой, его волосы были хорошо уложены, он был красив и формой, и лицом. Он был во всем золоте, но скромный в одежде и внешности и приятный своим выпрямленным видом, почтенный своей добродетелью, (225) блестящий, внимательный, бдительный день и ночь для правителей мира, сияющий славным светом: утренняя звезда, сверкающая в ясном небе, опережает серебристые созвездия своими золотыми лучами и объявляет о наступлении дня своим ясным пламенем. (230)

Когда счастливый император поднялся на высокий престол и опустил свои члены в пурпурных одеяниях, начальник служб приказал аварам войти и объявил, что они - у первых дверей императорского зала, просят узреть святые ноги (235) милосердного императора, и он приказал с мягким голосом и чувством, чтобы они были допущены. Варварские воины дивились, когда они пересекали («оглядываясь, см. I. 254) первый порог и большой зал. Они увидели высоких мужей, стоявших там, золотые щиты, и посмотрели на их золотые копья, когда они сверкали длинными железными кончиками (240), а также на золоченые шлемы и крас-

ные гребни. Они вздрогнули при виде копий и жестоких секир, и увидели другие чудеса знатной процессии. И они посчитали, что римский дворец был еще одним небом. Они радовались, когда на них смотрели, и казались беззаботными, когда они входили: (245), как гирканские тигры, когда Новый Рим дает зрелища своему народу, под руководством своего наставника не ревут с их обычной дикостью, но входят, идут по краю, и смотрят на цирк, полный тысяч людей, и своим великим страхом учатся мягкости: (250) они ломают свою ярость и счастливы носить жестокие цепи, чтобы войти прямо в середину, и они любят в своей гордости тот факт, что на них смотрят. Их глаза пробегают по скамьям и восторженным толпам, и они ложатся в обожании перед престолом императора. Но когда занавес был отодвинут в сторону, и внутренняя часть была раскрыта, (255), и когда зал позолоченного здания сверкнул, и Тергазис авар посмотрел на главу императора, сияющего святой диадемой, он трижды пал на колени в обожании и остался привязанным к земле. Другие авары последовали за ним в подобном страхе (260) и пали на свои лица, почистив ковры своими лбами, и наполнили просторные залы длинными волосами и императорский дворец своими огромными членами. Когда милостивый император приказал посланникам подняться, чиновники подняли их, когда они лежали там, по его приказу и предписанию, как он приказал. (265) «Что ты просишь?», - любезно сказал правитель спокойно, - «расскажи мне, научи нас и принеси послание от своего царя». Когда император сказал это своим спокойным голосом, суровый и жестокий авар начал резкими словами. (270)

«Каган, царь аваров, сражаясь войнами в самых отдаленных частях земли, заложил славу своей великой силой известных тиранов и покорил бесчисленные народы и сильные царства. Его войско способно высушить фракийский Гебр, израсходовав свои воды, обнажить русло реки, выпив ее (275), и уйти еще неудовлетворенным. Дикие персы боялись его; они поставили руки на колени, когда он угрожал им, и заработал мир своими молитвами. Если бы это было не так, напрасно, чтобы Вавилон был окружен высокими стенами, а Парфия теперь носила бы аваров как своих хозяев. (280) Мы разрушили Евфрат и покорили ледяные реки и зимние снеги, где холодные струи в потоке вод, и волна становится более жесткой, чем любой металл. Мы видели мосты, сделанные из стеклянного покрытия, лежащего над водоемами, озерами, реками и фонтанами. (285) Подобно кремню или подобно земле, вымощенной мрамором, затвердевшие воды покрыли родственные им воды. Мы везли скрипучие повозки по сплошным водам. От колес не оставалось никаких следов, и

наглый ободок, пока он катился, не оставлял обычных борозд. (290) Также нельзя было повредить хрупкую форму льда, уплотненную, как и сильный мороз (?); лошади громко фыркали, и их полые копыта испугали жидкие равнины, подняв безумный шум. Мы провалились в дождь, мы шли по воде с сухими ногами. Широкие снеги предлагали (295) широкие пути. Мы принесли жестокую войну суровым народам. Другая сторона разбила свои палатки. Мы присоединились к битве, мы захватили укрепленные города и низвергли сильные города, срывая их стены. И теперь наш царь пришел как завоеватель к берегам Скифского Истра (300) и поставил свои многочисленные палатки по широким равнинам, с которых он послал нас, о император, в этот великолепный ваш город. Настало время нам принять ежегодное утешение твоего великодушного отца. То, что давал нам этот святой человек, подходит и тебе. Если ты предпочтешь (305), что наш мирный договор останется без сомнений, и что наши соглашения будут сохранены, ты отправишь нашему царю дары, которые ему причитаются».

Спокойный император не был охвачен гневом и посмотрел на молодого человека, когда он делал эти хвастовства, мирными глазами, с благочестием, и сказал спокойной речью следующее. (310) «Так как легаты получают разрешение говорить, поэтому они должны быть смиренными и трезвыми в честности своей жизни; они должны быть людьми, которые могут знать в надлежащем порядке, когда они должны говорить смиренно, и когда в гордости, и кто будет искать то, что смягчит наш гнев, (315), и кто будет заботиться о своей собственной жизни, требуя договора. Гордость вашей гордости, раздутая пустыми словами, обнажила уродство ваших трусливых сердец. Почему вы хвалите беглецов и превозносите изгнанных людей с пустой славой? Смелая аварская раса, о которой вы говорите, подчинила сильные царства (320), но не могла защитить свои земли и покинула свой дом в качестве беглеца. Вы смеете лгать ложными историями, как мужи, которые не знают правды и придумывают новые измышления с позорным обманом? То, что вы сейчас считаете нужным приписывать своему собственному труду (325), - это ежедневный спорт для наших солдат: это энтузиазм правителей, и это удовольствие от их подданных. Этими средствами эта святая империя процветает во всем мире, ведя войну и сохраняя мир. Мы любим мир, как наши предки, но мы никогда не боимся жестокой войны. (330) Существует мир для завоеванных, но гордый погибает на войне. Мы щадим невинных, но мы не жалеем никого, кто виноват. Римское государство принадлежит Богу, ему не нужны земные руки. Оно живет благочести-

вым правосудием: оно не берет на себя инициативу в ведении войны, но она преследует его вначале. Или, если неблагодарные народы отказываются служить, (335), тем не менее, оно сначала предупреждает своих врагов в (своей) манере правления. Тот, кто принимает эти предупреждения, живет и может ожидать от нас заслуженной чести. Тот, кто любит мир, будет жить в покое, но те, кто хотят войны, погибнут в катастрофе войны. (340) Независимо от того, какая раса осмелилась напасть на штандарты Рима, она содрогнется, увидев, что ее толпы погасят внезапным ударом молнии, что бесчисленные граждане погибнут, и увидев, как гордые цари смирились и сломались под нашими триумфами. Итак, Каган готовится повести свои знамена против моих, (345), а авары угрожают мне трубами и армейскими лагерями, если мы не дадим им договор? Как вы думаете, мой отец сделал это через страх, потому что он дарил дары нуждающимся и был изгнан из жалости? Мы делаем это в благочестии нашего правления, и мы приказываем, чтобы назначенные дары давались тем, кто благодарен. (350) Наша рука щедрая, но не экстравагантная: она не знает отходов. Она отпускает богатство правосудия, которым она управляет миром. Мы даем сами по себе достойным и сами по себе отказываемся от недостойных. Вы смеете сопоставлять количества с количествами и силы с силами против меня? Мы не доверяем нашему оружию (355), хотя полководцы, войска и смелые трибуны, завоеванные цари и народы изобилуют для нашей империи, так же, как потоки, спускаемые с небес, и пески на берегу. Что больше всего этого, и моего собственного утешения – Бог; это сила и слава нашей империи (360), которой дана определенная безопасность, скипетр и сила; Который в Своем милосердии поместил латинский народ во все царства и благодарит Его мир за то, что его любят; Чьей надеждой мы связаны, Чьей силой мы низвергаем гордых, Чьим благочестием мы охраняем наших людей; (365) Кто увеличивает наши триумфы своей чудесной добродетелью. Мы восхваляем Его труд и Его единственного, кого мы боимся; только Ему мы поклоняемся и исповедуем быть нашим царем и господином. Пусть авары признают, что Он - Бог всех. Мы не допускаем высокомерие: народы, которые готовы служить, мы защищаем (370), и мы воспитываем смиренных дарами и честью. Пусть каждый измеряет свое богатство и силу своих людей, против которых он ведет войну и в каких надеждах он взял оружие. Пусть он спрашивает себя еще больше, где нужно искать божественную помощь. (375) Если ложные духи смогут противостоять могущественному Богу, если резные камни смогут пойти сами по себе, и глухие и беззвучные формы и монстры, состоящие из разных металлов, если

земля совершит войну в небе, вы возьмете свои руки против меня. Если ты, варвар, не знаешь (380), что может сделать римская сила, оглянись на историю, на то, что сделали наши латинские предки, деды и отцы. Узнай, глупец, что мог сделать наш престарелый отец, при котором вандалы-тираны пали на бойне, и геты были приручены, а юноши аламанны, франки (385) и многие другие народы и знаменитые королевства во всем мире подняли ярмо, сгибая свои высокие шеи до наших триумфов, и отдали свои сердца и умы к рабству, и остались верными нам, хотя они были когда-то нашими врагами. Смотрите, Скальдор готов служить в нашем дворце (390) и отправляет нам легатов и бесчисленные подарки. Против тех, кого мы считаем неблагодарными, мы идем на войну. Должны ли мы стоять на пути царей, но открыть наши двери для изгнанных рабов? Это не соответствует нашим законам. Я говорю вам правду. (?) Мы предлагаем помощь недостойным. Каган думает, что его боятся (395) и осмеливается напасть на мои знамена на войне? Очень хорошо, иди. Подготовь свои битвы, распоряжения и лагеря, и с уверенностью жди полководцев моей армии».

Авар задрожал от ужаса и сильно страдал. Его жидкий голос застрял в сухом горле (400) и смутился этими угрозами, он покинул императорский трон.

Что касается остальных, кого дальновидный император рукополагал своими глубокими советами, никто, признаюсь, не мог охватить его словами, и моя книга полна, и ее путь подходит к концу. Эти вещи, которые я оставляю, немного задержали (нас), чтобы их не упустить (405), чтобы они были установлены в нужное место; и я буду описывать радостный исход с преданным умом, насколько я способен.

ПЕСНЬ IV. Консульская инаугурация Юстина. 1 января 566 г.

376 строк

Теперь настал день перед тем, в который консул должен был убедиться в том, что компании заполнят портики трибун и места, которые префект города назначил народу, распорядитель законов и хранитель свободы, чемпион справедливых, (5) сохраняя свое достоинство торжеством и страшный по своей строгости, и даже более уважаемый за свое нежное благочестие. Затем они поспешили приготовить свои места, а затем подготовить пространство; в середине Форума, где император выходил в своей трабее из святого дворца (10) и раздавал богатство людям

правой рукой, давая им ритуальное пожертвование и рассеивая его, как снег, поднималось новое здание. По всему городу лесопилки были поражены количеством покупателей. Люди сошли с ума в спешке, чтобы купить стволы деревьев. Затем телеги, стонущие под весом дерева, аккуратно распределяли грузы, (15) скрипели колеса, когда они оказывались под большой нагрузкой. Даже такого огромного количества сухой древесины не хватало; затем им пришлось поехать с повозками по соседним городам и вырубить зеленые леса ножами. Гробы были уменьшены, тенистые поля были опустошены; железо било в деревья, и повсюду усталый дровосек стонал, удвоив свои удары, когда падали непрерывно топоры. Птицы улетали, оставляя свои гнезда, дикие звери содрогались от своих обычных преследований и покидали свои любимые укрытия. (25) Пещеры были поражены и застонали глубоко, и темные логовища убоялись света, который был впущен. Толпы людей бегали по древним лесам, как пчелы, которые согревают весенние силы, чтобы сделать новые лагеря и укрепить гребни с медом. Толстые рои поднимаются в воздух и блуждают по травянистым лугам, (30) парят внутри разных цветов и собирают влажную жидкость своими ртами, загружают ее на плечи и производят жидкий воск, и моют свои любимые дома в сотах. Они сгибаются над своей задачей и упорно трудятся в их приятном труде. Сразу же вырубалось дерево всех пород древесины (35), каждая из которых подходит для своего собственного положения: наиболее сложным является каркас, самые мягкие панели. Ясень вырубался квадратными топорами, а высокая сосна падала под частыми ударами, а затем прекрасные буки и тис с его горьким соком, сильные бревна из падуба и бледный ящик (40), сделавшийся еще более прекрасным от своей бледности. Древние дубы падали под топорами и вились, обнятые лозами, ароматный кедр и сильный лес, который никогда не будет плыть, дуб Юпитера, ольха, клен, теревинт, тополя, рябина. Горная ель была разрезана на тонкие панели, (45) и можжевельники, и светлые (ровные?) лимоны, и сладкий запах кипариса. Они разрезали дерево на тысячу штук: молоток гремел, когда он бил воздух, и пилы шипели своими грубыми краями, и изогнутый топор можно было услышать издалека, когда он бил по лесу. Греческие герои не срубали столько древесины (50), когда готовили свой вооруженный флот с тысячью кораблей.

Это здание дало радость первому счастливому городу. Люди удивлялись в своем энтузиазме, когда каждый пол и возраст прибежали (сюда). Опытные руки мастеров имели изогнутые гладкие арки из гнутой древесины, (55) и, фиксируя панели на полых балках, они построили

нависающее здание, формируя одну структуру с четырьмя этажами (с четырьмя углами?), закрепляя навершия из самшита на столбах из тополя и укрепляя основания у подножия тем же деревом. (60) Они укладывали полы с гладкими дубовыми балками; они устанавливали на панели и фиксировали их железными узорами, чтобы быть способными вынести вес и волнение людей и движения радостного народа. Вырезали древесину, закрытую на спинках и на одной стороне всех трибун, (65) защиту по кругу, предлагая как красоту, так и безопасность. Они разметили шаги, по которым люди должны были стоять длинными рядами, разделяться на свои гильдии и ассоциации, чтобы они могли выбрасывать и протягивать руки за подарками, видеть более ясно и проявлять свое расположение своими руками (70), и готовить складки своих одежд к подаркам, которые консул собирался бросать людям в огромных количествах, и протягивать ладони, чтобы получить их, чтобы золотой дождь мог течь вдоль и поперек.

Когда работа мастеров близилась к концу, и строение было завершено, и красота великого достижения светила, они очистили все вокруг (75), что в последнее время стало грязным, деревянными щепками, и украсили место, и каждый украсил свою секцию праздничными листьями. Верхние этажи были зелеными с ветвями пальм и олив, любителями мира. Триумфальный лавр увенчал все висячие крыши и обернулся вокруг них (80), обнимая их своими благословенными листьями.

Какие зрелища, какие развлечения у людей были там! Теперь вы можете увидеть что-то спортивное, другие смотрят тысячи различных развлечений. Они растягивали занавески, как подобает каждому месту. Они покрывали их, чтобы они могли восхищаться тем больше. То, что является общим, бесполезно: то, что скрыто, выделяется в чести. (85) И чем больше вещь скрыта, тем более ценной она считается. Тогда никто не мог попасть под закрытые своды: но широкая дорожка посередине была открыта для всех.

Восьмой свет новорожденного Христа с его новым сиянием обратил вспять следы года, катящегося назад на себя; (90) своим привычным образом круг в полном объеме завершил всю орбиту, возвращаясь с конца дней в начало другого, и новые числа настойчиво взывали к плавному колесу месяцев, по которому все время катится, а день заканчивается без конца. (95)

Солнце сияло из ясного неба и предлагало молиться о благочестивом мире, делая все земли радостными своим благословенным сиянием. Еще один ясный свет (т.е. Юстин) увеличил этот яркий свет (т.е. солнце),

когда каждый вышел вперед на землю под радостным небом, славным солнцем и консулом в триумфе.

Новый Рим сиял, и прекрасный дворец соперничал с самим небом. (100) Должностные лица, чья задача была приготовить дары в первый день года и наполнить дворец удачливыми толпами, принесли рыжеватое золото и свалили его в большие корзины, и загрузили место, где уже стоял высокий триумфальный трон, (105) прочно утвердившийся, но пока не занятый знаменитым консулом. Здесь они принесли на своих высоких плечах старое серебро, обновленное в разные фигуры и формы, выгравированные с надписями и вырезанными фигурами (110), и сгибались под большим весом, а тяжелые ящики были опустошены в одном месте: оба металла росли в большие кучи.

В большом зале было место, построенное с большим искусством, гордящееся золотом и драгоценностями, (115) имеющим свой собственный свет без солнца; природа драгоценных камней освещала все уголки вокруг них, меняя цвета всего и вставляя в тень лучи сияющего Феба. Округлые были смешаны с квадратными, белое с зеленым. Хризолиты и мирры сияли, и пиропос, выдыхая пламя (120), рассеивал тень своим собственным светом. До восхода солнца император поднял этот престол посреди зала, высокий с позолоченными ступенями и святыми драпировками, сам одетый в свою родовую трабею, украсив свой императорский лоб царской короной (125) и сохраняя свою серьезность, он сел в святой торжественности, возвеличивая появление цезарей и образ Габиния. Его пурпур сиял драгоценными камнями из Гидаспа, преодолевая день своим светом, но ярче и лучше самого себя в величии его обитателя. Сначала сенат (130) лег и поклонился, молясь «Юстин, будь завоевателем. С тобой, как консулом, и с тобой, как с императором, мир может процветать в блаженстве. Ты приветствуем, не как первый среди императоров по порядку числа, но сначала в порядке заслуг, даров богатства, дарования чести, пика свободы, главы мира, единственной добродетели (135) и явленной безопасности всем, реставратора почетного имени. Древние фасты восстанавливают новый век; ты обновил древний век Августа Цезаря; но твой более знаменит и больше. Первый год твоей приветствует твои радости с тобой в счастье, (140), и Новый Рим празднует больше молитв с твоими триумфами».

Затем имена сенаторов были зачитаны из священного списка, и те отцы, чье имя прозвучало, радостно поднимались, когда их вызывали, и подходили к высоким ступеням престола; они протягивали свои правые руки и брали дары (145) консула и правителя мира, и гордились своими

дарами, унося серебряные сосуды, полные желтого золота. Подобно земледельцам, несущим дары плодородной земли, когда луга зеленые, и они несли белые лилии в полных корзинах, и золото серединных сладких цветов. Они радовались, что несут домой первые плоды плодородного года и украшают дверные стойки и пороги, и переплетают свои дары, чтобы они были приятны для храмов. Тогда красноречие ораторов на обоих языках воспевало хвалу императорского консула в торжественной работе. Фортуна отдала свою милость тем, кто этого заслужил, и одобрение последовало их праведным словам. О благословенные, у которых есть обильный предмет для похвалы из самого материала. Как они могут не говорить о чем-то достойном похвалы, когда они возвращают жизнь и дела столь великого императора? Какой гром аплодисментов! Где был такой энтузиазм, когда такое количество мужей воздают хвалы? Какие навыки и какой интеллект они использовали! Какие усилия они применяли, чтобы добавить украшения к украшениям и похвалы к похвалам! И все же они не могли указать в своем порядке чудеса своей святой жизни. Ни силы человека, ни его интеллекта недостаточно, чтобы говорить о божественном. Если кто-нибудь будет пить и истощать воды Нила, или приносить ручьи в жаждущие пески, он сам удовлетворен водой и полями, если он орошает любые из них; он наполняет фонтаны и реки, и предлагает тем, кто хочет, широкий поток, чтобы пить … *(лакуна)*…

... Мы показываем, какие наши молитвы предназначены для наших правителей, и мы почитаем их с похвалами, пока мы поем и поклоняемся благочестивым. Хотя мы хвалим их, мы получаем похвалу от наших похвал, и наслаждаемся большим благом. Ибо божественные дела не нуждаются в человеческой хвале, но он взвешивает молитвы своих слуг и чтит тех, кто связан с ним благочестием. Таким образом, имперская рука хотела казаться более плодородной и благословленной, и что никто не должен быть предпочтительнее в ее благосклонности. Ибо это сделало этих мужей равными записанным отцам своими дарами, хотя их ранг сильно отличался. Их бдительность в ночи заработала это, и их мудрость, благоприятную для дорогих муз. Ученый император знал также, что литература очень важна в жизни, и что писатели испытывают большой труд.

Чиновники, которые охраняли великий дворец, были вызваны в правильном порядке и традиционном стиле, и вызвав их по схолам и компаниям, он дал им благочестивые дары и обогатил своих верных служителей богатством в соответствии со их заслугами и их званием.

Этот же прославленный государь (190) воспитал их и правил ими, даже когда его отец был жив. Он родился в империи и воспитывался в одном из дворцов среди верных отрядов и войск слуг, и он знал имена и дела всех их, любя всех их в своем сострадании, и всегда помогал им и советовал им с благочестием отца; (195), и, согласно манере правителей, он ухаживал за своими слугами, и помогал им, и защищал их. Как дальновидный пастух, который долгое время пасет быков и шерстистых овец на травянистых лугах и знает все имена, которые он дал быкам; (200) он радуется, что его дорогое стадо растет, он входит в стадо, отделяет более слабых и объединяет ягнят, называя их всех известными именами; когда они слышат его голос, они следуют и узнают своего хозяина, и блеют в воздух, и жадно берут зеленую траву, которую он принес. (205)

Тем временем народ наполнил весь дворец, украшенный витыми гирляндами разных листьев. Шелковые шторы висели над всеми колоннами. И с обеих сторон восторженные люди стояли во всех портиках и на улицах и готовили ладони и складки своих вещей. (210) Они ждали прибытия консула, который задерживался во внутренней части дворца, взвешивал задержку и искал причины этого, и все подняли глаза на царский дверной проем и жаждали шествия императорского консула: просто как когда ливийские земледельцы смотрят на облака, когда земля высохла, (215), когда первые молниеносные вспышки вспыхивают, а небо перемещается, и Нот впутывает воздух в замешательство частыми громовыми ударами; толпа деревенских людей бежит по сухим полям в надежде на дождь, и они очищают цистерны, выравнивают устья каналов и регулируют все потоки вод (220), благодаря которым струи могут плавно проходить по зеленым лугам (жестокая жажда заставляет их), и воздвигают барьеры из сухих песков и закрывают склоны богатой почвы.

Когда консул даровал богатство своим верным друзьям, он приказал всем подойти с поклонением императору (225), чтобы он мог дать свои благочестивые пожертвования людям. Они подчинялись его приказам. Богатый трон был поднят до великого триумфа тысячами рук, и избранные молодые люди возложили свои плечи на приветственную задачу и приспособили его к сильным кожаным ремешкам - юношам того же возраста (230), всем одетым одинаково, все одного и того же роста, все с одеждой того же оттенка красного, и поясами, покрытыми чистым золотом.

Счастливый сенат вошел в своих почетных одеждах, некоторые в трабеях, некоторые в тогах, согласно утвержденному приказу, что давал каждому свое место и одежду. Святые должностные лица последовали

далее (235), и глашатай вызвал первых с криками, говоря всем, чтобы они шли в отдельных группах. Плотные когорты входили с ликторами во главе. С одной стороны вооруженная группа охраняла правую и левую стороны от императора.

Великие экскувиторы охраняли его благочестивую спину (240) своими щитами, и сияли протекторы, их копья были яркими с желтым золотом. И сам консул, сверкающий своей святой диадемой, одетый в трабею, сиял драгоценностями и пурпуром, его лицо и плечи являли силу, и, как священный свет (245), его внешность превосходила драгоценные камни и золото, его ангельские глаза были равны звездам на небесах.

Когда он достиг благословенного порога святой двери, где путь повел к середине города по прямому маршруту, он бросил ужас на людей своей внешностью, и его глаза сверкнули: (250), как когда золотое солнце посылает свои сверкающие лучи из жидких вод океана и своим желтым светом посылает ясный день повсюду и озаряет весь мир славой своего сияния. Когда они увидели консула, люди поднялись, чтобы аплодировать, и добавили голоса к голосам. (255) Точно так же, как ласковая ласточка возвращается, чтобы дать своим детям еду, которую она умело обнаружила: когда она вернулась к себе домой, она блуждает по широким проемам (?), болтливая толпа поднимается со всего гнезда по прибытии матери, и они требуют пищи (260), и делают уста своей любящей матери своим собственным ртом, и стоят там с открытыми устами; но она, наклоняясь над ними и глядя вокруг гнезда, распределяет благочестивую пищу, чтобы питать их всех.

Император освятил храм с именем София, когда Юстиниан правил Римской империей (265), и императорский разум охотно посвятил свои клятвы Христу, уже, я думаю, без знания будущего; или же он был действительно невежественным, и Бог привел его на правильный путь, чтобы посвятить его заранее благочестивым покровительствам счастливого будущего, которое скрыто.

Феодора была на троне (270) в то время, когда ее основатель основал святую обитель, а эта обитель получила имя Софии, которая еще не правила; это было признаком того, что скипетр будет ее. Завершенная работа обнажила великую тайну, которая была скрыта в великом здании. Теперь для наших глаз явился ясный путь.

(275) В ярком свете мы можем видеть, что империя давно была обещана благочестивым Юстину и Софии небесным даром, и то, что было ранее неясным, теперь стало открыто, и никакая завеса не стоит на пути нашего зрения. Мудрость, безусловно, сделала его достойным Со-

фии: (280) он начал прекрасный храм и сделал его твердым и сильным, он начал его и завершил, украсил и прославил его дарами. Пусть теперь описание храма Соломона успокоится. Пусть все известные чудеса повсюду уступают место. Есть две чудесные вещи, имитирующие славное небо, (285), основанные на совете Бога, почтенном храме и славном здании новых Софиан. Это зал императора, и это от Бога.

Бог прославил оба здания, но храм больше боится славы своего величия. Ибо там доказано (290), как Бог присутствует повсюду, наполняя все. Там с глазом ума видна благочестивая и безраздельная сила Отца, Сына и Святого Духа. Считается, что это одна субстанция, но три персоны, под которыми сияют три имени. (295) И как Отец есть Бог, так и Сын Бог с равной честью и Духом Святым одинаково бог. Из трех один спустился с небес как искупитель мира и принял человеческую форму от девственницы. Он пришел по своей воле, творец и создатель мира (300), что был сотворен человеком и не переставал быть поистине Богом. Он был рожден, а не создан, полный свет света, один человек в двух натурах, как Отец в Боге, и полностью подобен человеку, прощая грехи без греха, (305) Христос, совершивший много чудес среди людей. В смерти Он попрал смерть и, как жизнь, восстающая снова, Он дал жизнь всем, кто верит в Него. Он вознесся на небо и сел в чести по правую руку от Отца, равный Ему по возрасту, чтобы стать судьей мира (310) и руководить царством без конца.

Правитель Юстин, любящий Его с верным сердцем, вышел в своей трабее из дворца и сначала для возвышенного храма поблагодарил Бога своим обычным благочестием. Он посвятил много даров своим молитвам (315) и обогатил благочестивый храм огромным пожертвованием. И он предложил свечи и смиренно молился в своем сердце нежным голосом, и благословлялся по правую руку от Бога, будучи более возвышенным и оправданным по той причине, что он стоял перед Богом и признавался в своем собственном смирении (320) и истинной вере, которую он сохраняет в благочестии.

Тот, кто любит себя, любит. Тот, кого любит Христос, великий царь, любим. Он Сам Царь царей, Он не подчиняется никому другому. Император Юстин управляет миром с этим защитником, только ему одному он поклоняется, определенно в своей надежде. (325)

Когда благочестивый император закончил свою молитву и покинул порог храма, он поднялся, чтобы показаться в великой колеснице консула, и сел, радуясь, окруженный светом. Его счастливые друзья стояли у ног своего господина, и у тех, кто выполнял его приказы, их лица и их

одежды светились, (330) отцы римского народа без продолжения рода. (Таков был) патрикий Каллиник, сверкающий славой возраста, который теперь стал отцом империи, заслуживающий того, чтобы быть еще более дорогим, отвечающим за благочестивое сокровище императорского святилища. Ибо, поскольку Юстиниан умирал, он недавно его почтил (335) и высказал сначала его верному уху секреты его разума.

«Я вызвал тебя, мой слуга, - сказал он, - и мой последний день очень близок, и по приказу моего создателя меня переносят из этого царства в другое. Бог дал всю Латинскую империю Юстину. Ты, верный друг, запомни (340) слова, которые я тебе доверяю. Когда мой дух оставит мою плоть и поднимется до чистой обители, иди среди вождей в дом Юстина. Пригласите этого мужа; даже если он не пожелает подчиниться, опечалив мою судьбу, он придет, он согласится.

(345) Не сомневайся в этом. Никто не может отвергнуть заповеди Божьи. Он будет признавать друзьями тех, кто был верен мне. Те, кто нападал на меня, или сейчас делает это, готовятся атаковать его тоже в подобных действиях, и они погибнут, и заплатят штраф за кровь (350). Но советы благочестивой императрицы при наказании ложных верноподданных милосердны: хотя он не хочет уничтожать все, что подлежит ему, он так наказывает несправедливые души, что смертная казнь не длится, и они быстро оплачивают ее. (355) Этого достаточно, чтобы организм страдал от боли, которая скоро закончится. Пусть они дрожат от вечного наказания и страха, наносимых навсегда. Отмщение смягчает преступление, которое было совершено. Примеры нескольких злых людей хороши для многих людей, чьи воспоминания после их смерти от наших законов содрогаются и осуждают.

(360) Смерть одного человека будет полезной для многих, и хитрость прекращается, когда на нее нападают опасения. Сам Бог назначил законодателей во всем мире». Держа это в своем уме, он повиновался, верный и с искренним сердцем, и заслужил того, чтобы быть любимым его правителем. (365)

Там также стоял меченосец Нарсеа, крепкий в своей телесной силе и любезный в тени тяжести белокурых волос, и украшал императорский трон, когда он держал свои славные знамена. Как драгоценный агат или паросский камень, сияющий посреди желтого золота (370), когда рука художника формирует его: он был таким же ярким, как светлый, спокойный, красивый, с мягким выражением, так как он защищал сзади императора и сиял в его ярких доспехах.

Также присутствовал и Тиберий, возлюбленный правителя святого дворца, выполняя все свои обязанности, (375) выполняя свой долг кивком и жестом, и спокойно (призывая) своих слуг выполнять свои задачи…[58]

…………………………………………………………………………..

[58] На этом текст рукописи обрывается.

Знания бесплатны. Знания бесценны

МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ.
Документы и материалы

Вып. 10:

Флавий Кресконий Корипп Африкан Грамматик.
ПАНЕГИРИК ЮСТИНУ МЛАДШЕМУ

Отв. ред.-сост.: проф. Н.Н. Болгов

Подписано в печать: 27.12.2017.
Издание существует только в электронной версии.